

УИЛЬЯМ Ф. ЭНГДАЛЬ

НЕВИДИМАЯ РУКА ...БАНКОВ

Паника 1907

осн. ФРС

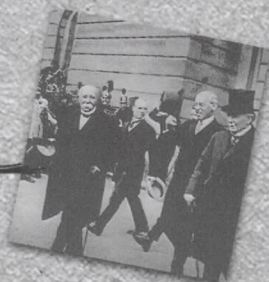
Бирж.
крах 1929

1 мировая

В. Вильсон.
Конгресс

Версаль. Договор

Великая депр.

Предисловие

К книге «Невидимая рука... банков», к которой написано данное предисловие, я питаю столько же надежд, сколько и страхов, сравнимых, разве что, с чувствами людей во всем мире, во время победы Дональда Трампа на выборах, когда не было еще толком ясно, что это может значить для всего мира. Надежды, питаемые, в основном, в российском обществе, связаны с предвыборными обещаниями Трампа об установлении не столько дружественных, сколько «нормальных» отношений с Россией. Но, до тех пор, пока мы отождествляем Америку с демократией и борьбой за справедливость, мы, в конечном счете, все больше отдаляемся от реальности.

Невозможно сформулировать, что представляет собой американская власть, и каковы ее цели в мире на сегодняшний день, без понимания того, что с 1945 года могущество Америки базировалось на двух китах: мощь вооруженных сил и финансовая власть доллара, основанная на роли международных банков Уолл-Стрит, и доллара, как мировой валюты.

В 1992 году, после крушения Советского союза, не без участия Вашингтона и проведения Гайдаром и Чубайсом провальной экономической программы,

под названием «шоковая терапия», США обрели статус единственной мировой сверхдержавы. 1992 год ознаменовался принятием Доктрины Вулфовица, разработанной министром обороны США Диком Чейни, заместителем министра обороны Полом Вулфовицем и его помощником Скутером Либби. Документ является набором стратегических рекомендаций по внешней политике и обороне США, в основе его лежит идея предотвращения любого вызова единоличной гегемонии США.

Каждый новый президент до сих пор руководствуется доктриной Вулфовица, для того, чтобы не допустить неблагоприятное для Штатов развитие событий. С этими намерениями Вашингтон не препятствовал развитию конфликта на Украине, а именно способствовал проведению государственного переворота в 2014 году, таким образом, подрывая единство экономического пространства от Франции и Германии до России и Китая.

Американские ожидания, однако, не были оправданы. Россия, вместо того, чтобы погрязнуть в сухопутной войне на своей границе, начала воплощать свои экономические амбиции на востоке, заставив американцев слегка понервничать, ведь одним из пунктов плана администрации Обамы был контроль энергетического пространства на Ближнем Востоке - война в Ливии, а затем и в Сирии против Башара Асада. Однако, военное вмешательство России в Сирии при поддержке Ирана и Китая, стало большим препятствием на пути США к мировому господству. Вся суть сегодняшней американской политики кроется в лозунге президентской компании Дональда

Трампа «Америка снова станет великой». И его необходимо понять правильно, взглянув на состав выбранного им правительства, которое олицетворяет далеко не идею «мира во всем мире», а наоборот. Правда, Трамп решил немного отойти от тактики Обамы, и начать с денежной политики, по которой предполагается, что банки Уолл-Стрит и казначейство США всегда будут «в выигрыше». Федеральная резервная ставка будет равна не 1-2%, а будет непрерывно расти, а доллар и его активы непременно усилятся.

Необходимо понять, что активы каждого из крупнейших четырех банков с Уолл-Стрит сегодня больше, чем весь ВВП России в совокупности. В 2015 году номинальный ВВП России составлял примерно 1,2 триллиона долларов, что в десять раз больше, чем десятью годами ранее. Для сравнения, активы крупнейшего банка Уолл-Стрит JPMorgan Chase составил 2,5 триллиона долларов, что более чем вдвое превышает объем ВВП такого крупного государства, как Россия.

Активы второго по величине Bank of America составили 2,2 триллиона долларов. Активы Wells Fargo - 1,9 трлн, долларов, Citigroup - 1,8 трлн, долларов, Goldman Sachs - чуть меньше, чем 900 млрд, долларов и Morgan Stanley - 800 млрд, долларов. Эти шесть банков, как описывается в книге, на сегодняшний день контролируют весь Федеральный резерв. Они решают, кто будет министром финансов, и какую политику он будет проводить для поддержки Уолл-Стрит. Они определяют финансовую политику США в отношении мировых рынков, включая рынок

государственных облигаций США, акций, нефти и золота.

Состояние шести финансовых гигантов с Уолл-Стрит в 2015 году поистине ошеломляет, оно составляет 278 млрд, долларов. С помощью силы, как финансового инструмента, «гиганты Уолл-стрит» на данный момент могут воздействовать на все мировые рынки, начиная нефтью и заканчивая золотом. В их руках находится 96% всех финансовых деривативов.

После финансового кризиса, в сентябре 2008 года, в соответствии с решением министра финансов Генри Полсона, бывшего председателя Goldman Sachs, было взято 700 млрд, долларов из денег налогоплательщиков, в целях обеспечить безопасность банков «гигантов» Уолл-стрит, власть которых стала еще могущественней. Для сравнения: в 1929 году, после краха фондового рынка, когда правительство и Конгресс приняли ряд разумных законов для управления нерегулируемой властью банков Уолл-Стрит.

Дональд Трамп, нынешний президент США, как и его предшественник, поручил роль министра финансов Стивену Мнучену из Goldman Sachs. Это все тот же Дональд, выступавший в защиту «синих воротничков», оставшихся без работы из-за наплыва китайцев, занявших рабочие места, в соответствии с правилами ВТО и по причине глобализации. Это все тот же Трамп, который утверждал, что он готов «выпить болото», но искоренить коррупцию в США.

В период 70-х годов в мире одновременно подскочили цены на нефть и зерно на 300-400%. Генри

Киссинджер, последователь Британской школы геополитики сэра Хэлфорда Маккиндера и член Бильдербергского клуба, созданного в США, заметил: «Если вы контролируете нефть, вы контролируете целые государства или, даже, группы государств; если вы контролируете продовольствие, вы управляете людьми; если вы контролируете деньги, вы управляете всем миром...».

Долгосрочной повесткой для банков «богов денег», за которыми стоят Рокфеллеры в США и Ротшильды в Англии и Франции - получение полного контроля над мировым денежным капиталом. А тот факт, что сегодня Россия, Китай и Иран сотрудничают, чтобы построить Евразийский «сухопутный мост», высокоскоростную железную дорогу, путь, пересекающий всю Евразию, впервые за всю историю со времен древнего Шелкового пути, а также планируют создание эффективного Единого экономического пространства - представляет собой смертельную угрозу для власти долларовой системы.

Выбрав Дональда Трампа «символическим» президентом, они поставили задачу «сделать Америку великой снова». Как? А именно, подготовив ее экономику вести настоящую войну против государств-конкурентов. И сегодня у них всего три «препятствия» на пути к полному мировому могуществу, или, как они сами говорят, «новому мировому порядку» - Россия, Китай и Иран.

Итак, что бы понять истинные намерения Вашингтона, скрывающиеся за «дружественными речами» Трампа или грубостью Виктории Нуланд, Джо-

на Маккейна и Барака Обамы в отношении России, важно знать, что вся мировая политика сейчас контролируется главными игроками на мировом финансовом рынке, эти самыми хозяевами, «богами денег», как они сами себя называют - банками Уолл-стрит.

РОЖДЕНИЕ ФЕДЕРАЛЬНОЙ РЕЗЕРВ- НОЙ СИСТЕМЫ В РЕЗУЛЬТАТЕ БАН- КОВСКОГО ПЕРЕВОРОТА

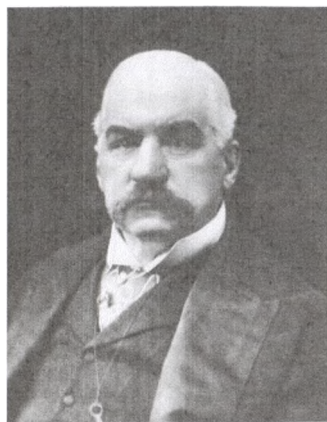
Рыночные цены на предметы потребления изменяются каждый день, а зачастую даже несколько раз в день. Это происходит, когда нет радикального расхождения в пропорции поставок и естественной потребности. Этот факт - прямое доказательство того, что наша система управляется манипуляторами и в корне ошибочна. Я... предложил план, который, если будет принят, сделает хозяевами мира людей, а не денежный трест.

Конгрессмен Чарльз О. Линдберг, 1913¹

ВОЗВЫШЕНИЕ МОРГАНА

Дж. Пирпонт Морган в результате махинаций на пару с Белмонтом в течение кризиса 1893 года стал к концу 1890-х одним из самых влиятельных банкиров в мире. Он начал свою деловую карьеру в возрасте 24 лет, перепродавая назад американскому правительству его же собственные армейские винтовки времен Гражданской войны — устаревшее оружие, которое он перед этим купил у Армейского арсенала США в Нью-Йорке через подставных лиц.

Агенты Моргана тайно приобрели 5 тысяч дефектных и устаревших винтовок по 3,5 доллара за штуку и затем перепродали их по 22 доллара Армейскому штабу в Сент-Луисе, утверждая, что винтовки «новые и в отличном состоянии». И блестящая карьера Моргана, основанная на мошенничестве и коррупции, начала свое восхождение к высотам².

Джон Пирпонт Морган - американский предприниматель, банкир и финансист.

Пока Пирпонт Морган был занят надувательством американского правительства во время Гражданской войны, его отец Джуниус Морган, партнер в банке Peabody, Morgan & Co., переехал в Лондон, чтобы присоединиться к американскому банкиру Джорджу Пибоди в качестве финансового представителя правительства Соединенных Штатов в Англии.

На тот момент Пибоди был американским представителем в Лондоне во время борьбы Линкольна в суде по делу «Союз против южных штатов Конфедерации».

Несмотря на очевидную цель администрации Линкольна, оба расценивались в Англии и даже в США как сторонники Конфедерации.

Уважаемая газета The Republican (Спрингфилд, Массачусетс) сообщила в октябре 1866 года, что Пибоди и Морган «...не дали нам ни веры, ни помощи в нашей борьбе за существование нации. Они в полной мере участвовали в общем английском противодействии нашему делу и нашему успеху, представляли интересы Юга, а не нации».

Более того, The New York Times даже написала о лондонских делах Моргана и Пибоди: «Никто больше так не поспособствовал наводнению наших денежных рынков свидетельствами нашего долга Европе, падению цен и ослаблению финансовой уверенности в нашей нации, чем George Peabody & Company, и никто не сделал больше денег на этих операциях. Согласно Конституции США, лондонские финансовые манипуляции Пибоди и Моргана во время войны являлись изменой»³. Так же как и его отец, Дж. Пирпонт Морган продолжит строить колоссальную банковскую и индустриальную империю в Америке на мошенничестве, измене и обмане, все время заботясь о том, чтобы пресса изображала его филантропом и человеком христианской прямоты.

Как мы увидим позже, Дж. Пирпонт Морган, банк которого в начале XX века вышел на сцену как самое

сильное финансовое учреждение в Америке, стоял в 1913 году за созданием Федеральной резервной системы, а также нью-йоркского Совета по международным отношениям — частного мозгового центра, который формировал американскую внешнюю политику в течение XX века. Кроме того, банк Морган спроектировал после Первой мировой войны План Дауэса по выплате немецких военных репараций, который создал условия для возвышения Гитлера и привел ко Второй мировой войне.

Но мы забегаем вперед.

Роль, которую Дж. Пирпонт Морган сыграл в Панике 1907 года, была решающей для всего, что затем последовало: рождения американской олигархии, двух мировых войн, окончательного решения немецкой проблемы и строительства на пепелище войны новой Американской империи, преемницы уже неплатежеспособной Британской империи.

МОРГАН И РОКФЕЛЛЕР УСТРАИВАЮТ ПАНИКУ

1907 ГОДА

Как мы помним, панику 1893 года вызвал переход на расчеты в золоте, задуманный и воплощенный самими банкирами. В результате в выигрыше остались Морган, Джеймс Стилман, бывший тогда главой National City Bank, и горстка брокерских домов во главе с Белмонтом и Kuhn, Loeb & Co. Дж. Пирпонт Морган использовал этот кризис, чтобы получить контроль почти над всей сталелитейной и железнодорожной промышленностью США. В 1901 году он получил контроль над

U.S. Steel, которую создал в результате слияний компаний Carnegie Steel и других, чтобы сформировать крупнейшего в мире производителя стали. При создании нового стального треста U.S. Steel Морган пустил в ход «разбавленный» акционерный капитал ошеломительной номинальной стоимостью 1,402 миллиарда долларов, что сделало его детище первой в мире корпорацией, которая оценивалась более чем в миллиард долларов.

Расследование американского Бюро корпораций определило, что более чем половина акций от общей суммы, проданного публике акционерного капитала на сумму 727 миллионов долларов, была выпущена сверх любой видимой стоимости. Биржевой курс базировался в действительности на капитализированной будущей прибыли, точно так же сделают печально известные Enron Corporation или WorldCom во время «золотой лихорадки» на фондовой бирже в конце 1990 годов. Кроме того, Морган создал обширную General Electric Co., International Harvester и бесчисленное множество других крупных промышленных групп, над которыми царил всемогущий банк J.P. Morgan & Co.

Тем временем National City Bank Стильмана («Ситигрупп»), банк Джона Д. Рокфеллера Standard Oil Trust стал крупнейшим коммерческим банком в Соединенных Штатах. Операции Моргана и Стильмана с золотом «спасли» после 1893 года американское Министерство финансов, но всерьез потеснили позиции президента Кливленда и аграрного крыла его Демократической партии. Отношения Кливленда с банками стали проблематичными на выборах 1896 года, когда последние попали под огонь критики защитника обращения серебряных денег, демократа Уильяма Дженнингса Брайана.

Нефтяной магнат Джон Рокфеллер вместе с Дж. Пирпонтотом Морганом и его верными банкирами с Уолл-стрит щедро финансировали предвыборную кампанию республиканца Уильяма Мак-Кинли, который и выиграл выборы в 1896 году, нанеся поражение стороннику монетарного серебра Брайану.

Мак-Кинли приехал из Огайо, где базировалась Standard Oil, а его карьера была сделана школьным другом Джона Д. Рокфеллера, а позже его деловым партнером Марком Ханной. Избрание Мак-Кинли американским президентом в 1896 году стало результатом секретной встречи между фракциями Рокфеллера и Моргана на Уолл-стрит. Ханна представлял Рокфеллера, а интересы Моргана — человек из железнодорожной индустрии Джеймс Хилл. Отныне президентство оказалось в надежных руках, поскольку группировки Моргана и Рокфеллера об этом побеспокоились.

В 1900 году Мак-Кинли был переизбран в ходе кампании по поддержке золотого стандарта. Благодаря панике 1893 года была уничтожена биметаллическая серебряная фракция, и для Моргана, а также узкого круга нью-йоркских и союзных им лондонских банков был расчищен путь к владению финансами Соединенных Штатов.

Томас Вудро Вильсон (Thomas Woodrow Wilson) - 28-й президент США

К 1907 году финансовые группы Моргана и Рокфеллера были готовы пойти в следующее наступление на экономи-

ку страны, которое впоследствии было названо Паникой 1907 года. Оно должно было стать заключительным толчком к банковскому перевороту — лоббированию Закона о Федеральной резервной системе через Конгресс в 1913 году, когда почти ничего не подозревающие американские конгрессмены передали свои право и власть печатать деньги консорциуму частных банков.

События 1907 года запустил нью-йоркский Knickerbocker Trust, банк среднего размера, в те дни возглавляемый активным махинатором по имени Чарльз Барни. Вместе со своим деловым партнером Фредериком Хайнцем он вышел на рынок меди, скупая ценные бумаги United Copper, крупнейшего поставщика меди — металла, пользовавшегося необычайно устойчивым спросом. При этом партнеры столкнулись с могущественной группой Рокфеллера, которая управляла этой крупной компанией и совсем не была заинтересована в постороннем конкуренте в лице уроженца штата Монтана Хайнца.

Хайнец создал свой собственный банк в Нью-Йорке — Mercantile National Bank. Он использовал авуары банка, чтобы бросить вызов медному рынку, на котором доминировал Рокфеллер. 14 октября 1907 года ценные бумаги United Copper взлетели до 62 долларов за акцию. Два дня спустя они стоили 15 долларов, и Хайнец был на пути к разорению. Рокфеллер выбросил на рынок миллионы фунтов меди, ускорив падение ее цен, а вместе с этим и цен на акции United Copper, принадлежавшие Хайнцу.

У Хайнца как у бизнесмена был один явный недостаток: он был упорным аутсайдером и не входил в картель плутократов. Кроме того, он был активным

индивидуалистом, который не обращал внимания на власть Моргана или Рокфеллера, пока не стало слишком поздно.

Оказалось, что Хайнц, помимо своего собственного Mercantile National Bank, был также связан с шестью другими нью-йоркскими банками средней руки. Новости о крушении Хайнца и связанных с ним банков попали в нью-йоркскую прессу, что вызвало панические изъятия средств из всех шести банков, так же как и из Mercantile National Bank. Распространение паники подогревалось и новостями о том, что президент третьего крупнейшего сберегательного банка в Нью-Йорке Knickerbocker Trust имел деловые связи с Mercantile National Bank Хайнца. Эти известия вызвали паническую реакцию у вкладчиков самого Knickerbocker Trust⁴.

Knickerbocker Trust мгновенно это почувствовал. Банк был вынужден просить частные банки, членов Ассоциации клиринговых палат о чрезвычайных мерах по спасению. Главой Ассоциации клиринговых палат был не кто иной, как Дж. Пирпонт Морган.

Прежде чем согласиться на какие-либо меры по спасению, Морган потребовал ревизию отчетности Knickerbocker Trust. Ревизия возглавлялась близким другом и сотрудником Моргана Бенджамином Стронгом, человеком, который впоследствии стал влиятельным первым управляющим Федеральной резервной системы. В результате этой ревизии Морган отказался продлить чрезвычайный кредит Knickerbocker Trust, чтобы остановить панику вкладчиков и распространение слухов о неплатежеспособности банка. Паническая волна изъятий перекинулась на другие трестовые банки.

Последующая паника, согласно расследованию Конгресса в 1911 году, тщательно подпитывалась ложными слухами, преднамеренно распространяемыми близкими друзьями Моргана в принадлежащих им газетах, включая нью-йоркскую Evening Sun и The New York Times. Пресса сообщала о предполагаемом бегстве вкладчиков из некоторых трестовых банков, таких как Trust Company of America, который Морган и Рокфеллер хотели убрать с дороги.

Никакого бегства из Trust Company of America не было, пока не появились эти сообщения в печати. Банк был фактически разорен, однако он держал большой пакет ценных бумаг в Tennessee Coal and Iron Company с богатыми месторождениями руды (одними из крупнейших разведанных месторождений железа в США), понадобившийся недавно сформированной американской U.S. Steel Corporation Моргана. Он позаботился, чтобы Trust Company of America получила необходимую ликвидность от синдиката банкиров Моргана только взамен на договоренность пустить под обеспечение этого кредита все его акции в Tennessee Coal and Iron Company.

Для окончательного завершения сделки Морган послал двух своих лейтенантов Генри Клэя Фрика и Элберта Гари из U.S. Steel на встречу с президентом Теодором Рузвельтом, чтобы заручиться его согласием на приостановку американского антитрестовского закона. Публике было сказано, что это сделано, чтобы «спасти страну». На деле эта сделка должна была позволить U.S. Steel поглотить Tennessee Coal and Iron Company в обход Антитрестовского закона Шермана.

Рузвельт, который стал известен как «покоритель трестов», на самом деле имел прочные связи с Денежным трестом и особенно с группой Моргана⁵. Основные публичные заявления президента-республиканца Рузвельта, как правило, дирижировались (с его согласия) бывшими ключевыми представителями или группы Рокфеллера, или группы Моргана, или обеих групп сразу. Он послал проект своего третьего доклада Конгрессу о положении в стране личному банкиру Рокфеллера Джеймсу Стилману из National City Bank, пообещав, если понадобится, изменить секцию по поводу валютного вопроса, чтобы удовлетворить Стилмана. В октябре 1903 года Рузвельт пригласил Дж. Пирпонта Моргана в Белый дом для частного разговора, а также тайно переписывался с железнодорожным магнатом Эдвардом Генри Харриманом о политических назначениях и пожертвованиях на предвыборную кампанию.

Психологически опустошенный крахом Knickerbocker Trust Чарльз Барни месяц спустя совершил самоубийство. Нью-Йоркская фондовая биржа рухнула, поскольку находящиеся в отчаянном положении из-за отсутствия наличности трестовые банки продавали акции, чтобы обрести капитал. Страна погрузилась в очередной серьезный экономический кризис, который продлился 13 месяцев.

По всей стране региональные банки отказывались выплачивать депозиты в золоте, как требовалось законом, боясь потери наличных денег. В некотором отношении это было подобно краху межбанковского доверия, который произошел столетие спустя, в 2007 году, с тем исключением, что в 1907-м отсутствовал бюджетный кредитор последней инстанции.

Паника 1907 года затихла почти чудесным образом, когда Рузвельт объявил о приостановке американских антитрестовских законов. Рокфеллер и его банкир Джеймс Стилман устранили конкурента Хайнца из медной отрасли. Как только Морган вырвал вождельенные ресурсы Tennessee Coal and Iron Company у Trust Company of America, слухи в прессе затихли и банк вернулся к нормальному ведению дел.

Легковерной общественности было рассказано о «героическом спасении» национальной банковской системы самоотверженным Дж. Пирпонтот Морганом. Один из немногих, кто не поверил в альтруистические побуждения Моргана, Рокфеллера и их близких друзей с Уолл-стрит, был защитник хождения серебра в качестве валюты демократ Уильям Дженнингс Брайан. Он заявил: «Позор недобросовестным финансистам, которые с помощью мошенничества скопили состояния, и которые, как финансовая аристократия, эксплуатируют всю нацию»⁷.

НЕПРОШЕНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ МИНИСТЕРСТВА ФИНАНСОВ

В дебатах о регулярных банковских паниках редко упоминался тот факт, что у правительства США в лице министра финансов уже была власть вмешиваться и предоставлять кредиты опустошенным банкам. Министерство финансов в критической ситуации легко могло бы сыграть роль кредитора последней инстанции и удержать процесс национального кредитования под федеральным руководством и общественным

контролем, поскольку имело такой мандат по Статье 1 Конституции США. Требовалось только, чтобы Конгресс профинансировал чрезвычайный резерв, который был бы в полном их распоряжении.

В докладе Министерства финансов США 1906 года, за год до Паники 1907 года, американский министр финансов Лесли Шоу, верный защитник широкого использования полномочий американского правительства для управления кризисами на валютном рынке, писал: «Если бы министру финансов дали 100 миллионов долларов, чтобы вкладывать их в банки или изымать, как он считает целесообразным, и если бы, кроме того, он распоряжался резервами этих нескольких банков с возможностью сужать обращение национального банка по своему усмотрению, то, по моему мнению, не существовало бы паники (в отличие от индустриального застоя), угрожающей Соединенным Штатам или Европе, которую он не смог бы предотвратить. Ни один центральный или государственный банк в мире не может так быстро повлиять на финансовое положение во всем мире, как это может сделать министр финансов с той властью, которой он сейчас наделен»⁸.

Предложение американского министра финансов о создании в Министерстве финансов департамента банковского кредитора последней инстанции в моменты кризисов ликвидности отнюдь не было пустой фантазией. К 1899 году американское Министерство финансов обладало большим государственным золотым запасом, чем любой центральный банк в мире, включая Банк Англии и Банк Франции. Доллар США был одной из самых сильных валют в мире, и управ-

ление золотым стандартом находилось под прямым регулированием американского Министерства финансов, а не частных банков, как это было в Европе и Англии.

Однако Морган, Рокфеллер и прочая элита, стоящая за Денежным трестом тех дней, абсолютно не была заинтересована в общественном или правительственном решении, из которого они не могли бы извлечь выгоду. Они были настроены использовать панику и атмосферу кризиса, чтобы реализовать свой самый смелый план — перехватить у федерального правительства США его полномочия чеканить и печатать деньги, а также управлять их эмиссией. План заключался в том, чтобы создать национальный банк, который будет полностью находиться в частных руках банкиров Моргана, Рокфеллера и их дружков.

Министр финансов Шоу ушел в отставку в марте 1907 года, за несколько месяцев до того, как Морган со своими товарищами форсировали Панику. Должность Шоу была занята близким другом Моргана Джорджем Кортелью. При нем Моргану и его друзьям с Уолл-стрит почти нечего было бояться.

Из кризиса Дж. Пирпонт Морган вышел героем. Он был назван дружественной финансовой прессой «спасителем дня», ведь в подходящий момент, когда цены стали чрезвычайно привлекательными, он публично заявил на рынках о своей «уверенности» в скупке акций крупных корпораций, чтобы добавить их к своей обширной индустриальной империи. Морган вышел на сцену, как доминирующая сила, управляющая частными железными дорогами Америки. Он сделал это в 1889 году, тайно создав глав всех основ-

ных железных дорог, чтобы создать незаконный картель для ценового сговора и затем резко поднять грузовые тарифы. Согласно записям нескольких минут встречи, Морган обеспечил этот ценовой сговор, угрожая заморозить новые займы для тех железных дорог, которые не сотрудничают с ним. Эти же методы будут использованы несколько десятилетий спустя во время кризисов задолженности 1980-х и 1990-х годов нью-йоркскими банкирами, действующими через находящиеся в Вашингтоне Международный валютный фонд и Всемирный банк: «Играй по нашим правилам или сдохни...»⁹

Банковская Паника 1907 года вынудила многие банки потребовать выплаты своих кредитов от спекулирующих недвижимостью и производственных компаний. Крупная Westinghouse Electric Company искала защиту от кредиторов в банкротстве. В 1908 году висконсинский сенатор Роберт Лафоллет выдвинул обвинение в том, что «группа финансистов, которые сдерживают и дозируют процветание, преднамеренно навлекла последнюю Панику» для получения прибыли. Морган отмолчался.

Ему помогли управлять кризисом 1907 года. Американский министр финансов Джордж Кортелью, после ночной встречи с партнером Моргана Джорджем Перкинсом, объявил во время кризиса о формальной поддержке Торгового дома Моргана, предложив экстраординарную сумму в 25 миллионов долларов в качестве дополнительной ликвидности. Аргументировал он это следующим образом: «На меня глубокое впечатление произвела не только стабильность этих деловых учреждений, но также и

высочайшее мужество и выдающаяся преданность общественным интересам многих видных в деловой жизни этого города людей». После того как Кортелью покинул Министерство финансов, он был вознагражден за свою преданную службу, получив пост президента в Consolidated Gas Моргана — Рокефеллера в Нью-Йорке¹⁰.

Ящики с золотом и мешки с долларами из федеральных хранилищ в нью-йоркском подразделении Министерства финансов передавались банкам, одобренным Кортелью. Джон Д. Рокфеллер-старший, основатель Standard Oil Trust, заверил Моргана в своей готовности помочь. Он внес 10 миллионов долларов в Union Trust Моргана и пообещал дополнительные депозиты в размере 40 миллионов долларов, если это понадобится.

Морган успешно поддержал попытку банков Уолл-стрит предотвратить общий финансовый крах после биржевой Паники 1907 года, который сам же преднамеренно спроектировал. Он возглавлял группу банкиров, которые взяли крупные суммы правительственных денег, и решал, как они должны использоваться для финансовой помощи. Морган продолжал вознаграждать друзей и наказывать врагов¹¹.

В 1911 году комиссия Конгресса США провела расследование того, как Денежный трест управлял национальной коммерцией. В результате выяснилось, что члены Morgan & Co контролировали не менее чем 72 совета директоров в 47 крупных американских корпорациях общей стоимостью 2,104 миллиарда долларов — невероятная сумма в те дни¹².

«НАЦИОНАЛЬНАЯ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ КОМИССИЯ» МОРГАНА-РОКФЕЛЛЕРА

Результатом кризисов 1907-1908 годов, в дополнение к монументальному расширению финансового и политического влияния Джона Пирпонта Моргана, стало формирование Национальной денежно-кредитной комиссии для изучения банковского кризиса и выработки рекомендаций Конгрессу для предотвращения подобной паники в будущем. Президент Теодор Рузвельт, подписав Закон Олдрича — Бриленда, создал эту комиссию в 1908 году. Она должна была предложить план по прекращению паники на финансовых рынках.

С самого начала вся эта затея с комиссией была не чем иным, как мошенничеством. Ее возглавлял американский сенатор Нельсон Олдрич, председатель влиятельного сенатского Финансового комитета, тесть Джона Рокфеллера-младшего и тезка губернатора Нельсона Олдрича Рокфеллера. Сенатор Нельсон Олдрич был известен инсайдерам как «операционный брокер Моргана в Сенате»¹³.

Сенатор Олдрич не чурался коррупции. В статье 1905 года журнал *MaKler* писал о том, что Олдрич доминировал в коррумпированной политической машине Род-Айленда, и что он подкупил большинство сенаторов штата. В 1881 году Олдрич бросил семейный бакалейный бизнес, чтобы баллотироваться в Сенат США с заявленным собственным капиталом в размере 50 тысяч долларов. Когда после 30 лет политической деятельности, главным образом в американском Сенате, сенатор Олдрич умер, его состояние составляло 12 миллионов долларов, которые отнюдь не являлись результа-

том сбережений с его скромной сенатской зарплаты¹⁴.

Морган и Рокфеллер, вероятно, не нашли бы более подходящей кандидатуры, чтобы провести столь желаемую «денежную реформу» через скептически настроенный Конгресс. Олдрич ответственен за самый роковой политический государственный переворот в американской истории — Закон о Федеральной резервной системе 1913 года. О том, кто поддерживал его и как это все было организовано, знали очень немногие.

БАНКОВСКИЙ ПЕРЕВОРОТ

В 1908 году, спустя год после создания Национальной денежно-кредитной комиссии Олдрича, самые влиятельные банкиры Америки встретились в обстановке высочайшей секретности, чтобы спроектировать крупнейший в истории США финансовый и политический государственный переворот. План состоял в том, чтобы вырвать из рук американского Конгресса переданные ему по Конституции полномочия. В случае удачи переворот должен был поставить это конституционное право на службу частным специальным группам, даже за счет всеобщего благосостояния населения Соединенных Штатов.

Люди, которые строили эти планы — взять под свой контроль национальную денежную систему, — отнюдь не были обычными банкирами. Они были представителями особой породы в банковском мире Америки.

Они были, прежде всего, международными банкирами, которые создали себя по образу и подобию лондонских коллег. Среди банкиров, организовавших «денежный переворот», были Джон Пирпонт Морган,

немецкий эмигрант Пол Варбург из нью-йоркского частного банка Kuhn, Loeb & Co, August Belmont and Company, J. & W. Seligman, Lee, Higginson & Company и другие. В Лондоне эти международные банкиры называли себя торговыми банкирами. В Нью-Йорке они предпочитали называться инвестиционными банкирами. И те и другие работали одинаково.

По природе своего бизнеса международные банкиры не были лояльны ни к одной стране. Их мир не замыкался каким-либо государством, он был повсюду, где их влияние могло изменить события к их собственной выгоде. Вследствие этого секретность являлась важнейшим элементом их успешности и важнейшей составляющей в получении преимущества над конкурентами. Многовековой опыт (со времен Венецианской империи) показал им, что предоставление займов правительствам или монархам гораздо выгоднее, чем кредитование частных заемщиков, не в последнюю очередь потому, что заем позволял власти государства облагать налогами своих граждан, чтобы гарантировать выплату долгов.

Деньги были универсальной отмычкой для получения доступа в коридоры власти. Кредит или отказ в кредите могли использоваться для управления любыми государствами или регионами. Деньги, или более точно — управление деньгами, стали стратегической целью банкиров. Вся суть их власти заключалась в контроле стран через управление их центральными или национальными банками. В конечном счете элитная клика международных банкиров добивалась контроля над всем миром. Как выразится Генри Киссинджер в 1970 годах: «Управляя деньгами, вы управляете всем миром».

Международные банкиры с такими именами, как Бэринги, Ротшильд, Шредер, Морган, Варбург, Шифф, Маллет или Селигман, сосредоточились на установлении тесных конфиденциальных связей с правительствами, иностранными и внутренними, которые выпускали долговые обязательства. Они торговали гарантированными государством облигациями за большое вознаграждение.

Они работали в обстановке абсолютной секретности, чтобы широкая публика не понимала, как деньги банков негласно управляют политическими решениями, включая решения об объявлении войны или сохранении мира. Традиционное предпочтение международных банкиров держать все в тайне стало отличительной чертой их практики и допускало интриги, политические манипуляции, подкуп политических деятелей и судей, финансирование переворотов для устранения нелюбимых правителей, чтобы любыми средствами привести к власти людей, лучше поддающихся их диктату.

Во времена Гражданской войны в 1863 году Конгресс принял национальный Закон о банковской деятельности совместно с Законом о национальной валюте. Данный проект был в значительной степени подготовлен министром финансов Сэмоном Портлендом Чейзом. Закон определял банковские центры по всей стране, как «города, в которых находится федеральный резервный банк», например: Чикаго, Сент-Луис, Бостон. Региональные банки были обязаны держать часть своих обязательных минимальных резервов (25 процентов) в форме депозитов и банковских билетов в национальных банках в своем региональном «городе, где находится федеральный резервный банк».

Определенные таким образом национальные банки в Нью-Йорке, однако, имели специальный статус и были обязаны держать 25 процентов своих резервов и законных платежных средств в виде золотых или серебряных монет или слитков. Согласно новому Закону о банковской деятельности, Нью-Йорк определялся как «центральный город, в котором находится федеральный резервный банк», что было признанием того, что он уже стал крупным национальным финансовым центром, и предвещало его будущую роль, отведенную Законом о Федеральной резервной системе 1913 года¹⁵.

Поскольку местные и региональные банки могли получать прибыль с процентов, размещая свои фонды в нью-йоркских банках, вплоть до начала XX века капитал из них утекал. В итоге нью-йоркские национальные банки росли непропорционально. Кроме того, новые законы о банках предоставляли права заниматься банковской деятельностью двум нью-йоркским банкам — Первому Национальному банку и позже Chase National Bank. Последний, названный Treasury Secretary Chase, затем станет банком империи Standard Oil Рокфеллера.

Помимо крупных национальных банков существовала небольшая, но очень влиятельная группа домов банковских услуг для частных лиц: международные банки, которые не продавали свои ценные бумаги обществу, и поэтому не были ограничены ведением торговли на местном уровне. Они не нуждались ни в какой государственной хартии, чтобы заниматься коммерцией, и эксплуатировали эту зияющую лазейку в федеральных законодательствах о банках и государственных правах.

В отличие от уполномоченных государством акционерных банков, эти «некорпоративные банки» не имели возможности выпускать банкноты. Но благодаря этому они были в значительной степени нерегулируемыми, вольными заниматься коммерцией всюду, где находили возможность.

Во второй половине XIX века эти нерегулируемые инвестиционные банки, которые вели международную банковскую деятельность (J.P. Morgan, Kuhn, Loeb & Co, «Братья Лазар», Drexel и небольшое количество других), свободно устанавливали крупнейшие деловые отношения для строительства национальных железных дорог и финансирования расширения крупной промышленности, оперирующей сразу в нескольких штатах.

Поскольку они не регулировались и не замыкались в государственных границах, эти банки делали свои состояния, группируя капиталы (в значительной степени из банков Лондона и Парижа), чтобы финансировать дорогостоящее строительство железных дорог Америки.

16 июня 1933 года президент Франклин Делано Рузвельт подписал Закон о банковской деятельности (Закон Гласса-Стигала) 1933 года, который страховал банковские депозиты и разделил брокерскую, страховую и собственно коммерческую банковскую деятельность, чтобы избежать чрезмерной концентрации финансовой власти.

Они стали американскими международными банкирами¹⁶.

В элитном мире международных финансов в конце первого десятилетия XX века особо выделялись два гиганта, один британский, другой американский: Rothschild & Co лорда Натаниэля Ротшильда и J.P. Morgan & Co. Дж. Пирпонта Моргана. Эти двое не всегда были в дружественных отношениях. Первоначально оба дома работали в тесном сотрудничестве, когда Морган осторожно представлял интересы Ротшильда в Соединенных Штатах. Затем, когда первое десятилетие XX века приближалось к концу, а война в Европе становилась все ближе, возникла неизбежная конкуренция, поскольку стало очевидно, что британская промышленность и Британская империя находились в упадке. И Морган, который первоначально тесно сотрудничал с Ротшильдом, устремился к строительству своей собственной независимой финансовой империи.

Создание Федеральной резервной системы было разработано Морганом и узким кругом связанных между собой международных банкиров в Нью-Йорке, чтобы установить контроль за валютной системой Соединенных Штатов. Это было подготовлено и проделано с чрезвычайной тщательностью. Еще при ратификации Конституции США, которая явно передала в руки американского Конгресса власть чеканить монету, частные банковские круги безуспешно боролись за общественное одобрение национального банка. В начале XX века все изменилось.

«УТИНАЯ ОХОТА» НА ДЖОРДЖИЯ-АЙЛЕНД

Группа международных банкиров, которые составили проект Закона о Федеральной резервной системе 1913 года, действовала в обстановке предельной секретности, чтобы «заговор банкиров» в подготовке нового центрального банка не был раскрыт.

Вспомним, что президент Теодор Рузвельт в 1908 году назначил сенатора-республиканца Нельсона Олдрича главой Национальной денежно-кредитной комиссии сразу после Паники 1907 года, которой дирижировали Морган и Рокфеллер. Два года спустя, в ноябре 1910 года, тот же самый Олдрич с группой ведущих национальных финансистов отправился на частный курорт на принадлежавший Моргану остров Джекилл неподалеку от побережья Джорджии¹⁷.

Эти влиятельнейшие банкиры страны и их доверенные дружки-чиновники договорились между собой отвечать всем любопытствующим, что поводом для их встречи была охота на уток. Но не уточняли, на каких именно уток они собираются охотиться.

Таинственная команда «охотников на уток» с Уолл-стрит, которая присоединилась к Олдричу, включала Фрэнка Вандерлипа, президента рокфеллеровского National City Bank в Нью-Йорке, Генри Дэвидсона, старшего партнера J.P. Morgan & Co., Чарльза Д. Нортонна, президента контролируемого Морганом Первого национального банка Нью-Йорка, Бенджамина Стронга, вице-президента контролируемого Морганом Bankers Trust, Пола Варбурга, немецкого иммигранта и старшего партнера Kuhn, Loeb & Co, и Пиатта Эндрю, помощника министра финансов Соединенных Штатов.

От фракции Рокфеллера на острове Джекилл на той ноябрьской встрече присутствовали два представителя. Первый — Пол Варбург из Kuhn, Loeb & Co, второго крупнейшего частного инвестиционного банка после J.P. Morgan & Co., бывшего в то время ведущим инвестиционным домом Джона Д. Рокфеллера, а также домашним банком союзника последнего Харримана из Union Pacific Railroad¹⁸. Вторым человеком фракции Рокфеллера на острове Джекилл был президент National City Bank Фрэнк Вандерлип. Спустя годы после создания Федеральной резервной системы Вандерлип описал свое видение этой секретной встречи: «Я действительно был скрытным, столь же скрытным, сколь и любой заговорщик... Мы понимали, что в случае раскрытия все наши усилия были бы напрасны. Если бы вскрылось, что наша частная группа собралась вместе и написала банковский билль, то у этого билля не было бы ни единого шанса пройти в Конгрессе».

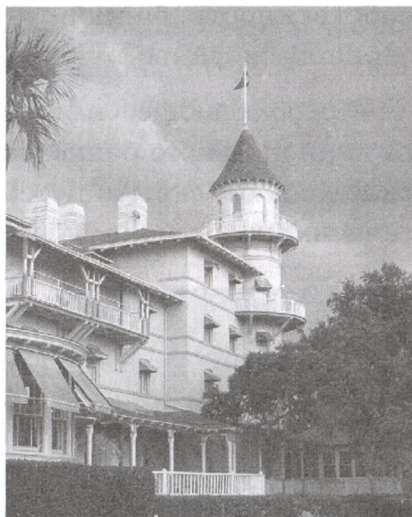
ВСТРЕЧА НА ОСТРОВЕ ДЖЕКИЛЛ

В 1916 году, после того как Федеральная резервная система стала реальностью, Берти Чарльз Форбс, основатель одноименного финансового журнала, написал о секретной встрече на острове Джекилл, назвав имена людей, которые принимали в ней участие: «Я впервые поведаю миру реальную историю того, как был написан знаменитый валютный доклад Олдрича, основа нашей новой валютной системы...

Вокруг всего царил атмосфера предельной секретности. Общественность не должна была заметить даже намек на то, что должно было быть сделано.

Нельсон [Олдрич. — Прим, авт.] конфиденциально сообщил Генри, Фрэнку, Полу и Пиатту, что они будут находиться в полной изоляции от окружающего мира на острове Джекилл для разработки новой валютной системы Соединенных Штатов, существующей ныне Федеральной резервной системы... Лицом, которое связывало систему Олдрича и Федеральную резервную систему воедино, являлся Варбург. Он больше, чем кто-либо другой, заставил эту систему работать»¹⁹.

Позже, в 1914 году, Варбург будет выбран в первый Совет директоров новой Федеральной резервной системы, а затем станет ее вице-председателем вплоть до 1918 года. Ирония в том, что Пол Варбург был немцем, и именно его ФРС стала финансовым инструментом, который позволил окончательно поразить кайзеровскую Германию в 1918 году.

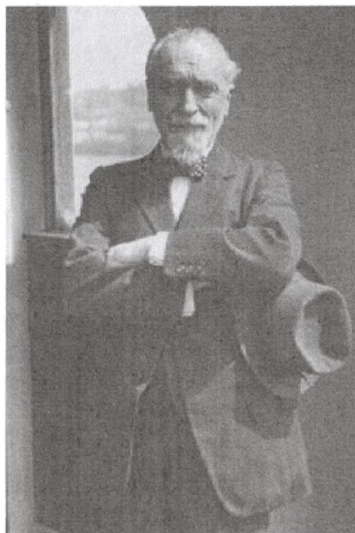

Принадлежавший Моргану отель на острове Джекилл стал местом тайной встречи банкиров, разработавших Закон о Федеральной резервной системе 1913 года, который впоследствии позволил Америке финансировать Первую мировую войну.

На секретном собрании на острове Джекилл в 1910 году Пол Варбург из Kuhn, Loeb & Co предложил уловку, благодаря которой можно провести новый закон о национальном банке через Конгресс. Новый банк нельзя было назвать национальным или центральным банком, настаивал Варбург, более

безопасно звучала бы формулировка «ассоциация Федерального резервного банка». Это соображение продвигалось под тем предлогом, что, в отличие от Банка Англии или других европейских центральных банков, модель Соединенных Штатов будет децентрализована и максимально застрахует региональное банковское и денежно-кредитное регулирование. Эта уловка также замаскировала бы частную собственность банков — членов Федеральной резервной системы.

Преобладающее влияние Нью-Йорка, крупнейшего национального банковского и финансового центра, оказалось бы скрыто путем создания двенадцати «независимых» региональных банков: в Сан-Франциско,

Монтегю Коллет Норман (англ. Montagu Collet Norman; 6 сентября 1871 - 4 февраля 1950) - английский банкир, управлявший Банком Англии (Bank of England) с 1920 по 1944 год.

Канзас-Сити, Миннеаполисе, Атланта, Бостоне и т. д. Каждый из региональных банков будет в частной собственности сильнейших банков или корпораций в своем регионе. Как сказал на слушании в Конгрессе по Плану Олдрича в 1913 году филаделфийский банкир Лесли Шоу: «Когда у вас есть местная организация, централизованный контроль гарантирован... Если вы сцепите банки вместе, они смогут иметь самое большое влияние на все в этой стране, за исключением газет».

В номере от 11 января 1911 года журнал The Nation отмечал по поводу плана центрального банка Олдрича - Варбурга следующее: «Название «Центральный банк» тщательно избегается, но «Ассоциация Федеральной резервной системы» обеспечена стандартными полномочиями и обязанностями европейского центрального банка»²¹.

План Варбурга предлагал, чтобы ценные бумаги двенадцати банков — членов Ассоциации Федеральной резервной системы принадлежали частным акционерам. Частные акционеры в свою очередь могли использовать кредитование американского правительства к своей прибыли. Ассоциация Федеральной резервной системы управляла бы национальными деньгами и кредитованием; это был бы эмиссионный банк, другими словами, он мог по желанию создавать деньги, а также финансировать правительство, мобилизуя кредитование в военный период. Сенатор Олдрич позже подтвердил в журнальной статье: «До принятия этого закона нью-йоркские банкиры могли доминировать только над резервами Нью-Йорка. Теперь мы в состоянии доминировать над банковскими резервами всей страны»²².

Варбург, единственный из собравшихся на острове Джекилл, имевший прямой опыт работы с функциями различных европейских центральных банков, смоделировал свой резервный банк по образцу частного Банка Англии. В своем издании 1943 года «Энциклопедия Американа» он описал этот путь следующим образом: «Его слабость — врожденная слабость системы, которая развилась при наименьшем уровне законодательного контроля... его капиталы конфиденциальны, его управление ни в коем случае не контролируется государством ни прямо, ни косвенно».

Это описание еще тогда отметило решающую особенность и Банка Англии, и его прямой последовательницы — Федеральной резервной системы: «С другой стороны, в течение всей своей истории он находился более или менее под защитой государства; развитие банка характеризовалось следующими один за другим государственными займами его капитала взамен подтверждения или расширения банковских привилегий... Банк Англии регулируется управляющим, заместителем управляющего и советом 24 директоров, которые выбраны владельцами (то есть частными акционерами. — прим, авт.) на посты директоров»²³. Уильям III в 1694 году пожаловал Банку Англии королевскую привилегию упорядочивать финансы монархии. Эта схема была изобретена энергичным шотландским капером по имени Уильям Патерсон, чтобы создать банк с «фондом для бессрочной прибыли».

Так для британского правительства был создан вечный денежный станок и родилась идея постоянного государственного долга. Отныне Банк Англии из лондонского Сити будет финансировать находящуюся на стадии становления империю. Отныне ни отсутствие денег, ни отсутствие ликвидности никогда больше не помешают Британской империи (при нормальных экономических условиях). Еще один включенный в Федеральную резервную систему механизм — частичных банковских резервов — был создан по образцу Банка Амстердама, существовавшего почти за столетие до основания Банка Англии. А также радикальная монетарная концепция «монопольного» банка, который будет эмитировать деньги для кредитов, которые в действительности никогда не будут погашены²⁴.

ГРЯЗНЫЙ СЕКРЕТ ЧАСТИЧНОГО БАНКОВСКОГО ПОКРЫТИЯ

Частичное банковское покрытие впервые было опробовано Банком Амстердама в середине XVII века. Это было сделано тайно, чтобы не вызвать у вкладчиков панику, которая в конечном итоге все-таки случилась. Однако сам обман процветал более полутора столетий.

Банк Амстердама был основан в 1609 году под протекцией делового квартала города для особой цели. Поскольку золотые и серебряные монеты были неудобны для транспортировки и всегда существовала угроза ограбления, торговцы создали этот банк, чтобы принимать и иностранную, и местную чеканку по реальной внутренней стоимости. Банк удерживал мелкие монеты и гонорар за услуги и выписывал в своей балансовой книге кредит клиентам. Этот кредит стал известен как банковские депозиты.

Всегда оставаясь в соответствии со стандартами монетного двора, банковские депозиты стоили дороже, чем реальная чеканная монета, которая изнашивалась со временем, теряя часть своего золотого или серебряного содержания. Одновременно было издано распоряжение, согласно которому все амстердамские векселя, выписанные на суммы свыше определенной величины, должны оплачиваться в банковских депозитах.

Правило позволяло избавиться от неуверенности в этих банковских билетах и заставило всех торговцев сохранять свои счета в банке. Что, в свою очередь, стало поводом для спроса на банковские резервы Банка Амстердама.

Скоро банкиры Амстердама поняли, что в любой момент может быть востребована только малая часть их депозитов. В связи с этим они тайно вознамерились определить минимальный резерв, для того чтобы удовлетворять такому требованию, а остальные деньги пустить на займы, и зарабатывать на чужих вкладах. Сначала, естественно, осторожно, чтобы их не схватили за руку, они одалживали небольшую часть всех депозитов. Затем, поскольку это, как оказалось, сработало, увеличили соотношение до 50 процентов и более. Как только широкая публика узнала, что всего лишь 50 процентов ее золота находится в сейфах банка, разразилась паника, которая в 1791 году и положила конец Банку Амстердама.

Злоупотребление доверием вкладчиков стало возможным, потому что Банк Амстердама был не обязан делать какие-либо публичные отчеты. Так родился принцип современного банковского дела, согласно которому в системе кредитования при частичном банковском покрытии стоимость банка или всей банковской системы опирается лишь на одну эфемерную ценность — доверие вкладчиков. Сущность частичного банковского покрытия ведет банки к безудержной раздаче кредитов, чтобы максимизировать доходы, пока избыток кредитов не приводит к краху рынка. Поскольку банк предоставляет фонды, которых у него нет, механизм кредита приводит к эмиссии денег «из ничего» (то есть из воздуха) через простые бухгалтерские записи.

Такова история неоднократно спровоцированных банковских паник в течение ста лет до создания американской Федеральной резервной системы. Морган

и банкиры из его окружения хотели иметь центральный банк, которым будут управлять выбранные ими люди, учреждение, которое будет действовать, как регулятор кредитной системы, чтобы удерживать отдельные банки в общем русле интересов всей банковской системы.

Чтобы управлять этой системой, поднимать или снижать уровень кредитования, требовались изменяющиеся уровни резервов банка на случай востребования крупных сумм для их частичного кредитования. Власть, которую ФРС дала нью-йоркским трестовым банкам, была квазимонополией в системе национального кредитования. Эта власть была устрашающей.

Группа на острове Джекилл достигла консенсуса по так называемому Плану Варбурга, который по политическим причинам был переименован в План Олдрича, чтобы при обнародовании выглядеть, как детище республиканского сенатора.

Однако перед тем, как они смогли продвинуть свой план захвата национальной денежной системы, встала новая проблема в виде нарастающего народного протеста против концентрации власти денег.

ДЕМОКРАТЫ РАССЛЕДУЮТ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВОКРУГ ДЕНЕЖНОГО ТРЕСТА

В 1912 году, спустя несколько месяцев после секретной встречи на острове Джекилл, конгрессмен из Миннесоты сэр Чарльз Линдберг, пламенный и точный критик деяний Денежного треста, внес в американскую Палату представителей резолюцию, призывающую к

расследованию влияния Уолл-стрит. Этот призыв был заблокирован банкирами и их друзьями в Конгрессе.

Поскольку Линдберг задокументировал свою точку зрения в письменном виде, в 1913 году влиятельные банкиры Денежного треста, используя своих друзей в Конгрессе, перенаправили его запрос благоволившему им конгрессмену из Луизианы Арсену Пуджо, который поручил юристу с Уолл-стрит Самюэлю Унтермайеру провести безопасное псевдорасследование. Результатом стало создание частного центрального банка, чье влияние и возможности твердо удерживались в руках все того же нью-йоркского Денежного треста²⁵.

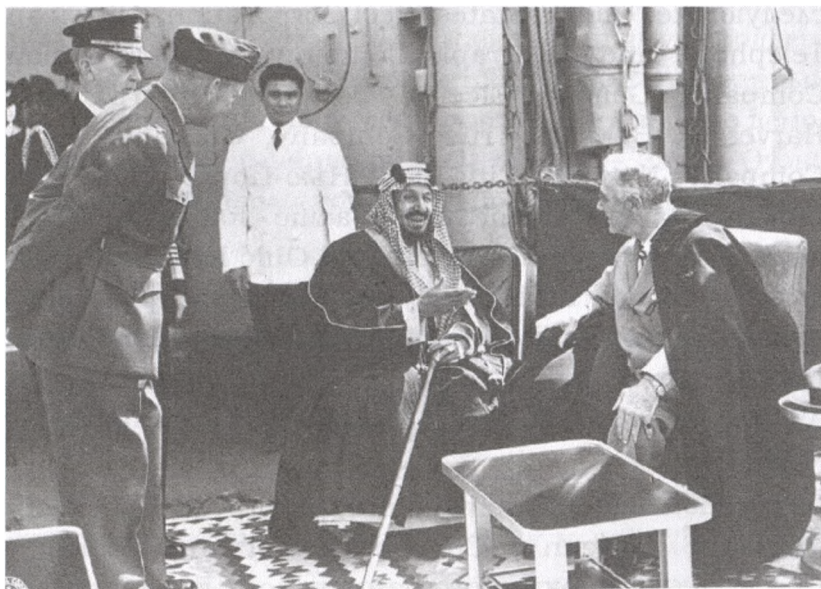
Комитет Палаты представителей по банковскому делу и валюте начиная с мая 1912 года созывал слушания, известные как Комитет Пуджо, по имени его председателя — демократа из Луизианы Арсена Пуджо. Мандат Комитета Пуджо состоял в том, чтобы якобы исследовать банковские и валютные условия в государстве.

Комитет вызвал давать показания Дж. Пирпонта Моргана, Джеймса Хилла и двух соучредителей первого Национального городского банка — Джорджа Бейкера и Уильяма Рокфеллера, брата владельца Standard Oil Джона Рокфеллера. Чтобы избежать свидетельства, Уильям Рокфеллер скрылся в своих нью-йоркских владениях и затем утверждал, что не мог давать показания, поскольку у него были «проблемы с горлом». Морган и другие из Денежного треста явились, но ничего существенного от них узнать не удалось.

Доклад Комитета Пуджо заканчивался безопасным утверждением в том смысле, что клика финансовых лидеров злоупотребляла общественным доверием, чтобы провести консолидацию контроля над большей частью

промышленности. Они подтвердили, что действительно был увеличен денежный и кредитный контроль в стране, путем консолидации банковской собственности в руках нескольких людей, с помощью внедрения специально подобранных банковских союзников в советы директоров индустриальных трестов или групп, которые эти банки финансировали, и где держали крупные пакеты акций.

Комитет Пуджо задокументировал, что Денежный трест управлял шестью основными банковскими домами. Они, в свою очередь, контролировали крупнейшие стальные, железнодорожные, коммунальные, нефтяные и нефтеперерабатывающие компании, а также другие крупные промышленные группы. Эта концентрация собственности венчалась тем, что Денежный трест контролировал основные американские средства массовой

В 1945 году, незадолго до своей смерти, Рузвельт своей обходительностью очаровал короля Саудовской Аравии Абдула Азиза (ибн Сауда), и Британия потеряла доступ к саудовской нефти

информации, что позволяло ему распространять пропаганду в своих интересах. Это была система взаимосвязанных правлений, сказал Комитет, и все управлялось шестью домами частных банковских услуг: J.P. Morgan & Co., Первый национальный банк Нью-Йорка, National City Bank, Kuhn, Loeb & Co., Kidder, Peabody & Co. в Нью-Йорке, Lee, Higginson & Co. в Бостоне.

Доклад Комитета показал, что в 1913 году единственным управляющим этой обширной пирамиды экономической, политической и финансовой власти в Соединенных Штатах был банк частных инвестиций J.P. Morgan & Co.. Согласно докладу Пуджо, Морган через пакеты акций и места в советах директоров занимал решающие позиции фактически во всех крупнейших корпорациях страны, включая следующие: United States Steel Corporation, American Telephone and Telegraph Company, Western Union Company, General Electric Company, International Harvester, Bankers Trust Company, Guaranty Trust Company, National City Bank Нью-Йорка, New York Central Railroad, Northern Pacific Railroad, Great Northern Railway и Baltimore and Ohio Railroad. В целом в 1913 году Комитет Пуджо зарегистрировал 112 подобных компаний под эффективным контролем группы Моргана.

Доклад указывал, что у Моргана также имелись обширные международные связи, поскольку он был партнером лондонского банкирского дома своего отца, J.S. Morgan & Co., позже Morgan, Grenfell & Co., а также парижского банкирского дома Morgan, Harjes & Co. Моргана вызывали для показаний, но он отказался сказать что-либо по существу. Он рас-

ценивал себя, как высшую силу, не подчиняющуюся законам или требованиям республиканского правительства.

Морган, в пределах этих вышеназванных шести финансовых учреждений, имел не только свой собственный банк, но и основные интересы в Первом национальном банке, а также разделял с Рокфеллером контроль над National City Bank. Морган также контролировал следующий крупнейший банк — Bankers Trust. Эти четыре банка, в которых Морган имел полный или разделенный контроль через корпоративные руководства и владение пакетами акций корпорации, стоили ошеломительную сумму 22 миллиарда долларов.

Откровения Пуджо, однако, как отмечалось, отнюдь не были искренней попыткой бросить вызов власти Денежного треста. Это была уловка, напрямую поддержанная Денежным трестом, чтобы убедить избранный демократический Конгресс и протолкнуть версию демократов закона о национальном банке — Закон Оуэна — Гласса о Федеральной резервной системе 1913 года.

Слушания Пуджо использовались для манипуляции общественным мнением, чтобы снова протащить роковую Шестнадцатую поправку к Конституции, разрешающую федеральному правительству, в противоречии с Конституцией, собирать прямой персональный подоходный налог, то, что позже окажется решающим фактором в финансировании американского вступления в Первую мировую войну.

Несомненно, эти слушания и их организованная подача в прессе также использовались для того, чтобы устроить фальшивые дебаты, которые вынудили

Конгресс принять почти буквально частный план, набросанный банкирами на острове Джекилл.

Кроме того, юрист Комитета Пуджо Унтермайер, которому дружественная пресса создала образ анти-монополиста и «друга простого парня», получил задачу составить проект текста Закона о Федеральной резервной системе 1913 года. Закон прокрался через Конгресс в овечьей шкуре реакции демократов на план банкиров-республиканцев — закон Олдрича. Волки с Уолл-стрит получили свое.

Закон Оуэна — Гласса был в значительной степени спроектирован юристом-демократом Самюэлем Унтермайером, главным штатным исследователем Комитета Пуджо. Республиканский План Олдрича раскритиковали в подконтрольной Моргану прессе, а Закон Оуэна — Гласса о Федеральной резервной системе восхвалялся как справедливая демократическая альтернатива, предположительно способная ограничить влияние нью-йоркского Денежного треста²⁷.

На деле все было точно наоборот.

БАНКИРЫ-РЕСПУБЛИКАНЦЫ ПОКУПАЮТ ДЕМОКРАТОВ, ЧТОБЫ СОВЕРШИТЬ ПЕРЕВОРОТ

К 1910 году Дж. Пирпонт Морган и Денежный трест решили, что необходимо иметь свою собственную версию мошенничества, которое проделал частный Банк Амстердама. Разница была в том, что гарантировать ее будет не город Амстердам, а федеральное правительство США.

Учитывая широко распространенную неприязнь к Денежному тресту среди общественности и в Конгрессе, особенно среди демократов, таких как Чарльз Линдберг, и некоторых прогрессивных республиканцев, таких как Роберт Лафоллет, потребовалась целая операция, чтобы продвинуть схему центрального банка, придуманную Варбургом, под видом нападок на национальную Денежно-кредитную комиссию сенатора Олдрича и сам План Олдрича, как «имеющий решающее влияние на исход голосования крупных банков»²⁸.

Осуждение Плана Олдрича оставило незамеченным то, что «план центрального банка», собственно, Закона о Федеральной резервной системе конгрессмена Гласса, точно выполнял функции такого же центрального банка под частным контролем Денежного треста. Это было тем же, что Варбург обрисовал в общих чертах на острове Джекилл в 1910 году. План Варбурга и План Олдрича были абсолютно идентичны. Неудивительно, что Полу Варбургу доверили задачу по составлению «альтернативного» проекта текста закона для Гласса и Белого дома Вудро Вильсона с помощью юриста с Уолл-стрит Самюэля Унтермайера²⁹.

Акции нового Федерального резервного банка должны были бы принадлежать частным акционерам, которые могли использовать пункт о доверии и уважении правительства Соединенных Штатов для своей выгоды. Предложенная Глассом ФРС управляла бы национальной валютой и кредитованием в прямом противоречии с Первой статьей Конституции США, которая наделяла такой прерогативой исключительно американский Конгресс, первоначально задуманный, как самая представительная из трех ветвей власти.

Кроме того, Федеральная резервная система, как предложил Гласс, стала бы эмиссионным банком. Это означало, что она могла выпускать деньги в обращение «из ничего» и могла финансировать правительство, мобилизуя кредит «в военное время». По сути, Федеральная резервная система уступала право Конгресса печатать деньги легализованному картелю частных банков, аффилированных с банками лондонского Сити, прежде всего с Rothschild & Co, при поддержке Рокфеллеров, Куна, Лоеба и Дж. Пирпонта Моргана³⁰. В итоге Закон Гласса дал, возглавляемой Морганом клике частных банкиров, тотальный монопольный контроль над эмиссией банкнот, над деньгами.

Неудивительно, что Закон Оуэна — Гласса о Федеральной резервной системе 1913 года получил одобрение Ассоциации американских банкиров, что приуменьшается в прессе.

В 1910 году республиканцы оказались в меньшинстве в американской Палате представителей, а на всеобщих выборах 1912 года они уступили демократам

Алана Гринспена многие называют самым влиятельным человеком конца прошлого века, символом стабильности финансовой системы США

контроль и над Сенатом, и над Белым домом. Избрание в 1912 году Вудро Вильсона было работой небольшой группы людей, которые спроектировали раскол в Республиканской партии, финансируя третью партию — Прогрессивную, созданную

для своего кандидата в президенты, бывшего президента-республиканца Тедди Рузвельта³¹.

Именно Морган и деньги Рокфеллера привели в 1912 году «реформатора»-демократа Вудро Вильсона в Белый дом. С 1898 года, когда Вильсон был президентом Принстонского университета, его продвигала в политику сильная группа банкиров, возглавляемая Кливлендом Доджем из Phelps Dodge Corporation, бывшим тогда директором National City Bank Morgana — Рокфеллера. Вильсон был на такой короткой ноге с Доджем, что писал письма, обращаясь к нему «дорогой Клив»³².

Когда группа Morgana решила, что Вильсон с большей вероятностью примет республиканский закон о национальном банке, чем это сделал бы республиканский президент, они организовали национальную кампанию в СМИ вокруг Вильсона. Все газеты, управляемые группой Morgana, восхваляли Вильсона, который тогда был губернатором Нью-Джерси, как «либерального реформатора». Выдвижение Вильсона было куплено и оплачено National City Bank Доджа, Сайрусом Маккормиком из International Harvester и Джейкобом Шиффом, старшим партнером инвестиционного банка Kuhn, Loeb & Co³³. Другими словами, избрание Вильсона было куплено и оплачено кликой с острова Джекилл.

И он не разочаровал своих покровителей.

23 декабря 1913 года, в день перед сочельником, Закон о Федеральной резервной системе, также известный как Закон Оуэна — Гласса, прошел в Конгрессе почти без обсуждения. Управляемый республиканцами Сенат протолкнул этот закон в тот момент, когда большинство членов американского Конгресса были дома на рождественских каникулах. Президент-де-

мократ Вудро Вильсон подписал его уже через час.

ФРС была устроена, как независимый центральный банк. Хотя президент США назначал председателя и управляющих Федеральной резервной системы и это назначение должно было быть одобрено Сенатом, управляли системой президенты 12 частных резервных банков, и никто из них не был более влиятельным, чем президент Федерального резервного банка Нью-Йорка, первый среди равных. Ключевое положение Закона о Федеральной резервной системе предусматривало, что решения ФРС не должны ратифицироваться ни президентом или кем-либо еще из исполнительной ветви правительства Соединенных Штатов, ни Конгрессом. Вместо этого погребенным в ворохе пунктов оказалось предоставление в действительности тотальной власти над кредитно-денежной политикой всех американских банков частному Федеральному резервному банку Нью-Йорка и его директорам, носящим самые влиятельные имена в Денежном тресте. Акция, которая не принадлежит банку — члену ФРС, не должна была принимать участие ни в одном голосовании. Этот пункт гарантировал, что никто посторонний не вознамерится покупать акции в Федеральной резервной системе. Это был строгий инсайдерский клуб, или Клуб старых приятелей, управляемый Денежным трестом³⁴.

Спустя несколько месяцев после принятия Закона о Федеральной резервной системе 1913 года вновь назначенный президент Федерального резервного банка Нью-Йорка, человек Моргана Бенджамин Стронг, на пару с директором Федеральной резервной системы и автором закона Полом Варбургом двинулись в Бе-

лый дом и Конгресс, чтобы успешно привести доводы в пользу принятия поправки к оригинальному закону. Поправка позволяла вновь учрежденному центральному банку уничтожать деньги так же, как и создавать их. С ней для Федеральной резервной системы и частных банкиров, управляющих ее политикой, была расчищена дорога к тому, чтобы создавать периоды экономического бума, мобилизовать экономику для войн и создавать дефляционные спады и депрессии, каждая из которых проводилась с такой жестокостью, что превосходила любые более ранние инциденты, сотворенные руками частных банкиров из Денежного треста в течение века до создания ФРС. Получающимся колебаниям от экономического бума до банкротства дали псевдонаучное объяснение, названное теорией деловых циклов, словно эти явления были неизбежны.

Но они не были неизбежностью. Наиболее существенной полезной ценностью новой Федеральной резервной системы было то, что она позволила частным банкам, особенно Дому Моргана и его союзникам, идти на ранее невообразимые риски. Предпринимаемые ими действия, независимо от того, насколько они опасны, теперь были застрахованы согласно «пункту о доверии и уважении» правительства Соединенных Штатов Америки и их невольных налогоплательщиков. Первый тест новых обширных полномочий третьего с 1787 года национального банка Америки не заставил себя долго ждать. Совсем скоро, в 1914 году, Англия и Франция обратятся в США за масштабным кредитованием, чтобы финансировать свою войну с германским Рейхом и Австро-Венгрией, процесс, который стал известен, как Первая мировая война.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Lindbergh Ch. A., Sr, Congressman Banking and Currency and the Money Trust. C.A. Lindbergh, Little Falls, Minnesota, 1913.

2 Ibid. P. 552.

3 The New York Times, October 31, 1966.

4 Cahill K. J. The U.S. Bank Panic of 1907 and the Mexican Depression of 1908-1909. The Historian, 1998. V. 60.

5 Lundberg F. Op. cit. P. 90-95.

6 Hearings of the Sub-committee on Campaign Contributions. United States Senate Committee on Privileges and Elections, 62nd Congress, 3rd Session, 1913. P. 453. Общая атмосфера контактов Рузвельта со Штильманом и Морганом описана здесь Pringle H. Theodore Roosevelt. Harcourt, Brace & Co., New-York, 1931. P. 350.

7 The Panic of 1907. The Federal Reserve Bank of Boston. P. 8.

8 US Department of the Treasury. Annual Report on the Finances. Washington D.C., 1906. P. 49. Полномочия управления займами американского Министерства финансов в те времена, как указал Милтон Фридман, были «сопоставимы со способностью Федеральной резервной системы проводить операции на открытом рынке» (Friedman M. & Schwartz A. J. A Monetary History of the United States 1867-1960. Princeton University Press, Princeton, 1963. P. 150, footnote 24).

9 Myers G. Op. cit. P. 586-572.

10 Lundberg F. Op. cit. P. 92.

11 Фактические детали того, как разворачивалась Паника 1907 года, были затенены более поздними благоприятными для Морганом описаниями. Полезной для собирания вместе кусочков мозаики из фактических событий в тот решающий момент для появления Федеральной резервной системы в 1913 году в качестве опорного столпа Американского века является книга Grant J. Money of the Mind: borrowing and lending in America from the Civil War to Michael Milkin. Farrar Straus Giroux, New York, 1992. Также Friedman M. & Schwartz A. J. Op. cit.

12 Committee to Investigate Concentration of Control of Money and Credit: Report of the House Banking and Currency's. Washington D.C., 1913. P. 56-91, cited in Myers G. Op. cit. P. 634. Это так называемый Комитет Пуджо, возглавляемый демократом из Луизианы Арсеном Пуджо, главный адвокат которого Самюэль Унтермайер в 1911 году ввел термин «Денежный трест», чтобы описать власть группы вокруг Морганом и Рокфеллера.

13 Pringle H. Op. cit. P. 244.

14 Davenport W. Power & Glory // Colliers' magazine, February 7, 1931.

15 Born K. E. Geld und Banken im 19 und 20 Jahrhundert. Alfred Kroner Verlag, Stuttgart, 1977. P. 173-5.

16 Ibid. P. 172-173.

17 Mullins E. *The Secrets of the Federal Reserve*. Bankers Research Institute, Staunton, Virginia, 1983. P. 1.

18 Chernow R. *Titan: The Life of John D. Rockefeller, Sr.* Warner Books, London, 1998. P. 373, 377.

19 Forbes B. Ch. *Current Opinion*, December 1916. P. 382, cited in Mullins E. *Op. cit.* P. 2.

20 Cited in Mullins E. *Op. cit.* P. 14.

21 *Ibid.* P. 12.

22 Сенатор Нельсон Олдрич, после создания частного центрального банка ФРС в 1913 году.

23 The Bank of England. *Encyclopedia Americana*. V. 13, 1943 edition. Cited in Knuth E.C. *The Empire of The City*. The Noontide Press, Milwaukee, 1946. P. 27 footnote.

24 Knuth, E.C. *The Empire of The City*. The Noontide Press, Milwaukee, 1946. P. 27.

25 Lindbergh Ch. A., Sr. *Op. cit.* Линдберг описывает успешную попытку Денежного треста и его союзников в Конгрессе рассеять его запрос после того, как тот получил слишком большую общественную поддержку, чтобы его можно было просто выбросить: «Проводились секретные встречи представителей трестов и боссов в Конгрессе. Двери самых внутренних и наименее подозреваемых офисов были закрыты перед публикой и столь охранялись, что не допускался никто из тех, кто проявлял интерес от имени общественности. В этих офисах планы были резолюции, цель которой состояла в том, чтобы разрушить назначение специального комитета и заменить его Комитетом по банковскому делу и валюте, который в основном состоял из банкиров, их агентов и юристов, и группировки ожидали, что такой комитет защитит нарушения против общественности, поскольку это могло быть сделано, не пробуждая общественное подозрение. Он не мог заретушировать все операции Денежного треста, но очень даже мог и был замаскирован этим средствами, как показали последующие события. Следующий шаг должен был обеспечить проведение этой подставной резолюции, которая действительно была равносильна расследованию, сделанному тайными друзьями Денежного треста. Этот Комитет, также могло бы ожидать... из-за специальной личной заинтересованности его участников... не выбирал для помощи юриста из числа многих способных юристов, которые являются членами Палаты и кто служил бы без дальнейшей платы свыше, чем та, которую они имеют в качестве членов... но они выбрали юриста с Уолл-стрит, платили ему очень высокую зарплату, позволили ему управлять целым расследованием и фактически составлять проект сообщения комитета». Юристом Уолл-стрит для слушаний Денежного треста в Комитете по банковскому делу и валюте под председательством конгрессмена из Луизианы Пужо был Самюэль Унтермайер, который позже составит для Денежного треста проект

текста Закона о Федеральной резервной системе 1913 года.

26 Ibid.

27 Report of the House Committee (The Pujo Committee) Appointed to Investigate the Concentration and Control of Money and Credit. United States House of Representatives Committee on Banking and Currency, Washington D.C., 1913:64.

28 Mullins E. Op. cit. P. 14-15.

29 Lundberg F. America's Sixty Families. The Vanguard Press, New York, 1937. P. 122.

30 Mullins E. Op. cit. P. 15.

31 Детали создания третьей партии (Прогрессивной партии) с целью отнять у республиканца Говарда Тафта президентство в пользу более сговорчивого Вудро Вильсона подробно описаны в Lundberg F. America's Sixty Families: «The Politics of Aggrandizement: 1912-1920». P. 106-120. После успешной победы в 1912 году кандидата банкиров Вудро Вильсона полностью синтетическая Прогрессивная партия распалась, а Тебби Рузвельт спокойно вернулся в лоно Республиканской партии.

32 Lundberg F. Op. cit. P. 109-121.

33 Ibid. P.109.

34 Krautkramer W.e N. The Federal Reserve — Its Origins, History & Current Strategy. 15 September 2004 // news.goldseek.com/GoldSeek/1095269452.php.

Глава 2

ФРС МОРГАНА ФИНАНСИРУЕТ ЕВРОПЕЙСКУЮ ВОЙНУ

«Эта война должна сделать мир безопасным для демократии».

Президент Т. В. Вильсон, 2 апреля 1917 г., Конгресс США

ИМПЕРСКОЕ ПЕРЕНАПРЯЖЕНИЕ

Накануне Первой мировой войны в 1914 году совершенно не было очевидно, по крайней мере на первый взгляд, что могущественный и колоссальный «Рах Britannica», «империя, над которой никогда не заходит солнце», прогнил до самого основания и находился в крайней точке спада экономической активности.

В 1899 году британцы провели войну с помощью Сесилия Родса, очень эксцентричного британского магната в сфере горной промышленности, чтобы вырвать у буров контроль над обширными золотыми богатствами Трансвааля в Южной Африке. Южно-африканское золото придало лондонскому Сити новое дыхание. В 1897 году королева Виктория праздновала шестидесятилетие как королева могущественнейшей империи в мире. Британская империя, казалось, была на пике своей мощи, власти и влияния.

Верховный комиссар Капской колонии в Южной Африке Альфред Милнер был близким партнером лорда Ротшильда и Сесилия Родса, причем оба принадлежали к секретной группе, называющей себя «Общество избранных».

Группа Милнера стремилась к экономической мощи, основывающейся на контроле золотых рудников в голландских бурских республиках Трансвааля и Оранжевой провинции. Они также хотели создать конфедерацию британских колоний от мыса Доброй Надежды до Каира, чтобы властвовать над богатыми минералами африканским континентом¹. Они рассматривали Африку, как ключ к будущей британской глобальной гегемонии.

Rothschild & Co в Лондоне тайно финансировала Родса, Милнера и южноафриканские военные походы. Сесиль Родс планировал заручиться королевской поддержкой для британской Южно-Африканской компании по образцу и подобию британской Ост-Индской компании. Родс был убежден, что золота и полезных ископаемых Южной Африки хватит, чтобы обеспечить лондонскому Сити неоспоримое положение в качестве мирового финансового центра на многие последующие десятилетия.

Родс, Милнер и элитный круг стратегов империи основали в 1910 году тайное общество, цель которого состояла в том, чтобы оживить поникший британский имперский дух. Общество, многие из членов которого были дипломированными специалистами колледжа Олл Соулз при Оксфордском университете, тайно управляло стратегической политикой Британской империи вплоть до конца Второй мировой войны. Они называли свою группу «Круглым столом», а также издавали журнал с тем же названием.

Британцы выиграли Англо-бурскую войну, но в процессе потеряли свою Империю.

Война не стала быстрым и легким делом, как сначала ожидалось в Лондоне. Последняя война Англии с европейским противником была в 1853 году — Крымская война против России. С этого времени британская армия провела четыре десятилетия, воюя с плохо вооруженными и плохо обученными формированиями аборигенов во всем мире. Как больше века спустя самодовольно рапортовали об успехах американские генералы после быстрого успеха операции

«Шок и трепет» в Ираке, так и Лондон рассматривал Англо-бурскую войну в 1899 году, как еще одну «маленькую победоносную войну», которая закончится через несколько недель.

В итоге Англо-бурская война оказалась столь же разрушительной для Великобритании, как столетие спустя война в Ираке станет для Соединенных Штатов. Буры отчаянно сражались, используя тактику нерегулярной или асимметричной войны против соперника, с гораздо лучшей экипировкой. Англия по традиции перебрасывала туда свои войска из других колоний. Буры были быстры и очень мобильны, как партизанская сила, с новыми бездымными патронами в своих немецких винтовках Mauser, которые позволяли стрелкам оставаться незамеченными.

Буры использовали тактику нанесения коротких ударов, которая не только привела к непоправимым для британцев потерям, но и полностью разбила взгляды империи на «честное сражение», войну, в которой сражаются «джентльмены». Буры не были джентльменами; они сражались за свою землю и свои дома.

Война тянулась горьких три года, и номинальная победа Англии оказалась пирровой. Она продемонстрировала всему миру, что самая могущественная на земле империя оказалась неспособна победить мелкие и хуже экипированные военные отряды, полные решимости защищать свою родину, — урок, который американская элита горько выучит во Вьетнаме в 1970-х годах.

По мере того, как затраты и жертвы в бурской

кампании возрастали, генералы Ее Величества упрямо настаивали, что победа близка. Британское общественное мнение недовольно бурлило. Из-за британской некомпетентности и пренебрежения приблизительно 25 тысяч буров и 14 тысяч аборигенов (в основном женщин и детей) скончались в концентрационных лагерях — новый термин, который сначала появился в контексте гражданского интернирования во время этой войны. Англо-бурская война стала водоразделом, после которого началось долгое падение имперской идеи в Англии³.

ДВА СОПЕРНИКА АНГЛИИ В БОРЬБЕ ЗА ГЛОБАЛЬНОЕ ПРЕВОСХОДСТВО

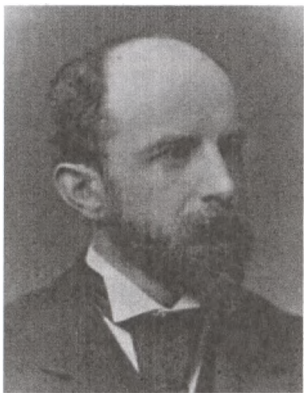
Когда Англия уже демонстрировала признаки окончательного разложения, возникли претенденты, которые могли бы исполнять роль Британской империи: два ее потенциальных соперника, казавшихся сначала почти незначительными. Первым был немецкий Рейх. Хотя в 1900 году мало кто среди немецкой элиты думал об опережении Британии, индустриальный рост Германии, ее образовательная система и наука уже оставили Англию далеко позади. У Англии почти не оставалось влияния, за исключением роли Лондона в качестве лидера в мировой торговле.

Вторым, находящимся на стадии становления, претендентом на роль доминирующей глобальной империи были Соединенные Штаты Америки. В 1898-1899 годах Америка только что провела свою первую имперскую войну против Испании за Филиппины и Кубу.

Необъявленное геополитическое соревнование Великобритании, Германии и Америки потребует тридцать лет и две мировые войны и только тогда разрешится окончательно⁴. В Америке элита, которая управляла Денежным трестом и крупными индустриальными трестами вокруг Моргана, Рокфеллера, Харримана, Шиффа и других, начинала рассматривать возможности, как достичь реальной глобальной власти.

В 1902 году Брукс Адамс, внук президента Джона Куинси Адамса и один из самых горячих и влиятельных апологетов Американской империи, писал: «В течение прошлого десятилетия мир пересек один из тех периодических кризисов, которые сопутствуют изменению в социальном равновесии. Место энергии мигрировало от Европы к Америке... Американское превосходство стало возможным только через прикладную науку... Ничто и никогда не сравнилось с экономикой и энергией администраций великих американских корпораций».

«Корпорациями» Адамс, очевидно, обозначил U.S. Steel Моргана, Standard Oil Рокфеллера, железно-

Брукс Адамс, 1885 г.

рожную и другую промышленность, которой они управляли. Адамс продолжал: «Союз [США. — Прим, авт.] формирует гигантскую и растущую империю, которая раскидывается на половину земного шара, империю, обладающую самой большой массой накопленных состояний, самыми совершенными средствами передвижения и тон-

чайшей, но самой сильной индустриальной системой из всех, которые когда-либо развивались»⁵.

В своем географическом анализе, который предвещал знаменательную речь Хэлфорда Макиндера в 1904 году «Географическая ось истории», Адамс добавил и дарвинистский подход: «Соединенные Штаты теперь занимают положение экстраординарной силы. Ввиду своих преимуществ, таких как географическое положение, месторождения полезных ископаемых, климат и характер людей, стране нечего опасаться своих конкурентов ни в мирное, ни в военное время при условии, что сопротивление, создаваемое движением масс, с которыми она должна иметь дело, не нейтрализует ее энергию. Массы принимают форму корпораций, а люди, которые возносятся к вершинам этих корпораций, являются лучшими. Этот процесс — естественный отбор»⁶.

«ЯВНОЕ ПРЕДНАЧЕРТАНИЕ»

Адамс повторял идеи Фредерика Джексона Тернера, автора теории «явного предначертания» Америки. Тернер доказывал, что американская уникальность была продуктом ее постоянно расширяющихся границ. Он определял историческое существование Америки как бесконечную геополитическую экспансию к новым границам на Западе: «Наличие области свободных земель, ее непрерывное сужение и продвижение американских поселенцев на запад объясняет американское развитие... Универсальная предрасположенность американцев, расширяющегося народа, — наращивание своих территорий».

Это утверждение стало предвестником, появившейся позже немецкой концепции «жизненного пространства», но помимо этого было проникнуто религиозным мессианским духом «божественной» миссии Америки.

Тернер доказывал, что непрерывное геополитическое расширение Штатов — «актуальный результат экспансивной мощи, которая присуща им от рождения». Как он выразился, «американская энергия будет снова и снова требовать широкого поля для своей деятельности»⁷.

Работы Тернера и Адамса дали богатейшим семьям американской элиты идеологическое обоснование для глобальной программы экспансии, начиная с 1880 года и до наших дней. Американское «явное предначертание» (как оно виделось финансовым воротилам, окружившим Моргана и Джона Д. Рокфеллера в начале Первой мировой войны) состояло в том, чтобы заполнить вакуум в международных отношениях, возникший в результате ослабления Британской империи. В своей книге «Новая империя», написанной на рубеже веков, Адамс представляет себе ни больше ни меньше рождающуюся Американскую всемирную империю, включая завоевание всего евразийского геополитического пространства⁸.

Адамс и Тернер были социал-дарвинистами, как и Рокфеллер, Карнеги, Морган и большинство американских плутократов. Они расширили концепцию «явного предначертания» с богоданной задачи расселения по всему континенту в XIX веке до американского мирового господства в XX веке, ибо над декадентской и умирающей Британской империей догорал закат.

В своем расширении идей Тернера на весь мир Брукс Адамс придерживался откровенно антигерманской и пробританской позиции. Он доказывал, что немецкий Рейх был единственным конкурентом в процессе рождения Америки в качестве наследницы Британской империи. Он предлагал союз с более слабым соперником, Британией, против более сильного — Германии. Это станет стратегией возведения американской державы на пепле европейской войны. Однако это произошло не сразу.

CASUS BELLE

Обреченный на неудачу расчет британской военной и дипломатической верхушки, который вверг страну в войну 1914 года, подробно описан в моей более ранней книге «Столетие войны: англо-американская нефтяная политика и Новый мировой порядок»⁹. Первая мировая война отнюдь не была реакцией на нарушение официальных международных соглашений после убийства в Сараево эрцгерцога Франца Фердинанда. Она явилась результатом стратегического решения, принятого задолго до этого в Уайтхолле и на Даунинг-стрит, 10 сначала совместно с Францией в 1904 году, а затем по «сердечному согласию» с царской Россией в 1907 году. Целью этого зарождающегося Тройственного союза, или Антанты, было военное окружение и изоляция общего соперника трех стран — Германии.

Ведущие британские политические круги в то время находились под влиянием двух основных

фракций. Первая группировалась вокруг лорда Сесилия Родса, который написал план послевоенной Лиги Наций. Вторая и даже более влиятельная военная фракция собралась вокруг представителей Круглого стола Альфреда Милнера. Круглый стол пришел к выводу, что динамичный рост германского Рейха и вообще само его существование представляет смертельную угрозу британскому доминированию на морях и океанах, а также имперскому контролю над мировой торговлей и финансами. Используя редакционный контроль над лондонской *The Times*, группа Круглого стола убеждала, что только превентивная война сможет остановить германский марш к мировому господству на осколках Британской империи.

Имелось два непосредственных повода к войне. Первый и, вероятно, решающий — решение немецких банков и политического руководства достроить железнодорожную линию Берлин — Багдад в Месопотамии, бывшей тогда частью Османской империи.

Это представляло угрозу британским нефтяным поставкам из Персии, а также британским торговым путям к драгоценной колонии Британской короны — Индии. В глазах британских военных стратегов (включая молодого лорда Адмиралтейства Уинстона Черчилля) эта угроза была отягощена вторым поводом: решением германского Рейха построить глубоководный флот для защиты немецких морских торговых путей от всевластной на морях Британии.

Ядром британской имперской стратегии со времен Наполеоновских войн являлось господство и полный контроль на стратегических морских и тор-

Линия Берлин-Багдад на карте

говых маршрутах¹⁰. Решение развязать войну против Германии, Австро-Венгрии и позже против Османской империи было принято не от понимания силы Британской империи, а в результате осознания ее фундаментальной слабости. Оно базировалось на расчете, что лучше спровоцировать войну как можно раньше, прежде чем Англии станет намного труднее бросить вызов возрастающему господству Германии. Это решение приведет к падению господства Британии, хотя, прежде чем британская элита неохотно смирится с реальностью, понадобятся еще десятки лет и Вторая мировая война.

«ОН УДЕРЖИТ НАС ОТ ВОЙНЫ...»

На начало европейской войны более трети всех американцев являлись иммигрантами, выходца-

ми в основном из Германии, Ирландии и Италии. В США проживали восемь миллионов американцев германского происхождения. За исключением небольшой банковской и корпоративной элиты, ведущей бизнес в Лондоне или во Франции, абсолютное большинство американцев не было заинтересовано во вступлении в исключительно европейскую войну, которая к тому же ничем не угрожала самой Америке.

В 1916 году Вудро Вильсон, президент, который вступил в сговор с Денежным трестом, чтобы создать в 1913 году ФРС, с ничтожным перевесом был переизбран, и вновь с помощью Денежного треста и Прогрессивной партии. На встрече в 1915 году в доме Элберта Гари из U.S. Steel сливки Денежного треста (Огаст Белмонт, Джейкоб Шифф, Джордж Ф. Бейкер, Корнелиус Вандербильт) решили поддержать переизбрание Вильсона. Также на этой секретной встрече присутствовали бывший президент, глава Прогрессивной партии Теодор Рузвельт и Джордж В. Перкинс, «человек-мешок», посредник между преступным миром и чиновниками, передающий взятки, бывший партнер Дж. Пирпонта Моргана¹¹. U.S. Steel, чей бизнес расцвел в годы войны, была компанией Моргана.

Вильсона осторожно поддержали с помощью не объявленной кампании финансирования из моргановских кругов¹². Тем не менее он с трудом выиграл выборы, и лишь с помощью подозрительной подтасовки голосов Прогрессивной партии в Калифорнии.

В январе 1916 года переизбранный президент Вильсон дал пресс-конференцию.

Единственный лозунг его предвыборной кампании «Он удержит нас от войны» был рассчитан на пропаганду и был разработан его теньвым советником полковником Эдвардом Манделом Хаузом. Вильсон твердо провозглашал: «Насколько я помню, это народное правительство, а народ не собирается выбирать войну».

Через год с небольшим американский народ по-прежнему был против войны, но Вильсон, понуждаемый Денежным трестом, уже был за.

ПРИБЫЛЬНЫЙ БИЗНЕС МОРГАНА

На начало войны в августе 1914 года финансы Великобритании находились в руинах. Ее экономика погрузилась в депрессию, а золотые резервы Банка Англии сократились до тревожно низкого уровня. Промышленность Англии была неспособна производить достаточное количество военного снаряжения и боеприпасов для полномасштабной войны¹³.

Вудро Вильсон, президент США. 1913-1921

В октябре 1914 года британское правительство отправило в Вашингтон делегацию своего военного департамента для военных закупок у частных амери-

канских компаний. Официально США держали нейтралитет. Британские закупщики быстро выбрали частный инвестиционный банк в Нью-Йорке, который станет единственным торговым посредником Англии, — J.P. Morgan & Co. На первый взгляд этот шаг был экстраординарно рискованным: сделать частный банк в нейтральной стране своим официальным торговым посредником.

Однако по счастливому стечению обстоятельств, вновь созданная Федеральная резервная система, открыла свои двери в 1914 году, что сделало риски более управляемыми благодаря грядущему контролю над будущими долгами правительства США, равно как и над национальной денежной массой. Э. У. Кеммерер, известный принстонский экономист и советник Уолл-стрит во время и после войны, заметил: «После нашего вступления в войну федеральные резервные банки как финансовые агенты правительства оказывали услуги неопределимого значения. Они значительно поспособствовали сохранению нашего золотого запаса, регулированию нашего обменного курса и централизации нашей финансовой энергии. Страшно себе представить, что могло бы произойти, если бы война застала нас с нашей бывшей децентрализованной и устаревшей банковской системой»¹⁴.

Весьма удобной для Моргана, Рокфеллера, Карнеги и богатейших семей, которые ради обретения миллиардных прибылей настаивали на вступлении в европейскую войну, оказалась Шестнадцатая поправка к Конституции США, принятая в 1913 году, в тот самый год, когда Вильсон подписал Закон о ФРС. Богатейшие семьи уходили от налогов, скрывая свои состояния в

новых свободных от налогообложения «благотворительных» фондах, таких как Фонд Рокфеллера, созданный в том же году, когда был введен подоходный налог. Принятие широкого налога на прибыль позже позволит Уолл-стрит финансировать войну с помощью выпуска специальных облигаций Министерства финансов США, так называемых «Облигаций свободы». Их погашение будет обеспечиваться налогоплательщиками, рядовыми гражданами, которые в войну были призваны сражаться и умирать в окопах Франции, «чтобы сделать мир безопасным для демократии», или, лучше сказать, безопасным для Торгового дома Моргана.

Морган служил правительству Его Величества в качестве посредника в организации закупок боеприпасов, оружия, обмундирования, химических веществ, словом, всего того, что было необходимо для ведения современной войны в 1914 году. В качестве финансового агента правительства Великобритании J.P. Morgan & Co. не только организовывала финансирование военных закупок и решала, какие компании будут поставщиками, но и устанавливала цены на эти поставки. Неудивительно, что корпорации, входящие непосредственно в группу компаний Моргана и Рокфеллера, стали главными бенефициарами хитроумной закупочной деятельности Моргана¹⁵.

Джон Пирпонт Морган, могущественнейший банкир в период перед Первой мировой войной. Именно он стоял за созданием частной Федеральной резервной системы в 1913 году — событием, которое сделало возможным вступление США в европейскую войну, чтобы спасти деньги Моргана, выданные в качестве займов Франции и Великобритании.

Британское Военное министерство спросило нового главу J.P. Morgan & Co. Дж. Пирпонта Морган-младшего (который сменил на этом посту своего отца, умершего в 1913 году), как отреагирует президент Вильсон на такие очевидно партизанские действия наиболее престижного американского банка — открытую помощь Британии в войне. Морган, по слухам, ответил, что это определенно не смутит исповедующую нейтралитет администрацию, поскольку его бизнес с британским Военным министерством, а позже и французским правительством является коммерческим предприятием для расширения торговли, а не политическим или дипломатическим. В январе 1915 года

Джон Пирпонт Морган

Джон Морган-младший встретился с президентом Вильсоном в Белом доме, чтобы обсудить вопросы сотрудничества Моргана и Британии, и Вильсон подтвердил, что у него нет никаких возражений против каких-либо действий группы Моргана или других «в целях содействия торговле»¹⁶.

Торговле это поспособствовало, как никогда ранее.

В 1915 году, на начало Первой мировой войны в Европе, E.J. Du Pont de Nemours and Co. в Делаваре получила от Британии 100 миллионов долларов через J.P. Morgan & Co., чтобы расширить свое подразделение, производящее взрывчатые вещества. За несколько месяцев DuPont вырос из мелкой и никому не известной компании во флагман международной

индустрии. Hercules Powder Company и Monsanto Company выросли соответственно. Металлургическая промышленность расцветала. За три года цены на чугун выросли на 300 процентов, с 13 долларов за тонну в 1914 году до 42 в 1917-м. Bethlehem Steel, U.S. Steel, Westinghouse Electric Company, Remington Arms, Colt Firearms имели огромные заказы. Прибыли только U.S. Steel подскочили с 23 миллионов долларов в 1914 году до 224 миллионов в 1917-м. Между 1914 годом и 1917-м чистый доход Anaconda Copper Mining Company Уильяма Рокфеллера вырос с 9 миллионов долларов до 25 миллионов. Активы Phelps Dodge Corporation (того самого Доджа, который привел Вильсона в Белый дом) выросли на 400 процентов, с 59 миллионов долларов в 1914 году до 241 миллиона в 1918-м¹⁷.

Только в 1916 году американская индустрия (несмотря на официальный государственный нейтралитет) экспортировала военного оборудования и боеприпасов в Англию и Францию на астрономическую сумму в 1,29 миллиарда долларов. Накануне вступления США в Первую мировую войну J.P. Morgan & Co. организовала экспорт военной техники английскому, французскому, а позже итальянскому правительствам на 5 миллиардов долларов. Вся она была куплена на кредит, организованный самой J.P. Morgan & Co. Такая сумма, эквивалентная 90 миллиардам современных долларов, никогда еще ранее не проходила через руки частной банковской группы.

Этого оказалось достаточно, чтобы вызвать крупный банковский кризис, чреватый невозвратом кредитов. В апреле 1915 года, за два года до вступления

Америки в войну, партнер Дж. Пирпонта Морган Томас Ламонт произнес знаковую, но оставшуюся малоизвестной речь перед Американской Академией социальных наук в Филадельфии. Ламонт рассказал академической аудитории о той огромной прибыли американской индустрии, которую она получает, финансируя и снабжая боеприпасами и военной техникой Британию и ее союзников в Европе.

Ламонт с удовлетворением отметил, что Дж. Пирпонт Морган и его дружки с Уолл-стрит получают еще большую прибыль, если война продолжится как можно дольше. Он с энтузиазмом рассказывал о выгодах войны: «...Из должников мы превращаемся в кредиторов... Мы накапливаем огромный экспортный торговый баланс... Многие наши фабрики и торговцы сделали удивительный бизнес на товарах, связанных с войной. Военные заказы, достигающие сотен миллионов долларов, были столь внушительны, что сейчас их эффект распространяется на весь бизнес в целом... Кульминационный момент всего этого развития в том, что Америка становится крупным фактором на международном рынке кредитов».

Международные кредиты правительствам — заветная область деятельности Морганов, именно они превратятся в послевоенный период в геополитическое оружие потрясающего размаха. Ламонт торжествует дальше: «Что нас ждет в будущем? Многие люди, кажется, верят, что Нью-Йорк должен заменить Лондон в качестве мирового валютного центра. Для того чтобы стать мировым валютным центром, мы должны, конечно, стать торговым центром мира. Это, безусловно, возможно...»

Разъясняя, как такое может произойти и какие конкурирующие государства Морган «со товарищи» рассматривают как угрозу глобальному господству США, Ламонт прямо предупредил: «Этот вопрос торгового и финансового превосходства должен определяться несколькими факторами, ключевым из которых является продолжительность войны. Если... эта война закончится в ближайшее время... мы, вероятно, обнаружим, что Германия, чья экспортная торговля сейчас почти полностью заблокирована, вернется к жесткой конкуренции очень быстро». Затем Ламонт особо сосредоточился на финансовых последствиях войны: «Третий фактор, и он тоже зависит от продолжительности войны, состоит в том, станем ли мы кредиторами иностранных государств в по-настоящему больших масштабах...

Станем ли мы кредиторами этих иностранных государств в реально колоссальных масштабах?

Если война продлится достаточно долго, чтобы стимулировать нас занять такую позицию, тогда мы неизбежно станем государством-кредитором вместо государства-должника, и такое развитие рано или поздно приведет к тому, что доллар заменит фунт стерлингов в качестве международной основы обмена»¹⁸.

В этой экстраординарной речи, послушно проигнорированной национальными средствами массовой информации, партнер Моргана Ламонт обрисовал стратегию Моргана «со товарищи» не только для войны, но также на послевоенный период, вплоть до начала Второй мировой войны.

Война стала невероятным благом для бизнеса, особенно для J.P. Morgan & Co. и ее приближенных военных промышленных компаний. Она была настолько хороша для них, что через двадцать лет, в 1934 году, сенатор Джеральд Най от Прогрессивной Республиканской партии, Северная Дакота, провел слушания, чтобы расследовать роль военной и финансовой индустрии в вовлечении США в Первую мировую войну.

Най назвал военную индустрию «торговцами смертью». Особенно он критиковал DuPont и прочих крупных химических и военных продавцов, обвиняя их в том, что они хотели отдать в жертву американских солдат, чтобы получать все большие прибыли с продаж. Окончательный доклад сенатора Ная в 1936 году завершился следующим: «Исследованные американские военные компании иногда прибегали к таким необычным подходам, сомнительным льготам и комиссиям, а также методам «делать все необходимое», которые представляют собой, по сути, подкуп иностранных правительственных чиновников или их близких друзей, чтобы обезопасить свой бизнес»¹⁹.

ВОЙНА «СДЕЛАЕТ МИР БЕЗОПАСНЫМ» ДЛЯ МОРГАНА

С точки зрения Ламонта и его друзей, «необычные подходы» во время войны работали на них. Затем в конце 1916 года и первые месяцы 1917 года их будущее внезапно обернулось катастрофой. В феврале 1917 года русский царь отрекся от престола, поскольку, уставшая от войны, армия взбунтовалась в

Санкт-Петербурге (Петрограде). Командование российской армии не смогло подавить мятеж. Если бы Россия вышла из войны, Германия больше бы не вела разрушительные боевые действия на два фронта и получила бы возможность сосредоточить свои силы на Западном фронте.

Имея более 1,5 миллиарда долларов прямых военных кредитов, выданных Британии, Франции, России и Италии, и договоры на поставку военного оборудования в воюющие страны в Европе на 5 миллиардов долларов, Морган и его товарищи забеспокоились о том, что может произойти немыслимое и Германия выиграет войну.

Русский фронт против германского Рейха развалился, а большевики под руководством В. И. Ленина были готовы захватить власть и вывести Россию из войны. В рискованной игре, финансируемой германским генералитетом, немцы решили переправить Ленина и большевистскую верхушку, на тот момент находившихся в эмиграции в Швейцарии, в специальном запечатанном вагоне по железной дороге в Россию, а вместе с ними и достаточное количество золотых слитков, чтобы подкрепить революцию против царя²⁰. Немцы надеялись таким образом получить враждебный англо-французскому союзу режим, который был бы готов подписать сепаратный мир с Германией. Так и произошло, но очень дорогой ценой.

Франция была уже ослаблена, но Британия, готовясь к мошенническому разделу непечатых нефтяных сокровищ Месопотамии, отклоняла все ее прось-

бы о военной поддержке даже несмотря на то, что британская армия держала миллион солдат под британским флагом на Ближнем Востоке, которых вполне можно было бы перебросить на помощь союзнице. После заключения перемирия на русском фронте Германия получила возможность перегруппировать свои силы для окончательного прорыва линии Мажино по всей Франции²¹.

Послом Вильсона в Лондоне на тот момент был Уолтер Хайнс Пейдж, который до того, как получить назначение к королевскому двору Великобритании, был попечителем Генерального образовательного совета Рокфеллера. 5 марта 1917 года посол Пейдж послал президенту Вильсону конфиденциальную телеграмму, в которой заявлял: «Я думаю, что давление этого надвигающегося кризиса вышло за рамки способности Финансового агентства Моргана удовлетворить британское и французское правительства. Запрос становится слишком большим и срочным, чтобы с ним могло справиться частное агентство...»

Пейдж добавил, что перспективы Европы «тревожны» для американских промышленных и финансовых интересов: «Если мы должны вести войну с Германией, величайшей помощью, которую мы можем предоставить союзникам, мог бы стать такой кредит. В этом случае наше правительство может, если это произойдет, сделать крупную инвестицию во франко-британский заем или может гарантировать такой заем...»

Чтобы абсолютно увериться, что Вильсон правильно понял, куда он клонит, Пейдж затем сделал

вывод: «Если мы не вступаем в войну с Германией, конечно, мы не можем сделать такое прямое предоставление кредита...»

И добавил, что альтернативой войне станет крах внутренней американской экономики и финансовой структуры²².

Через четыре недели после тревожного письма Пейджа Вудро Вильсон, который переизбирался в 1916 году под антивоенным лозунгом, в апреле 1917 года втянул Америку в Первую мировую войну. Он предстал перед Конгрессом с запросом о формальном объявлении войны Германии, приводя в качестве обоснования возобновившиеся атаки немецких подводных лодок на торговые суда США и других нейтральных стран, направляющиеся в порты Англии и Франции. Конгресс подавляющим большинством голосов дал ему эти полномочия, за исключением нескольких голосов против, принадлежавших принципиальным сторонникам нейтралитета, в том числе сенатору Роберту Лафоллету из штата Висконсин²³.

Министерство финансов США через недавно созданную ФРС, чей Федеральный резервный банк Нью-Йорка возглавлял ставленник Моргана Бенджамин Стронг, приступило к сбору беспрецедентных сумм от продажи населению так называемых «Облигаций свободы».

С первых же шагов J.P. Morgan & Co. выручила 400 миллионов долларов, что покрывало долги Великобритании перед Морганом. Иными словами, Вильсон использовал американских налогоплательщиков, чтобы таскать для Моргана большие каштаны из огня.

С момента своего официального вступления в европейскую войну в апреле 1917 года и до подписания окончательного перемирия с Германией 11 ноября 1918 года правительство США ссудило европейским союзным державам 9 386 311 178 долларов, сумму, которую Ламонт назвал «реально колоссальной». Британия получила львиную долю — 4,136 миллиарда долларов, Франция — 2,293 миллиарда.

Обеспечение облигаций всеми доходами и заимствованиями эмитента США, поддержанное новой ФРС, было мобилизовано, чтобы нанести поражение Германии. Эти 9 миллиардов долларов, однако, не попали ни в Лондон, ни в Париж. Вместо этого они

пошли непосредственно в американскую промышленность, преимущественно тем, кто был связан с группой Моргана, Куном и Лоббом или Рокфеллерами, для уплаты по союзническим военным поставкам²⁴. Морган ничего не упускал из виду.

Обложка Stockton Record's с заголовком о разрыве отношений США и Германии

Чтобы продать скептической американской общественности разворот своей политики на 180 градусов и мобилизовать широкую поддержку войны с Германией, Белый дом Вильсона создал самую впечатляющую пропагандистскую машину, которой мир еще не видывал.

В апреле 1917 года Вудро Вильсон создал Комитет общественной информации, чтобы рекламировать гражданам войну и освещать американские военные цели за рубежом. Под руководством друга Вильсона журналиста Джорджа Крила Комитет комбинировал рекламные техники с изощренным знанием человеческой психологии. Впервые правительство распространяло пропаганду в таком большом объеме. Это стало в полном смысле предвестником мира, описанного Джорджем Оруэллом в его книге «1984».

Крила ввел в Комитет общественной информации один из проницательнейших пропагандистов того времени, молодой натурализованный американец из Вены по имени Эдвард Бернейс. Бернейс привез с собой глубокие знания новой отрасли человеческой психологии, которая еще не была переведена на английский язык. Он был племянником, а также литературным агентом австрийского психоаналитика Зигмунда Фрейда в Америке.

Сочетая вьедливую и неприятную журналистскую манеру Крила и фрейдистский психологический подход Бернейса (с его анализом бессознательного), правительственный Комитет общественной информации вывалил на ничего не подозревающую американскую публику потоки расчетливой лжи и шовинистических эпитетов, которые демонизировали немцев, сопровождая этот процесс картинками, как немецкие солдаты накалывают на штыки бельгийских детей. И это был далеко не единственный образчик выдуманных на скорую руку злодеяний. Эти образы и символы постоянно вбрасывались сред-

ствами массовой информации, чтобы загнать американскую общественность в состояние военного утара против кайзеровской Германии, которая на тот момент не представляла никакой угрозы для США.

Комитет стал фактически цензором военного времени. Ссылаясь на угрозу немецкой пропаганды, скрывающейся в антивоенных высказываниях, Комитет общественной информации применял «добровольные руководящие принципы» в новостных медиа и сыграл важную роль в проведении через Конгресс Закона и шпионаже в 1917 году и Закона о подстрекательстве в 1918-м. Радикальные газеты, например социалистический «Призыв к разуму», были закрыты по причине ограничений инакомыслия в военное время.

Крила и Бернейса подключил к работе в Комитете общественной информации журналист-англофил и близкий советник Вильсона Уолтер Липпман. Молодой выпускник Гарварда Липпман в свое время был принят на работу в качестве связного между группой Моргана на Уолл-стрит и британским тайным обществом Круглого стола, которое со дня своего основания в 1909 году агитировало Англию готовиться к войне против Германии²⁵.

Выходящая два раза в неделю колонка Липпмана в нью-йоркской газете Herald Tribune перепечатывалась в сотнях местных газет по всей Америке, что сделало его влиятельнейшим пробританским рупором в стране. Его статьи оказали решающее влияние на образованный средний класс, сектор, который традиционно имел тенденцию к нейтральным или антивоенным настроениям.

Но именно уникальный извращенный гений Бернейса сплавил воедино психологию толпы и методы средств массовой информации, чтобы с размахом манипулировать определенными человеческими эмоциями. Он изучил эти ключи к влиянию на человеческое поведение в работах своего дяди — Зигмунда Фрейда.

С размахом применяя эти озарения, Комитет общественной информации всего за несколько месяцев достиг экстраординарных результатов, умело направив американскую общественность в пучину массовой военной истерии. Благодаря развернувшемуся в полную силу гению Бернейса фрейдистское представление о человеческой природе было скомбинировано с тем, что позже назовут «техникой лживой рекламы с Мэдисон-авеню». Результаты были поставлены Комитетом на службу разжиганию военных настроений. Изучив варианты путей, которыми информация достигает населения, Комитет общественной информации заполнил эти каналы психологически нагруженной военной пропагандой.

Внутренний отдел Комитета общественной информации состоял из 19 подразделений, каждое из которых фокусировалось на определенном типе пропаганды. Отдел новостей, как первичный проводник связанной с войной информации, рассылал тысячи пресс-релизов, чтобы обеспечить местные выпуски новостей. Комитет позже подтвердил, что свыше 20 тысяч газетных статей еженедельно были заполнены материалами из подобных релизов. Комитет общественной информации также создал Отдел синдицированных статей, чтобы нанимать ведущих писателей (романы, рассказы, эссе). Их

работа состояла в том, чтобы представлять обычным американцам войну в легкодоступном виде. Каждый месяц их опусы достигали приблизительно двенадцати миллионов человек²⁶.

Отдел гражданской и образовательной кооперации Комитета включал филологов-англофилов, которые штамповали памфлеты с заголовками «Немецкие шепотки», «Немецкие военные обычаи» и «Завоевание и культура». Это была неприкрытая пропаганда. Более уважаемые философы, такие как Джон Дьюи и Липпман, были нацелены на более искушенную публику. Каждый срез населения насыщался точно настроенной пропагандой²⁷.

Отдел изобразительной рекламы Комитета состоял из наиболее талантливых иллюстраторов и карикатуристов. Газеты и журналы щедро предоставляли рекламные места, и уже было невозможно встретить периодическое издание без продукции Комитета общественной информации. Внушительные плакаты в патриотических цветах были расклеены на придорожных щитах по всей стране. Яркие комиксы рекламировали продажу американцам «Облигаций свободы». Изображения звездно-полосатого доброго Дяди Сэма обрушивались на молодежь с лозунгом «Дядя Сэм нуждается в тебе!».

Образ оказался настолько удачен, что получил вторую жизнь не только как пример военной пропаганды, но и как символ американской поп-культуры.

Отдел фильмов обеспечивал военную пропаганду в кино. Комитет общественной информации создал национальный корпус добровольцев под названием

«Люди четырех минут», численность которого насчитывала до 75 тысяч энергичных волонтеров, чья работа состояла в появлении в качестве уполномоченных представителей правительственного Комитета общественной информации в начале каждого фильма и произнесении четырехминутной зажигательной речи в поддержку войны, «Облигаций свободы» и тому подобного. Это было невероятно эффективно²⁸.

В 1917 году редакционная статья *The Motion Picture News* провозгласила, что «каждый работающий в этой индустрии желает сделать свой вклад», и пообещала, что «через слайды, ракорды и анонсы фильмов, плакаты и публикации в газетах они будут распространять пропаганду столько, сколько будет необходимо для немедленной мобилизации огромных ресурсов страны». Американские кинотеатры наполнили фильмы с названиями типа «Кайзер: чудовище Берлина», «Хищники культуры» и «Крестonosцы Першинга». Один из них, «В ад с кайзером», был настолько популярен, что массачусетской полиции по охране общественного порядка пришлось вмешаться, чтобы рассеять озлобленную толпу, которой не удалось попасть на просмотр²⁹.

Поскольку пропагандисты пытались подменить процесс мышления другого человека своим собственным продуктом, искренним логическим аргументам они предпочитали косвенные сообщения. Во время войны Комитет общественной информации делал это, выдавая расчетливые эмоциональные обращения, демонизируя Германию, связывая войну с идеалами различных социальных групп и не брезгуя при необходимости прямой ложью.

ОБРАЩЕНИЕ К БАЗОВЫМ ЭМОЦИЯМ

Пропаганда Комитета последовательно обращалась к эмоциям, не к разуму, что являлось в огромной степени следствием влияния бернейсовской адаптации идей Фрейда. Эмоциональная агитация стала любимой техникой стратегов Комитета общественной информации, которые поняли, что при помощи квалифицированной манипуляции любая эмоция может быть «выпущена» и перенаправлена на любую другую деятельность. Статья, опубликованная в *The Scientific Monthly* сразу после войны, доказывала, что «подробное описание страданий маленькой девочки и ее котенка может стимулировать нашу ненависть к немцам, пробудить наше сочувствие к армянам, сделать нас энтузиастами Красного Креста или вынудить нас жертвовать деньги на дома для кошек».

Комитет общественной информации изобрел лозунги военного времени, вроде «Истекающая кровью Бельгия», «Преступный кайзер», «Сделаем мир безопасным для демократии». Типичный пропагандистский плакат рисовал агрессивного немецкого солдата со штыком и надписью сверху «Отобьемся от этого гунна с Облигациями свободы». То есть возбужденные эмоции ненависти и страха преобразовывались в жертвенный порыв внести свои деньги на военные нужды.

После войны в одном социо-психологическом анализе значения пропаганды в ходе войны Гарольд Лассуэлл из Чикагского университета заметил, что причиной поражения немецкой пропаганды в Америке стал именно упор на логику, а не на эмоции. Немецкий дипломат граф фон Берншторф сделал такое

же наблюдение с другой точки зрения: «Выдающаяся особенность среднего американца — довольно большая, хотя и поверхностная сентиментальность»³⁰.

Германские заявления для прессы полностью упустили этот факт. Бернейс и Комитет общественной информации использовали его на полную катушку.

Еще одна пропагандистская техника, используемая Комитетом, заключалась в абсолютной демонизации врага. Как подчеркивал Лассуэлл: «Психологическое сопротивление войне в современных государствах настолько велико, что каждая война должна казаться оборонительной против грозного, смертельно опасного агрессора. Нельзя допускать никакой двусмысленности в том, кого должна ненавидеть общественность»³¹.

Памфлеты Комитета общественной информации рисовали немцев как развращенных жестоких агрессоров. В одной из публикаций Комитета профессор Вернон Келлог вопрошал: «Будет ли удивительно, если после войны люди мира, когда признают в каком-либо человеке немца, будут прижиматься к стене, чтобы только не коснуться его, пока он проходит мимо, или нагнутся за камнями, чтобы заставить его уйти с дороги?»³²

Чрезвычайно эффективной стратегией демонизации немцев являлось использование кровавых историй. Лассуэлл пишет: «Удобным правилом для разжигания ненависти, если сначала они не приводят в ярость, является использование [образов] злодеяний. Этот [прием] пользовался неперенным успехом в каждом из конфликтов, известных человечеству».

Невероятные истории о немецком варварстве в Бельгии и Франции питали миф об уникальной германской дикости. Немецкие солдаты, как рассказывала миру пропагандистская машина Комитета общественной информации, развлекали себя, отрезая руки бельгийским младенцам. Еще одна часто повторяемая история рассказывала, как немецкие солдаты ампутировали у бельгиек груди просто от злобы.

В 1927 году Лассуэлл написал обширное исследование, книгу «Пропагандистские техники в Мировой войне», детально анализируя работу Крила, Липпмана и Бернейса. Он разделял их убеждение, что при демократии не стоит верить, что население будет действовать так, как желала бы элита. Эмоциями населения нужно манипулировать, чтобы оно действовало, как нужно.

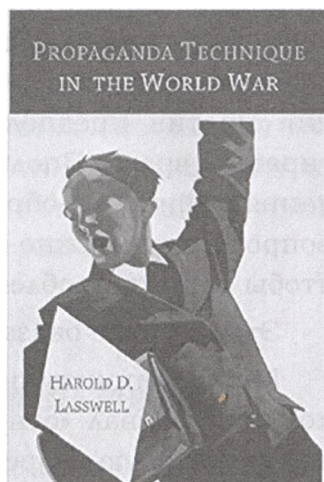
После войны Эдвард Бернейс подтвердил, что его коллеги придумывали предполагаемые зверства, чтобы спровоцировать общественное возмущение против немцев. Некоторые из жестоких историй, которые циркулировали в течение войны, например история о ведре, наполненном глазами яблоками, или о семилетнем мальчике, который сопротивлялся немецким солдатам с деревянным пистолетом, были на самом деле адаптированы из описаний вымышленных злодеяний, использованных в прошлых конфликтах.

В своей работе о пропаганде военного времени Лассуэлл заявил, что истории о зверствах всегда будут популярны не только потому, что аудитория может выразить праведное негодование по отношению к врагу, но также и потому, что она в определенной степени себя отождествляет и с теми, кто совершает

преступления. Он пишет: «Молодая женщина, изнасилованная врагом, доставляет тайное удовлетворение армии неявных насильников по ту сторону барьера»³³.

Таков был развращенный взгляд на человеческую природу, разделяемый и пропагандируемый Фрейдом, Бернейсом, всей Мэдисон-авеню, военными спекулянтами, вашингтонским Комитетом общественной информации и кругом Моргана на Уолл-стрит.

Чтобы сделать пропагандистский эффект полным, правительственный Комитет общественной информации ввел массовую замену вошедших в обиход немецких слов, например словосочетание «либерти стейк» пришло на смену слову «гамбургер», что напоминает известное переименование времен бушевской администрации картошки по-французски в «картофель свободы» из-за яростной оппозиции Франции началу боевых действий в Ираке. Квашеная капуста «зауэркуаут» стала подобно гамбургеру «свободной капустой», а широко известный «немецкий молочно-шоколадный напиток» стал «голландским». Мирные и патриотичные американские выходцы из Германии в разных уголках страны жили в страхе перед нападением на них толпы или организованных банд только за то, что они этнические немцы.

Обложка книги Лассуэла
«Пропагандистские техники в
Мировой войне»

Экстраординарные техники массовой манипуляции сознанием в ходе Первой мировой войны сильно поспособствовали трансформации Америки в демократию «только для вида», управляемую плутократической элитой в своих собственных интересах.

В 1928 году Бернейс опубликовал удивительно откровенную статью, озаглавленную без затей «Пропаганда». В ней он провозгласил: «Конечно, именно поразительный успех пропаганды в течение войны открыл глаза некоторым образованным людям... на возможности управлять общественным сознанием... Американское правительство разрабатывало новые техники... Манипуляторы патриотического настроения используют ментальные клише и эмоциональные особенности публики, чтобы вызывать массовые реакции против предполагаемых злодеяний, террора и тирании врага. Вполне естественно, что после окончания войны эти образованные люди могут задаться вопросом, возможно ли применять сходные техники, чтобы решать проблемы мирного времени»³⁴.

Это все тоже оказалось возможно.

Бернейс приступил к созданию новой профессии, которую назвал «отношения с общественностью». В книге, которую он редактировал после Второй мировой войны, Бернейс упоминает свою работу как «рукотворное конструирование согласия»³⁵. Творением рук Бернейса стали рекламное дело Мэдисон-авеню и изощренные техники создания неосознанного и навязчивого желания купить конкретный продукт, включая сигареты, дорогую женскую обувь, косметику, автомобили и вообще все, что клиент пожелает

продать, даже политических деятелей. Он удостоился титула «отец интерпретаций», став автором техники манипуляций реальностью с определенной целью продать неважно что: политические решения или слоновую кость³⁶.

С исключительной пропагандистской машиной Комитета общественной информации администрации Вильсона, разжигающей военную истерию среди американцев, Дж. Пирпонт Морган и его друзья из финансовых кругов Уолл-стрит резко расширили объемы своего прибыльного бизнеса. Уолл-стрит и связанная с Морганом промышленность поставляли частное финансирование, военную технику и боеприпасы Британии, Франции и Италии. Их операции теперь были гарантированы правительством США и практически безграничными возможностями вновь созданной Федеральной резервной системой банков, чтобы застраховать те непомерные риски, на которые шли Морган и частные банкиры Денежного треста.

НЕВЕРОЯТНАЯ СТОИМОСТЬ ВОЙНЫ

После пяти мрачных лет войны человеческие потери и разрушения были неизмеримы. Официальные статистические данные правительства показали, что число смертей в «войне, которая положит конец всем войнам» (прямых или косвенных безвозвратных потерь) составило в целом от 16 до 20 миллионов, в том числе свыше 7 миллионов военнослужащих и более 10 миллионов погибших среди гражданского населения.

Главнокомандующего американских экспедиционных сил в Европе генерала Джона Першинга с восторгом встречали в Нью-Йорке торжественным конфетти-парадом, подобно тому, как встречали когда-то императора Цезаря, возвращавшегося из победоносного похода с богатой добычей из завоеванных государств³⁷.

Но в данном случае добро павших стран Европы досталась не генералам, а Дому Моргана и инвестиционным банкирам Уолл-стрит. Морган и Уолл-стрит держали под жестким контролем покупку и продажу «Облигаций свободы» и других долговых обязательств, выпущенных новой ФРС, весь механизм, с помощью которого правительство финансировало свое участие в Первой мировой войне.

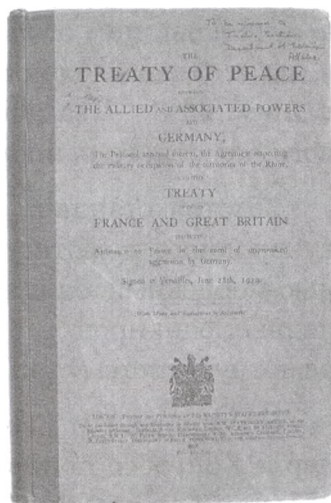
Стоимость войны в денежном выражении для всех сторон, вовлеченных в конфликт, достигла ошеломляющих 186 миллиардов долларов США. Из них Германия вложила около 39 миллиардов против 123 миллиардов, вложенных США и союзными державами. Одним только США война стоила колоссальную сумму в 22 миллиарда за два года активных военных действий³⁸.

На момент подписания Версальского договора 28 июня 1919 года Британская империя (включая Индию, Канаду и Содружество наций) вложила в ведение войны против Германии и ее союзников из центрально-европейских государств 11 миллиардов фунтов стерлингов, или 54 миллиарда долларов США. Если равномерно распределить эту сумму на шесть финансовых лет с 31 марта 1914 до 31 марта 1920 года, то фактические расходы британского правительства превысили совокупные расходы за предыдущие 225 лет до 1914 года.

Британское население оплатило 36 процентов военных расходов в форме налогов, оставшиеся 64 процента пришлось на займы, в основном у правительства США через посредничество ФРС.

Накануне Первой мировой войны в 1914 году национальный долг Британии составлял всего лишь 711 миллионов фунтов стерлингов, только пять процентов от общего национального состояния страны. В конце войны национальный долг взлетел до 8,2 миллиарда фунтов. Всего за шесть лет национальный долг увеличился более чем в 12 раз.

Это был конец Британской империи как банковской метрополии мира. Точно как предсказывал в 1915 году Томас Ламонт, Англия захлебнулась своими военными долгами³⁹. Государственный долг США возрос на 2500 процентов в ходе войны: с одного миллиарда долларов в 1913 году до более чем 25 миллиардов в конце 1919-го. Долг финансировался продажей государственных облигаций через ФРС частным посредническим банкам во главе с Дж. Пирпонт-Морганом, Куном, Лебом и Уолл-стрит к немалому профиту последних⁴⁰.

Обложка Версальского мирного договора 1919 года

Проблемой для Моргана, Рокфеллера и Уолл-стрит оставалась неготовность остальной Америки подхватить имперские одеяния Великобритании. Это потребу-

ет немного больше работы, много изобретательности янки, а также Второй мировой войны и значительного разрастания пропагандистской машины.

Важнейшим для финансовых кругов было то, что Первая мировая война изменила статус США. Как и предсказывал Ламонт, страна превратилась из государства-должника в крупнейшее в мире государство-кредитор, взяв на себя роль, которую раньше играла Англия.

В ходе войны мировой рынок банковских акцептованных векселей (форма краткосрочного банковского кредитования, существенная для международной торговли) переместился из Лондона в Нью-Йорк. Бывший вице-председатель и, собственно, «архитектор» ФРС банкир Пол Варбург вернулся в Kuhn, Loeb & Co и стал влиятельнейшим оператором акцептованных векселей в мире. Одна из основных целей тех, кто стоял за созданием ФРС, — замещение Лондона в качестве мирового валютного рынка — была достигнута.

Золотой стандарт все еще оставался базисом международного валютного обмена. Теперь, возглавляемая нью-йоркскими банками, небольшая группа международных банкиров, владеющая золотом, контролировала валютную систему западных государств.

В декабре 1919 года банкиры Нью-Йорка провели через Конгресс поправку к Закону 1913 года о Федеральной резервной системе, так называемую Поправку Эджа. Эта небольшая поправка позволяла создавать специальные явные финансовые институты для того, чтобы «участвовать в международном или иностранном банковском деле или других международных или

иностранных финансовых операциях, включая сделки в золоте или золотых слитках, и владеть акциями в иностранных корпорациях».

Комментируя поправку, экономист Принстонского Университета профессор Э. У. Кеммерер заметил: «Федеральная резервная система оказывает большое влияние в интернационализации американской торговли и американских финансов»⁴¹.

Кеммерер, который сыграл ключевую роль в интернационализации нью-йоркских банков в 1920-х годах, знал, о чем говорит. Именно поэтому Дж. Пирпонт Морган, Варбург, Рокфеллер и прочие из Денежного треста на Уолл-стрит прошли столь долгий путь, чтобы создать частную Федеральную резервную систему. Отныне ФРС будет определять мировую политику в течение многих лет после окончания Первой мировой войны в 1919 году, и это влияние будет значительным.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Quigley C. The Anglo-American Establishment: From Rhodes to Cliveden. Books in Focus, New York, 1981. P. 38-9.

2 Ibid. P. 33-34.

3 Konstantin Ph. The Boer War South Africa, 1899-1902. The History Ring, San Diego, July 25, 2008 // www.geocities.com/Athens/Acropo/8141/boerwar.html.

4 Интересную геополитическую перспективу этого соперничества за глобальное господство можно найти в книге Taylor J. P. Britain and the Cold War: 1945 as Geopolitical Transition. Pinter Publishers, London, 1990. P. 17. «Задним числом мы можем интерпретировать обе мировые войны как спор за британское наследство между Германией и США. Спор завершился только в конце Второй мировой войны безоговорочной капитуляцией Германии».

5 Adams B. The New Empire. Macmillan, New York, 1902. P. XI-XXXIII.

6 Ibid.

7 Turner F. J. The Significance of the Frontier in American History. Henry Holt and Co., New York, 1995. P. 1, 33, 59.

8 Adams B. Op. cit.

9 Энгдаль Ф. У. Столетие войны: англо-американская нефтяная политика и Новый мировой порядок. СПб, 2008. Глава 4.

10 Engdahl F. W. Oil and the Origins of the Great War // History Compass, № 5-6. Blackwells Publishing Ltd, Oxford, 2007. P. 2041-2060.

11 Lundberg F. America's Sixty Families. Vanguard Press, New York, 1937. P. 130.

12 Ibid. P. 130-133.

13 Энгдаль Ф. У. Столетие войны... С. 49-50.

14 Mullins E. The Secrets of the Federal Reserve. Bankers' Research Institute, Staunton, 1983. P. 85.

15 The Nye Commission Report of the Special Committee on Investigation of the Munitions Industry (The Nye Report). U.S. Congress, Senate, 74th Congress, 2nd session, February 24, 1936.

16 [British Ambassador to Washington, Sir Cecil] Spring Rice to [Secretary of State for Foreign Affairs Sir Edward] Grey, 20 Jan 1915, f. 60, FO 800/85, cited in Burk, Kathleen Britain, America and the Sinews of War 1914-1918. George, Allen & Unwin, London, 1985. P. 21. Спринг Райс был шафером на свадьбе Дж. Пирпонта Моргана-младшего и членом элитного «Общества паломников», куда входили дельцы Уолл-стрит и Лондона.

17 The Nye Commission. Op. cit.

18 Lamont Th. W. The Effect of the War on America's Financial Position // Annals of the American Academy of Political and Social Science, 1915. № 60 P. 106-112.

19 The Nye Commission. Op. cit.. P. 3-13.

20 Zeman Z. A. B. Germany and the Revolution in Russia, 1915-1918: Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. Oxford University Press, London, 1958. P. 92, note 3. Министр иностранных дел Германии фон Кюльман писал кайзеру 3 декабря 1917 года: «Только когда большевики получили от нас по различным каналам постоянный приток средств, а также под различными прикрытиями, они получили возможность создать свой главный орган «Правда», вести энергичную пропаганду и значительно расширить первоначально узкую базу своей партии» (протитировано на веб-странице reformed-theology.org/html/books/bolshevikjrevolution/chapter_03.htm#6).

21 Энгдаль Ф. У. Столетие войны... С. 53-54.

22 Lundberg F. Op. cit. P.141.

23 Wilson W. Speech to Congress April 2, 1917 // National Alumni, Source Records of the Great War / ed. by Charles F. Horne. Volume V, 1923.

24 Lundberg F. Op. cit. P. 141.

25 Quigley C. Tragedy and Hope, A History of the World in Our Time. Macmillan Co., New York, 1966. P. 539.

26 Delwiche A. Propaganda: Wartime Propaganda: World War I . The Committee on Public Information // www.propagandacritic.com/articles/wwl.cpi.html.

27 Ibid.

28 Ibid.

29 Ibid.

30 Delwiche A. Of Fraud and Force Fast Woven — Domestic Propaganda During the First World War. August 11, 2001// www.firstworldwar.com.

31 Lasswell H. D. Propaganda Technique in the World War // New York, 1927. Peprinted MIT Press, 1971. Cited in Delwiche A. Op. cit.

32 Ibid.

33 Delwiche, A. Op. cit.

34 Bernays Ed. Propaganda. IG Publishers, Brooklyn, NY, 1928. P. 54-55.

35 The Engineering of Consent // University of Oklahoma Press, Norman, OK/ ed, By Edward L. Bernays. 1955. P. 3-4. Здесь Бернейс определяет свою точку зрения следующим образом: «Связи с общественностью являются попыткой с помощью информации, убеждения и настройки сконструировать общественную поддержку деятельности, побуждению, движению или учреждению».

36 Tye L. The Father of Spin: Edward L. Bernays and the Birth of Public Relations. Henry Holt & Co., New York, 1998. P. 27-31.

37 Beamish R. J. and March Fr. A. America's Part in the World War: A History of the Full Greatness of Our Country's Achievements. The John C. Winston Co., Philadelphia, 1919.

38 Ibid. P. 24.

39 Fisk H. E. English Public Finance From the Revolution of 1688.

Bankers Trust Company, New York, 1920. P. 1-5. Примечательно, что банк Моргана «Банкере Траст» проводил интенсивное изучение британской финансовой системы в первые же дни после Первой мировой войны.

40 World Debts Now \$265,000,000,000: World War Caused Increase of \$221,000,000,000 Says Bank Statistician // The New York Times, June 27, 1920.

41 Mullins E. Op. cit. P. 124.

Глава 3

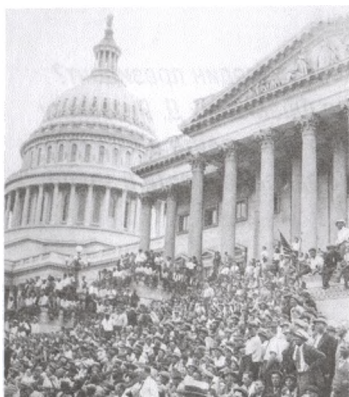
НОВЫЙ КУРС, ВЕЛИКАЯ ДЕПРЕССИЯ: НА СЦЕНУ ВЫХОДЯТ РОКФЕЛЛЕРЫ

Разве это не обычное воровство? Не так ли, господин президент?

Сенатор Томас Гор Франклин Д. Рузвельту
по поводу решения президента в 1933 году
отменить погашение задолженности в золоте

ПАДЕНИЕ ДОМА МОРГАНА

Первая попытка создать в Нью-Йорке центр мировых финансов при золотом обменном стандарте, управляемом США, провалилась в сентябре 1931 года, когда Великобритания, а вместе с ней и ряд других европейских стран отказались от золотого стандарта. Крах был закономерным и полностью предсказуемым, учитывая хрупкую международную систему банковских кредитов и гарантированных облигаций, которая была построена J.P. Morgan & Co. после Версальской мирной конференции в 1919 году.

Великая депрессия в США, 1930 г.

В 1930 году сельскохозяйственная депрессия в Америке достигла своего пика, усугубленная рекордной засухой и пыльными бурями, ставшими результатом десятилетий экстенсивного земледелия без севооборота. Разорились 1 345 банков, большинство из которых были небольшими сельскими

фермерскими банками. Распространение изъятия вкладов из оставшихся организаций привело к самораскручивающейся спирали закрытий одних банков, кредитных ограничений других, а также к постоянно усугубляющейся экономической депрессии, которая стала причиной еще большего количества банковских банкротств.

К 1931 году закрылись уже 2 294 банка — почти в два раза больше, чем в предыдущем году. И еще

1 453 банка захлопнули свои двери в 1932 году. На этот момент, в год президентских выборов, кризис перекинулся с отдельных кредитных организаций на целые штаты. Губернаторы штатов, начиная с Невады, стали объявлять «банковские каникулы» на своей территории в попытках остановить панику, проявляющуюся в активном снятии наличных, которая вскоре распространилась и на промышленный штат Мичиган.

Опасаясь неизбежной девальвации американского доллара по отношению к золоту (рациональный шаг, который бы простимулировал американский экспорт промышленной продукции и сдержал бы медленно возрастающую волну безработицы), иностранные центральные банки и прочие держатели долларов начали переводить свои доллары в золото. Это еще больше определило финальный кризис, укрепив решимость ФРС держать золотой паритет любой ценой, независимо от последствий для внутренней экономики.

Федеральный резервный банк Нью-Йорка повысил учетную ставку (процентную ставку коммерческих банков по кредитам ФРС) с низкого уровня в 1,5 процента в октябре 1931 года до 3,5 процента недель позже. Этот скачок более чем в два раза увеличил затраты на выплату процентов, но был сделан для того, чтобы отреагировать на «потерю золота и валютные требования» в соответствии с правилами преобладающего золотого стандарта.

Повышение ставок убило последние шансы на восстановление внутренней американской банков-

ской системы и еще сильнее усугубило внутренний кризис, который, в свою очередь, подпитывал бегство вкладчиков из банков. В период с августа по ноябрь денежная масса США, в том числе циркулирующая валюта и банковские вклады, сократилась на 8 процентов — беспрецедентный случай в короткой истории Федеральной резервной системы. Одновременно золотые запасы ФРС, которые теоретически должны были возрасти после повышения процентных ставок, упали на тревожные 11 процентов.

Между крахом фондового рынка в октябре 1929 года и концом 1932 года, всего за три месяца до инаугурации Франклина Делано Рузвельта в марте 1933 года, национальное богатство Америки испарялось с невообразимой ранее скоростью. ВВП упал с 88 миллиардов долларов почти в два лишним раза — до 42 миллиардов долларов к концу 1932 года¹.

Среди неразберихи вокруг крушения нью-йоркского фондового рынка в 1929-1933 годах и разорения тысяч небольших региональных банков по всей Америке в высшем эшелоне нью-йоркской банковской элиты шла титаническая борьба за власть, за то, кто же выйдет из этого кризиса сильнейшим.

Впервые в истории США (за исключением периода Гражданской войны 1861-1865 годов) на американском рынке капитала преобладал государственный долг правительства США. В 1930 году, через несколько недель после обвала нью-йоркского фондового рынка в октябре 1929 года, государственный долг США стоял на уровне чуть более 16 миллиардов долларов, или всего 22 процента от ВВП. К концу

Второй мировой войны, в январе 1946 года, государственный долг составлял 278 миллиардов долларов, или 170 процентов от ВВП. Это означает, что номинальный долг федерального правительства всего за 16 лет вырос более чем на 1700 процентов².

Банковский бизнес США резко сместился от финансирования рынка ценных бумаг с частичной оплатой в кредит и международных займов к финансированию нарастающего огромного долга федерального правительства. Банки стали, по сути, трейдерами государственных облигаций, а не коммерческими кредиторами бизнеса. Фондовый рынок не обновит свои максимумы 1929 года еще почти 40 лет.

Долгосрочным последствием политики эпохи Рузвельта стало резкое ослабление могущества международного частного банковского дела, особенно инвестиционного, которым занимались J.P. Morgan, Kuhn, Loeb & Co, «Диллон Рид» и другие. Их способность извлекать обильные прибыли из страхования облигаций в Европе или Латинской Америке рухнула в сентябре 1931 года, когда Великобритания вышла из золотого обменного стандарта.

При отсутствии золотого стандарта в качестве психологической поддержки для возможного риска, присущего крупным международным кредитам, банки были вынуждены внимательно рассматривать реальные кредитные риски своих заемщиков. И они ужаснулись увиденному. В результате международное кредитование иссякло практически в одночасье. Банки, боясь неплатежей, потребовали погашения существующих кредитов. Совокупный эффект спо-

собствовал самовозобновляющемуся циклу неплатежей и дефляции во всем мире.

После этого J.P. Morgan & Co. никогда больше не смог оправиться и восстановить свое бывшее господство в нью-йоркских и международных финансах. С давних времен, когда Морган «со товарищи» были эксклюзивными банкирами Министерства финансов Великобритании во время Первой мировой войны, бизнес Дома Моргана, сцементированный в 1920-х годах близкой дружбой между протеже Моргана Бенджамином Стронгом из Федерального резервного банка Нью-Йорка и Монтегю Норманом из Банка Англии, строил свое растущее международное влияние через углубление и усиление связей с могущественным, но смертельно ослабленным лондонским Сити.

Летом 1931 года, в момент отчаянных и бесплодных попыток Банка Англии и его главы Нормана удержать Великобританию на золотом стандарте, Стронг сказал последнему, что британскому правительству стоило бы разработать пакет чрезвычайных спасательных мер совместно с J.P. Morgan & Co., финансовым агентом США при правительстве Ее Величества с 1914 года.

Британское лейбористское правительство Джеймса Рамсея Макдональда раскололось в результате нежелания большинства членов кабинета принять суровые сокращения британских пособий по безработице, потребованные J.P. Morgan & Co. в качестве предварительного условия для выдачи кредита. Морган обещал организовать синдикат нью-йоркских и других банков и собрать значительную сумму в 200

миллионов долларов, чтобы спасти фунт, а с ним и золотой стандарт³

В итоге Морган опоздал. 19 сентября 1931 правительство Макдональда объявило, что Великобритания решила полностью отказаться от золотого стандарта. С этим решением

фактически завершилась стратегическая игра Дж. Пирпонта Моргана по

включению Великобритании и лондонского Сити в нью-йоркскую финансовую империю в качестве партнеров. Отныне британское правительство

никогда больше не воспользуется услугами J.P. Morgan & Co. в качестве своего эксклюзивного правительственного финансового агента в США, роль которого Морган играл с 1914 года к своему огромному преимуществу⁴. Это означало явное падение Дома Моргана в американском истеблишменте. Акулы хорошо чуют запах крови, особенно своих конкурентов.

Второй сокрушительный удар по превосходству Дома Моргана в нью-йоркских финансах в июне 1933 года нанес Конгресс США, когда принял Закон Гласса — Стиголла (официальное название — Закон о банковской деятельности 1933 года). В качестве меры, призванной сократить будущие фондовые и финансовые спекулятивные пузыри, новый закон запретил банковским холдинговым компаниям владеть другими финансовыми компаниями, включая

Разработчики и инициаторы закона демократы Картер Гласс, сенатор от штата Вирджиния, и Генри Баском Стигалл, конгрессмен от штата Алаба

страховые и инвестиционные банки. Кроме того, он учредил Федеральную корпорацию страхования банковских вкладов для страхования банковских депозитов. Единственным крупным банком в Нью-Йорке, который призывал Конгресс принять Закон Гласса — Стиголла, был Chase Bank Рокфеллера. Глава банка Уинтроп Олдрич был сыном сенатора Нельсона Олдрича, того самого автора печально известного Плана Олдрича, который стал ядром Закона о Федеральной резервной системе 1913 года.

16 июня 1933 года президент Франклин Делано Рузвельт подписал Закон о банковской деятельности 1933 года (Закон Гласса — Стиголла), который страховал банковские депозиты и разделил брокерскую, страховую и собственно коммерческую банковскую деятельность, чтобы избежать чрезмерной концентрации финансовой власти.

Уинтроп Олдрич усиленно лоббировал в Конгрессе Закон Гласса — Стиголла, несмотря на сильную оппозицию со стороны Моргана и других нью-йоркских банкиров. В отличие от J.P. Morgan & Co., Chase Bank стал крупнейшим в мире депозитным банком в основном за счет расширения традиционных кредитов ряду компаний Рокфеллера, таких как Standard Oil. Chase Bank менее, чем J.P. Morgan & Co., зависел от гарантирования международных облигаций или спекуляций на покупке и продаже акций⁵.

Рокфеллеры удачно воткнули нож в спину своих конкурентов из круга Моргана, как только те ослабли. Chase Bank вышел чистым из скандала после расследования Банковским комитетом Сената банковских

нарушений и был явно принят как «друг» Нового курса, что было редкостью в среде Уолл-стрит, где Франклина Рузвельта презрительно называли предателем своего класса из-за его словесных нападок на Уолл-стрит за алчность, коррупцию и прозвище «экономические роялисты». Традиционные консервативные банкиры Уолл-стрит рассматривали антикризисные меры Рузвельта, такие как Национальная администрация восстановления, как гигантский шаг к большевизму⁶.

Закон Гласса — Стиголла, который был принят на фоне национальной банковской паники в первые дни администрации Рузвельта, нанес сокрушительный удар по некогда всемогущему Дому Моргана, удар, от которого тот никогда полностью не оправился⁷. На пепелище Дома Моргана возникла фракция Рокфеллера, чтобы вознестись к самым вершинам власти в истеблишменте США.

КРИЗИС ЗОЛОТА И УДЕШЕВЛЕНИЕ ДОЛЛАРА

К январю 1934 года недостатки разработанного американцами золотого стандарта окончательно подорвали общественное доверие к банковской сфере. Одновременно правительство открыто публиковало сведения, какие банки на территории США, по его мнению, находятся в опасности и нуждаются в правительственной помощи, тем самым разжигая новое паническое бегство депозитов из тысяч небольших и плохо капитализированных банков.

Через два дня после своей инаугурации в качестве президента 6 марта 1933 года Рузвельт объявил о че-

тырех днях национальных банковских каникул. Основная цель — воспрепятствовать скупке или экспорту золота или серебра⁸. Все банки в США были закрыты. Ни положить, ни снять деньги было невозможно, а федеральные аудиторы были направлены проверить счета всех банков перед выдачей свидетельства о том, какие из них способны выполнять финансовые обязательства, а какие подлежат закрытию.

Президент продемонстрировал свое презрение к официальной правовой процедуре и просто сослался на не связанный с ситуацией Закон о торговле с врагом 1917 года, в качестве правовой основы. Предполагалось, что в настоящее время этим «врагом» являлись иностранные держатели поддерживаемых золотом долларов США.

19 марта 1933 года президент Рузвельт закрыл все банки собственным распоряжением и изменил курс доллара к золоту.

В течение трех дней Конгресс принял Чрезвычайный закон о банках, который одобрил действия президента и дал ему карт-бланш на дальнейшие шаги. 5 апреля 1933 года Рузвельт подписал распоряжение, которым объявил незаконным для американских граждан владеть золотыми монетами, слитками

или золотыми сертификатами или держать их⁹. Нарушение каралось штрафом в 10 тысяч долларов или 10 годами тюремного заключения, что сделало владение золотом уголовным преступлением.

Федеральное правительство таким образом конфисковало золото у собственных граждан. Поскольку золото повсеместно рассматривалось как окончательное средство сбережения, это была массовая принудительная конфискация государством частного благосостояния своих граждан взамен простых бумажных обещаний совершить оплату в будущем. Граждане были бессильны что-либо сделать, они могли лишь надеяться на лучшие времена на фоне усугубления депрессии. Мало кто понимал, как работает золото. Благодаря конфискации золотых запасов населения правительство США не только пополняло свой золотой резерв за счет собственных граждан, но и лишало их какого-либо шанса прибегнуть к золоту для личного долгосрочного сбережения в разгар худшей экономической депрессии в стране.

Одновременно правительство остановило конвертацию долларов в золото. 5 июня 1933 года Конгресс официально отказался от золотого стандарта и объявил об аннулировании традиционных контрактов с «золотой оговоркой», в соответствии с которой кредитор, иностранный или отечественный, мог потребовать погашения суммы в любой валюте или в золоте. Около 100 миллиардов долларов таких контрактов, ошеломительная сумма, остались невыплаченными в каждой сфере — от недвижимости до полисов страхования жизни и железнодорожных облигаций. «Золотая оговорка» служила страховкой от инфляции и гарантией возврата денег¹⁰.

Теперь все изменилось. Кредитор больше не мог требовать погашения частных долгов в золотых мо-

нетах. Сенатор Томас Гор из Оклахомы, когда спросили его мнение об отмене Конгрессом «золотой оговорки», отрезал: «Разве это не простое воровство? Не так ли, господин президент?»

Лондон называл декларацию американского Министерства финансов (о том, что последнее больше не будет оплачивать свои долги золотом) несколько более дипломатично: «американский дефолт»¹¹.

БАРУХ В ВЫИГРЫШЕ, ОСТАЛЬНЫЕ ПРОИГРАЛИ

Есть те, кто вышел из финансового кризиса, получив значительную силу и финансовые ресурсы. Один из них был Бернард Барух, один из наиболее политически влиятельных персон Денежного треста. Барух вел финансовые операции и был политическим «вкладчиком» денег Уолл-стрит, желавшим таким образом влиять на Конгресс, а также советником президентов Вильсона, Гувера и Рузвельта и даже премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля. Его успех на Уолл-стрит был связан с железнодорожным миллионером Эдвардом Харриманом, а также с Рокфеллерами¹².

Бернард Барух и Франклин Делано Рузвельт.

ном, а также с Рокфеллерами¹².

Барух сделал свое состояние до и во время Первой мировой войны как биржевой агент американской медного треста, возглавляемого семьей Гуггенхайма.

В 1916 году, до вступления США в войну, президент Вильсон назначил Баруха главой Консультативной комиссии Совета национальной обороны, который позже стал Советом военной промышленности. Тем самым Барух стал де-факто «военным царем» промышленности США на весь военный период. На этом посту, как позже задокументировало расследование Конгресса, Барух объединил в картели основные секторы американской промышленности и помог создать огромный трест, вступивший в ценовой сговор в медной и других отраслях промышленности, создав условия для извлечения огромных прибылей из военного производства за счет правительства, то есть за счет налогоплательщиков¹³.

Барух использовал привилегированную инсайдерскую информацию в рамках занимаемой должности в Совете национальной обороны. Например, документально известно, что он дал своевременный совет своим друзьям по бизнесу в картеле производителей меди продать огромное количество металла, имевшего жизненно важное значение для военного производства, правительству США по весьма завышенной цене всего за две недели до того, как президент Вильсон объявил войну 2 апреля 1917 года¹⁴. Все это имело место в то время, когда Барух занимал должность с доступом к государственным секретам.

Барух никогда не стеснялся инсайдерской торговли и конфликта интересов. После вступления США в европейскую войну в апреле 1917 года, когда конфликт интересов Баруха был настолько очевидным и наглым, что подвергся нападкам в прессе, Барух назначил своего старого уолл-стритовского друга и делового пар-

тнера Юджина Мейера-младшего контролировать все государственные закупки меди. В то время Мейер был председателем правительства Военной финансовой корпорации. Позже Барух обеспечит своему другу Мейеру владение политически влиятельной *The Washington Post*, скорее всего, из благодарности.

На протяжении республиканского правления 1920-х годов Барух выстраивал свое влияние главным образом с помощью больших финансовых взносов влиятельным демократам в Конгрессе. В те дни он был серым кардиналом вне конкуренции и посредством своих денег и влияния контролировал голоса по меньшей мере 60 сенаторов и представителей в Конгрессе.

На момент краха Уолл-стрит Барух считался самым влиятельным демократом в Вашингтоне при Гувере, а когда Конгресс перешел под контроль демократов в начале 1930-х годов, его позиция окрепла еще больше.

После 1930 года республиканец Герберт Гувер все чаще обращался за советом к Баруху о том, какие инициативы демократический Конгресс может предпринять, чтобы противодействовать распространению экономического кризиса в стране.

Барух не скрывал, что приобрел состояние на фондовом рынке, продав все свои акции на пике цен в октябре 1929 года за несколько недель до краха, что придало его публичным заявлениям ореол дельфийского оракула в кризис в начале 1930-х годов. Но он не упоминал, что его близкий друг Уинстон Черчилль по его совету сделал то же самое. Баруху и Черчиллю, как ни странно, удалось сбросить акции на пике фондового рынка, как раз перед тем, как Банк Англии спровоцировал события, привед-

шие к краху лондонского рынка в сентябре 1929 года. В некоторых кругах особо подозрительные считали, что и Черчилль и Барух добились выгоды в результате своих инсайдерских постов.

В особо значимые дни 1931 и 1932 годов Барнард Барух ковал в Конгрессе консенсус демократов и республиканцев, который доминировал в законодательстве и политических дебатах. В начале 1930-х годов могущественный председатель сенатского Комитета по финансам и другие влиятельные законодатели бывали частыми гостями на охоте в уединенном поместье Баруха в Южной Каролине.

Барух, таким образом, в эти критические первые годы депрессии, обладал непревзойденной властью и влиянием в экономической политике Вашингтона. В ходе последующих событий то, что он сделает с этим влиянием, станет решающим.

Он призывал демократический Сенат оставить конфронтацию и не проводить курс, который может парализовать Белый дом. Вместо этого он предлагал прийти к консенсусу с республиканцами Гувера. Он говорил своим приятелям в Сенате: «Страна находится в очень взбудораженном состоянии. Сейчас нужен именно покой, и никаких перемен. Давайте не будем пытаться исправить слишком много вещей сразу»¹⁵.

Уникальное воздействие Баруха на политику Конгресса блокировало любую подлинно демократическую альтернативу катастрофической политике невмешательства Гувера в это критическое время. Подобное отсутствие инициативы или предложений от демократов

в 1930-х годах мало чем отличались от оглушительного молчания демократов в Конгрессе более 80 лет спустя на дебатах 2008 года о беспрецедентном республиканском законопроекте по спасению Уолл-стрит стоимостью 700 миллиардов долларов.

Барух утверждал, что дефляция цен на сырьевые товары миновала нижнюю отметку в октябре 1930 года: «Пришли в движение естественные лечебные силы. Я не верю, что правительство способно что-либо сделать, чтобы помочь. Каждый раз, когда вмешивается правительство, оно делает только хуже»¹⁶.

Тогда же он говорил группе академических экономистов демократической партии, что «бизнес должен пройти через выжимание и начать все сначала», словно национальная экономика была какой-то гигантской стиральной машиной. Когда один из присутствующих

возразил, что такой подход политики невмешательства правительства рискует вызвать беспорядки на улицах, Барух огрызнулся: «Всегда есть слезоточивый газ, чтобы об этом позаботиться».

Бернард Барух

Он использовал свое влияние, чтобы решительно выступать против любых предложений по государственным расходам на общественные работы для снижения

безработицы, которую он презрительно именовал «инфляцией рабочих мест». Статья на первой полосе номера The New York Times от 12 ноября 1931 года демонстрировала необоснованный оптимизм: «Барух видит национальный

подъем». Рядом с этим заголовком шла другая статья: 67 тысяч безработных выстроились в очередь в Нью-Йорке, чтобы зарегистрироваться для участия во внеплановых работах. Барух призывал к повышению налогов на прибыль, чтобы в кризис сохранить бюджет правительства «сбалансированным и здоровым», одновременно настаивая на том, что любые энергичные государственные расходы будут раздувать доллар. Но беспокоился он только о ценах на золото, а не об общественном благосостоянии.

Благодаря своему влиянию на демократический Конгресс Баруху удалось завоевать одобрение не только республиканцев Гувера, но и демократов даже в вопросе разрушительной финансовой дефляции. Это исключило любую вероятность заметной политической инициативы, пока государство все глубже вязло в экономической трясине. Накануне депрессии Бернارد Барух неумоимо пропагандировал продолжение дефляции в качестве национальной политики.

Ядро стратегии Баруха состояло в том, чтобы предотвращать любые попытки Конгресса модифицировать Федеральную резервную систему, а также настаивать на жесткой привязке (любой ценой) США к золотому стандарту даже после того, как Великобритания и 24 другие страны отказались от него в конце 1931 года. Как Барух писал своему близкому другу сенатору Джимми Бернсу: «Эта страна не может уйти от золотой основы»¹⁷.

Одновременно в течение всего периода, когда Барух призывал Конгресс и администрацию Гувера не отказываться от золотого стандарта, он был также частным бизнес-партнером заместителя министра финансов администрации Гувера Огдена Миллса-младшего на золотом руднике на Аляске. Третьим партнером был старый

дружок Баруха Юджин Мейер-младший, только что назначенный президентом Гувером в правление ФРС¹⁸.

К февралю 1932 года, в разгар предвыборной гонки, золотые запасы США упали до опасного минимума. В результате вывоза за границу, а также оседания у населения в качестве средства сбережения на фоне обостряющегося внутреннего американского банковского кризиса из резервов утекло более миллиарда долларов монетарного золота. Федеральная резервная система получила полномочия изыскать еще 1,5 миллиарда долларов золотых резервов. Количество «свободного золота» ФРС на тот момент упало до 433 миллионов и сокращалось со скоростью 150 миллионов долларов в неделю. Барух удвоил свои публичные и private призывы поддерживать привязку к золотому стандарту любой ценой.

Гувер решительно подтвердил, что в будущем не будет вмешиваться в автоматическую работу золотого стандарта. Золото продолжало покидать хранилища ФРС, а банковские банкротства возрастали.

В мае 1932 года редакционная статья в Philadelphia Records выразила растущую в стране тревогу: «В течение трех месяцев США должны приостановить выплаты в золоте. Если правительство продолжит ждать, когда его вынудят к этому, это повлечет за собой катастрофу. Если правительство предпримет действия прямо сейчас, оно сможет заблокировать дефляцию, положить конец депрессии, вернуть процветание... При той скорости, с которой золото покидает ФРС, Федеральные резервные банки остановят свои сделки на открытом рынке через шесть недель. Их быстро остановит истощающийся золотой запас — та золо-

тая цепь, которая ограничила любое соответствующее действие, чтобы вылечить депрессию...

Почему мы не можем бороться с этой депрессией так же, как во время боевых действий, когда в 1917 году мы объявили эмбарго на золото и уже никто не вспоминал об этом?.. Президент Гувер объявил мораторий на союзные долги, но позволяет субъектам этих стран-должников (то есть Англии и Франции. — Прим, авт.) выкачивать наше золото и ведет нас к гибели. Не находимся ли мы во власти какой-то странной навязчивой идеи, которая заставляет нас действовать иррационально, когда мы имеем дело с драгоценным металлом?»

Когда стало ясно, что на ноябрьских президентских выборах 1932 года победит демократ Франклин Рузвельт, Барух пронизательно переметнулся на его сторону, на сторону человека, против выдвижения которого выступал ранее.

В тот же период Барух в частном порядке приступил к накоплению золотых слитков в банковском сейфе в Нью-Йорке, покупая их у европейских поставщиков, а также у своей собственной Alaska Juneau Gold Mining Company. За месяц до инаугурации Рузвельта в феврале 1933 года золотая фортуна Баруха достигла впечатляющих размеров, 66 золотых слитков, и внезапно Барух перестал покупать золото. Как оказалось, кое-кто из экспертного совета только что избранного президента Рузвельта приватно сообщил Баруху о планируемой золотой политике нового президента.

5 апреля 1933 года Франклин Делано Рузвельт издал прокламацию, призывающую вернуть Министерству

финансов США все золото, находящееся в частных руках. На тот момент Барух, по слухам, был крупнейшим частным держателем золотых слитков. В том же году в безуспешном усилии возродить цены на сырьевые товары правительство Рузвельта объявило о скупке всего вновь добытого золота по цене выше рыночной. Излишне говорить, что Барух снова стал основным бенефициаром. Барух также держал своего друга Уинстона Черчилля в курсе всех этих событий.

В любом случае обмен доллара на золото продержался до 19 апреля 1933 года, когда Франклин Делано Рузвельт в одном из своих первых официальных актов после вступления в должность заявил, что США приостанавливают конвертируемость доллара по золотому стандарту.

Рузвельт возобновил золотой стандарт, подписав Закон о золотом запасе, принятый Конгрессом в январе 1934 года. Этот Закон представлял первую с 1900

Инаугурация Теодора Рузвельта, 1905 г.

года (когда президент Мак-Кинли подписал Закон о золотом стандарте) официальную девальвацию доллара против золота, зафиксировав доллар на значении 25,8 крупинки золота.

Закон о золотом запасе 1934 года прекратил внутренний выкуп долларов за золото. Новый закон национализировал все золото, приказав банкам Федеральной резервной системы передать свои поставки Министерству финансов США. В свою очередь банки получили банкноты ФРС и золотые «сертификаты»

для использования в качестве резервов под депозиты. Закон также давал президенту полномочия девальвировать золотой доллар: теперь он может «весить» не более 60 процентов от прежнего — огромная девальвация и ошеломляющие потери для иностранных кредиторов.

Рузвельт незамедлительно использовал свои полномочия в соответствии с Законом о золотом запасе и объявил 59-процентную девальвацию доллара в новом фиксированном паритете 35 долларов за унцию золота. Доллар останется на данной отметке до рокового кризиса в начале 1970-х годов. С помощью этого резкого обесценивания доллара по отношению к иностранным валютам правительство надеялось дать сильный импульс экспорту и вывести экономику из депрессии.

РОКФЕЛЛЕРЫ ВЫХОДЯТ ПОБЕДИТЕЛЯМИ

Роковым следствием ослабления позиций Дома Моргана в банковском истеблишменте стало возвышение семьи Рокфеллера и его группировки в американской экономике и политике к высотам, никогда ранее не виданным в Америке.

В течение 1920-х годов группа Рокфеллера находилась более или менее на заднем плане с точки зрения усилий группы Моргана выстроить свою глобальную долларовую державу. Рокфеллер сосредоточился на создании империи Standard Oil на Ближнем Востоке, в Латинской Америке, Европе и в других местах, а также на строительстве международной

химической и военной промышленности, предшественник военно-промышленного комплекса эпохи американской холодной войны¹⁹.

К концу 1930-х годов могущественной династией Рокфеллеров руководили четверо братьев, сыновья Джона Д. Рокфеллера-младшего: Дэвид, Нельсон, Джон Д.-третий и Лоране Рокфеллеры. Пятый брат, Уинтроп, играл относительно незначительную роль в политической деятельности этой семейной империи. Четыре брата организовывали свою, набирающую силу, фракцию в высших кругах властного истеблишмента вокруг двух банков: банка империи Standard Oil, нью-йоркского National City Bank во главе с Джеймсом Стилманом, в чей совет директоров входил Уильям Рокфеллер, брат Джона-младшего, и Chase Bank, домашнего банка Standard Oil, а к 1933 году — крупнейшего банка в мире под контролем Рокфеллеров после слияния с Equitable Trust тех же Рокфеллеров.

Хотя большинство на Уолл-стрит первоначально предавали анафеме Новый курс Рузвельта и рассматривали его, как важный шаг США в направлении экономического большевизма, братья Рокфеллеры поняли, что могут использовать кризис, депрессию и новую роль государства, как огромное преимущество в наращивании своей глобальной империи. У них не было почти никаких оснований опасаться политиков из кабинета Рузвельта. В знаменитом «мозговом тресте» президента доминировали «свои люди»: пять человек, которые руководили политическими решениями президента, но не имели официальных должностей и званий. В дополнение к Баруху там заседали А. А. Берл, банкир с Уолл-стрит (и сын архитекто-

ра Федеральной резервной системы Пола Варбурга) Джеймс Варбург, профессор Рексфорд Гай Тагуэлл и Реймонд Моли.

Важнейшим из «своих людей» в окружении президента был бывший сотрудник Рокфеллера и доверенное лицо Рузвельта Гарри Гопкинс* . Он определенно делал все, чтобы Рузвельт действовал на пользу исключительно Рокфеллерам. Гопкинс финансировался Фондом Рокфеллера более десяти лет, все то время, пока он управлял своими организованными социальными службами. Гопкинс вскоре стал «альтер эго» Франклина Делано Рузвельта, вплоть до того, что даже жил в Белом доме. В годы войны он стал вторым могущественнейшим человеком в Америке, в прессе его называли «заместитель президента».

Кроме того, Рокфеллеры имели тесные связи с другим влиятельным членом мозгового треста Рузвельта — профессором Колумбийского университета А. А. Берлом. Берл-младший состоял в близких отношениях с семьей Рокфеллеров с начала 1920-х годов как выдающийся юрист из Нью-Йорка. Позже Берл работал на интересы Рокфеллеров после войны как семейный советник по Латинской Америке и со-автор автобиографии Нельсона Рокфеллера²⁰.

В 1937 году, вскоре после переизбрания на второй срок, Рузвельт, известный тем, что не разбирался в экономике, принял точку зрения своего министра финансов Генри Моргенто, что депрессия закончилась, но большую опасность представляет потенциальная инфляция из-за слишком высоких государственных расходов.

В результате Рузвельт внезапно сократил расходы федерального бюджета и резко урезал бюджеты агентств Нового курса, таких как Администрация по обеспечению работой. Федеральная резервная система соответственно сжала денежную массу, затормозив потребительские расходы. Фондовый рынок претерпел самый серьезный в истории США крах, а два миллиона американцев были выброшены с работы. Пресса назвала это «Депрессией Рузвельта». Вскоре после второго экономического спада Рузвельт вновь попал под влияние людей, подобных А. А. Берлу, и заинтересовался стратегией группировки Рокфеллеров по выводу Америки из второй депрессии. Рокфеллеры были более чем готовы помочь²¹.

В этой атмосфере депрессии фондового рынка Рокфеллеры смогли значительно расширить свою обширную сеть взаимосвязанных промышленных и финансовых холдингов по мере того, как включали

Сыновья Джона Д. Рокфеллера-младшего - Дэвид, Нельсон, Джон Д.-третий и Лоране Рокфеллеры.

в собственную огромную промышленную империю ключевые корпоративные активы. В отличие от воздействия на большинство малых и средних промышленных предприятий, Новый курс наиболее добродушно взаимодействовал с группой Рокфеллера и большинством корпораций из списка 500 крупнейших промышленных компаний США, близких к ней, включая компании Standard Oil и группу связанных с ними химических компаний²².

Журналист-исследователь Уолтер Уинчелл сообщил в то время, что Гарри Гопкинс после назначения министром торговли косвенно признал, что обязан Рокфеллерам, предложив должность помощника министра торговли Нельсону Рокфеллеру, сыну Джона Д. Рокфеллера-младшего

Согласно The Los Angeles Herald Examiner от 7 сентября 1975 года, Гопкинс привел Нельсона Рокфеллера во внутренние круги Нового курса в 1930 году. Вскоре после назначения Рокфеллер в свои 30 лет стал близким другом Рузвельта и провел совместный отпуск с президентом в Шангри-Ла (в настоящее время называется Кэмп-Дэвид)²³.

А. А. Берл-младший стал в 1938 году помощником государственного секретаря по Латинской Америке, заняв пост, на котором он мог быть очень полезен нефтяным и другим деловым интересам Рокфеллера в Венесуэле, Бразилии и так далее.

БАРУХ, РОКФЕЛЛЕР, БОЛЬШОЙ БИЗНЕС И МУССОЛИНИ

Группа Рокфеллера на Уолл-стрит, Бернард Барух и могущественный круг крупных бизнес-лидеров того времени решили реорганизовать экономику США по централизованной корпоративной модели фашистской Италии Муссолини. Разумеется, они были достаточно политически проницательны, чтобы не говорить об этом слишком громко.

Барух и его близкий друг Жерар Свопе, директор General Electric и National City Bank, еще в 1931 году призывали президента Гувера к «стабилизации

промышленности» при помощи, как они это называли, чрезвычайной программы. Цель заключалась в освобождении крупного бизнеса от ограничений Антимонопольного закона Шермана, то есть в открытии дверей для крупной консолидации корпоративной собственности в период депрессии, когда упавшие цены на акции сделали поглощения легкими и дешевыми для, например, группы Рокфеллера, чьи карманы были забиты наличными деньгами²⁴.

Гувер, который был идеологически против вмешательства государства в экономику, отверг план Свопе и идеи Баруха. Когда стало ясно, что демократ Франклин Делано Рузвельт выдвинет свою кандидатуру против Гувера в 1932 году, Барух и его друзья с Уолл-стрит быстро втерлись во внутренний круг будущего президента, обильно подмазав этот процесс толстыми пачками наличных²⁵.

Вопреки заботливо возвращенной в средствах массовой информации пропаганде, которая изображает Франклина Делано Рузвельта как «маленького героического человека», который готов был «изгнать ростовщиков из храма», он являлся отпрыском богатой семьи с Восточного побережья, дальним родственником Теодора Рузвельта и до кончика ногтей креатурой Уолл-стрит, особенно Баруха, Рокфеллера и их группы²⁶.

Министр труда Рузвельта Фрэнсис Перкинс писал: «На первое заседание кабинета министров после инаугурации президента в 1933 году пришли финансист и советник Рузвельта Бернард Барух и друг Баруха, генерал Хью С. Джонсон, позже глава Администрации национального возрождения. Они раздали

копии книги Джентиле, теоретика итальянского фашизма, каждому члену Кабинета, и мы все читали ее с большим вниманием»²⁷.

Та же самая реорганизация индустрии под контролем государства, которой Барух и Своп безуспешно пытались добиться от Гувера в 1931 году, теперь была взята на вооружение Франклином Рузвельтом.

В мае 1933 года, в первые недели в качестве президента, Рузвельт предложил Конгрессу создать Администрацию национального возрождения (АНВ). На фоне кризиса и депрессии предложение было принято с минимальным обсуждением. Первым главой Администрации стал Хью Джонсон, сотрудник и советник Бернарда Баруха.

Концепция АНВ в значительной степени была списана с национальной чрезвычайной военной мобилизации промышленности, которую Барух и Джонсон администрировали во время Первой мировой войны. С тех самых пор крупный бизнес и Уолл-стрит мечтали о возможности еще раз получить в свои руки такую же власть над экономикой. И Великая депрессия дала им этот шанс. Джонсон стал их человеком. В кулуарах администрации Рузвельта, Джонсон открыто говорил о том, что он рассматривает итальянский фашистский корпоративизм Муссолини (слияние государственных и корпоративных интересов во имя одностороннего усиления бизнеса), как модель для Америки²⁸.

АНВ Джонсона учредила тысячи фирм в соответствии с кодексами, составленными торговыми ассоциациями и отраслями промышленности, с одо-

бренными Администрацией компаниями, которым давалось право использовать символ АНВ — синий орел.

Ведущими политиками Администрации национального возрождения была тройка чрезвычайно могущественных индустриальных магнатов: Уолтер Тигл, президент Standard Oil Рокфеллера в Нью-Джерси; Жерар Свон, автор раннего плана Свонпа, а также президент General Electric, и Луис Кирштайн, вице-президент «Filene's sons and Co.» (универмаги в Бостоне)²⁹.

Здание Filene's, в котором находился универмаг Filene's sons, Бостон, 1912 г.

внутренней и внешней политике США в течение депрессии и президентства Рузвельта.

В 1930 году, когда большинство банков боролись за выживание, Chase National Bank Рокфеллера процветал. Главой банка в это время был Уинтроп Ол-

Группа Рокфеллера, действуя через Тигла, смогла использовать свое влияние на АНВ Джонсона, чтобы повторно собрать в одних руках 33 независимых компании, которые до 1911 года входили в Standard Oil Trust и были выделены из нее по решению Верховного Суда в соответствии с Антимонопольным законом Шермана³⁰. Это был лишь один из серии шагов фракции Рокфеллера по укреплению своей решающей роли во

дрилч, зять Джона Д. Рокфеллера-младшего и сын сенатора Нельсона Олдрича, который принимал участие в тайном заседании Федеральной резервной системы на острове Джекилл в 1910 году. Одним из самых значительных приобретений Chase Bank в течение первых месяцев финансового кризиса в 1930 году стала Equitable Trust Company в Нью-Йорке, крупнейшим акционером которой был Джон Д. Рокфеллер-младший. Это сделало Chase Bank крупнейшим банком в Америке, а на самом деле и во всем мире³¹.

В результате своего доминирующего положения, последовавшего за падением Дома Моргана, группа Рокфеллера в дополнение к управлению Chase Bank и National City Bank в Нью-Йорке контролировала крупнейшие американские нефтяные компании — Standard Oil of New-York (Mobil), Standard Oil of New-Jersey (ECCO /Exxon), Standard Oil of California (Chevron) и Texaco (Texas Company).

Группа Рокфеллера также консолидировала управляющий контроль над основной химической и оборонной промышленностью, в том числе Allied chemical Corporation, Anaconda Copper Mining Company, DuPont, Monsanto Chemical, Olin Industries (Winchester Repeating Arms Company), Shell, Gulf Oil, Union Oil, Dou Chemicals, Celanese Corporation, Pittsburgh Plate Glass Company, «City's Service», Continental Oil, Union Carbide, American Cyanamid, American Motors, Bendix Electric и Chrysler³². Рокфеллеры приобрели крупные блокирующие пакеты акций в General Motors, General Electric и IBM, тогда молодой компании.

К концу 1930-х годов промышленные холдинги и банки группы Рокфеллера обладали уникальным по-

ложением, которое позволит им пожинать огромные прибыли от любой будущей войны. Им не пришлось долго ждать.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Studenski P. and Krooss H. E. Financial History of the United States. McGraw-Hill Book Co., New York, 1963. P. 353.
- 2 Hansen M. H. Statistical Abstract of the United States, 1946. Washington, D.C., US Department of Commerce, US Government Printing Office. P. 355.
- 3 Burk K. Finance, Foreign Policy and the Anglo-American Bank: The House of Morgan, 1900-31 // Historical Research, June 1988. Vol. LXI, No.145. P. 208-210.
- 4 Ibid. P. 209-210.
- 5 Collier P. and Horowitz D. The Rockefellers: An American Dynasty. Holt, Rinehart and Winston, New York, 1976. P. 160-161.
- 6 Ibid. P. 161-162.
- 7 Burk K. Op. cit. P. 210.
- 8 United States Department of the Treasury. History of the Treasury: Chronology of Events 1900 through 2003 // www.ustreas.gov/education/history/events/1900-present.shtml.
- 9 Ibid.
- 10 Grant J. Money of the Mind. Farrar, Straus and Geroux, New York, 1994. P. 227-230.
- 11 Ibid. P. 230.
- 12 Baruch B. M. My Own Story. Henry Holt and Co., New York, 1957. P. 138-39. Барух упоминал, что «наша фирма сделала крупный бизнес для г-на Харримана».
- 13 Schwarz J. A. The Speculator: Bernard M. Baruch in Washington, 1917-1965. University of North Carolina Press, Chapel Hill, 1981. Passim.
- 14 Ibid. P. 271.
- 15 Ibid. P. 270-276.
- 16 Ibid. P. 271.
- 17 Ibid. P. 270-276.
- 18 Ibid. P. 296.
- 19 Энгдаль Ф. У. Столетие войны: англо-американская нефтяная политика и Новый мировой порядок. СПб, 2008. Глава 5.
- 20 Colby G. and Dennett Ch. Thy Will Be Done: The Conquest of the Amazon—Nelson Rockefeller and Evangelism in the Age of Oil HarperCollins, New York, 1995. P. 89.
- 21 Ibid. P. 88-89.
- 22 Sutton An. C. Roosevelt und die internationale Hochfinanz Grabert-Verlag, Tuebingen, 1990. P. 149-150.
- 23 The New York Times, May 20, 1960.
- 24 Sutton An. C. Op. cit. P. 149-154.
- 25 Ibid. P. 142.
- 26 Ibid. P. 142-145.

27 Perkins Fr. *The Roosevelt I Knew*. Viking Press, New York, 1946. P. 206., cited in Sutton An. C. Op. cit. P. 199.

28 Payne St. G. *A History of Fascism, 1914-1945*. University of Wisconsin Press, Madison, 1995. P. 230, footnote 65.

29 Sutton An. C. Op. cit. P. 153.

30 Ibid. P.167.

31 Rockefeller D. *Memoirs*. Random House, New York, 2002. P. 124-25.

32 Allen G. *The Rockefeller File / Chapter Three* // www.mega.nu:8080/ampp/gary_allen_rocker/ch1-4.html#ch3.

СОЗДАНИЕ БРЕТТОН-ВУДСКОЙ ДОЛЛАРОВОЙ СИСТЕМЫ

Мы, дорогой Гроссман, греки в этой американской империи. Мы видим в американцах те же черты, что греки видели в римлянах: огромные, вульгарные, шумные, беспокойные, гораздо более энергичные и решительные, чем мы, и при этом более праздные, имеющие гораздо больше все еще сохранившихся.

Гарольд Макмиллан, военный советник Черчилля, комментарии по вопросу послевоенных англо-американских взаимоотношений¹.

АМЕРИКАНСКИЙ ДОЛЛАРОВЫЙ СТАНДАРТ

Как только в сентябре 1939 года разразилась европейская война, начавшаяся с раздела Польши между Гитлером и Сталиным, в США хлынуло европейское золото. В 1935 году официальные золотые резервы США оценивались в 9 миллиардов долларов. К 1940 году, когда в Европе развернулась полномасштабная война, американские резервы взлетели до 20 миллиардов. Поскольку европейские страны отчаянно нуждались в важнейших товарах военного назначения, их золото уходило на финансирование войны.

Международная конференция в Бреттон-Вудсе, 1944 г.

К июню 1944 года, когда была собрана международная конференция в Бреттон-Вудсе, США единолично контролировали 70 процентов мирового монетарного золота, имея серьезное преимущество перед другими странами². В

эти 70 процентов не входило золото, захваченное в качестве военного трофея у побежденных стран Оси — Германии и Японии. Точные данные относительно этого золота погребены под горой легенд, слухов и дезинформации.

К 1945 году ФРС США контролировала значительную часть всего мирового золота. Крупнейшие игроки Уолл-стрит готовились в полной мере использовать свое преимущество для создания Американского века. В послевоенной системе отношений, выстроенной Вашингтоном и банками Уолл-стрит, американ-

ский доллар должен был стать механизмом контроля над всеми деньгами и всеми кредитами в мире.

В начале 1941 года, рассчитав, что немецкий поход против Советского Союза уничтожит Германию, политики США приступили к закладыванию основы послевоенной экономической гегемонии. И в течение первых двадцати послевоенных лет они весьма эффективно удерживали данную гегемонию. Ключевым звеном стратегии выстраивания доминирования стало Бреттон-Вудское соглашение — распространение на весь мир американской версии «свободной торговли», а также доллара США как единственной общемировой валюты.

Вторая мировая война нанесла большой урон инфраструктуре, промышленности и населению евразийского континента. Единственной промышленной страной, не затронутой последствиями войны и на самом деле значительно усилившейся в экономическом плане, оказались Соединенные Штаты. Будучи крупнейшей промышленной державой, на территории которой не велось никаких военных действий, США готовились воспользоваться этим благоприятным шансом, получив экономический выигрыш от режима свободных рынков и ничем не ограниченной торговли по всему миру.

Промышленный сектор США получил возможность экспорта товаров на мировой рынок и одновременно доступ к рынкам ресурсов бывших колоний Британии, Франции и других стран. Неудивительно, что «свободная торговля» превратилась в религиозную догму Вашингтона.

«Свободная торговля» подразумевала снижение таможенных тарифов и устранение национальных барьеров, препятствовавших перемещению товаров на мировом рынке, особенно экспорту из США, а также устранение барьеров при вывозе дешевых ресурсов из Азии и Африки.

Как отлично понимало британское правительство, «свободная торговля» и «равные возможности» — это просто лозунги сильнейшей и наиболее развитой экономики, пытающейся получить доступ к рынкам развивающихся экономик. Всего за столетие до этого, в 1846 году, после отмены Хлебных законов, Британия имела похожее положение в мире и могла требовать открытия границ согласно британской версии «свободной торговли». В 1945 году она оказалась в противоположной ситуации. «Свободная торговля» Вашингтона означала полное разрушение почти всех остатков британской промышленности.

Странам Европы, экономики которых опустошила шестилетняя война, не оставалось ничего другого, как согласиться с американской версией послевоенного управления миром. Даже Великобритания, которая вела себя с США за столом переговоров как равная, была вынуждена подчиниться унижительным требованиям.

Окончательное соглашение о Новом мировом порядке в вопросах денежных отношений и торговли было заключено через несколько месяцев ожесточенных споров, особенно между представителями США и Британии. Представители США во главе с представителем Министерства финансов США Гар-

ри Декстером Уайтом добились утверждения новой системы золотого стандарта, отличавшейся от всех предыдущих.

Британский золотой стандарт XIX века и даже нью-йоркский золотой стандарт 1919-1931 годов предполагали, что каждая страна обеспечивает свою валюту определенным количеством монетарного золота. Если у страны возникал дисбаланс во внешней торговле, в теории он автоматически корректировался золотым стандартом, так как страна теряла или приобретала золото в зависимости от результатов торговли. Согласно же новым правилам Бреттон-Вуда, Вашингтон навязал систему с единственной валютой, обеспеченной золотом, — долларом США. Все остальные валюты должны были иметь фиксированный обменный курс к доллару.

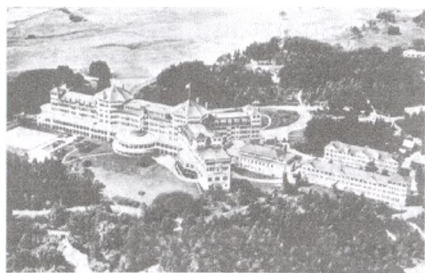
Это был переворот и для США, и для Уолл-стрит. После 1945 года доллар становится резервной валютой всего мира, необходимой для торговли между любыми странами. Согласно Бреттон-Вудскому золотому стандарту, не золото, а именно доллар США становился «мировой валютой», или, точнее, единственной мировой валютой. И в то же время, как уже отмечалось, Министерство финансов США имело право неограниченной печати этого доллара, чем оно, собственно, немедленно и занялось.

Поскольку доллар стал общемировой резервной валютой, мир был вынужден принимать как средство платежа даже такой инфлирующий доллар. Ни у одной другой страны не было столь громадного экономического преимущества.

СУДЬБОНОСНЫЙ ДОГОВОР БРЕТТОН-ВУДСА

Окончательный вариант договора был подписан представителями 29 стран в декабре 1945 года в отеле «Маунт Вашингтон» в Бреттон-Вуде, штат Нью-Гэмпшир. Это был знаменательный момент для членов группы «Изучение войны и мира». Их мечта о создании послевоенной экономической империи успешно воплотилась в жизнь. Проект группы — Международный валютный фонд — отныне получил шанс поставить под контроль доллара почти весь мир.

Американская гегемония в мировых финансах и торговле стояла в центре всего Бреттон-Вудского соглашения. Важнейшие условия этого соглашения уже были «выбиты» из стран-участниц в личных дву-

США, штат Нью-Хемпшир, Бреттон-Вудс, отель Маунт-Вашингтон.

сторонних переговорах в 1943 году между советником Министерства финансов Великобритании лордом Кейнсом и помощником министра финансов США Генри Моргенто Гарри Декстером Уайтом³.

Бреттон-Вудские обсуждения, начавшиеся в июне 1944 года, ставили своей первой задачей создание Организации Объединенных Наций (ООН), которая должна была заменить Лигу Наций, возглавляемую Британией. ООН, в отличие от Лиги Наций, должна была стать сферой влияния США, функционирующей согласно идеям, разработанным группой «Изучение войны и мира» для расширения

американского влияния в послевоенном мире⁴. Братья Рокфеллеры, оплатившие работу этой группы, даже пожертвовали участок земли для штаб-квартиры ООН на Манхэттене. Последовавший за этим взлет цен на прилегающие территории (начавшийся, как только иностранные посольства стали возникать на Манхэттене) сторицей вернул все расходы на «щедрый» поступок.

Одной из причин, по которой в Бреттон-Вудском соглашении преобладал американский, а не британский вариант, которой пропагандировал Джон Мейнард Кейнс, был тот простой факт, что США оказались сильнейшей державой, способной при необходимости принудить любые страны согласиться на свои условия. В то время первые лица Банка Англии описывали суть соглашения следующим образом: «Это сильнейший удар по Британии, если не считать войну⁵». Данное высказывание отражает огромный сдвиг в первенстве по контролю над финансами от Великобритании к США.

Банк Англии и члены Круглого стола, такие как Аео Амери и старый друг Черчилля лорд Бивербрук, совершенно обоснованно полагали, что учреждение Международного валютного фонда, целью которого было создание единственной международной валюты — доллара США, приведет к изменениям, в результате которых центральная роль лондонского Сити просто исчезнет, а вместе с ней исчезнет и зона стерлинга, и система имперских предпочтений⁶.

Но чтобы при голосовании гарантировать неизменность американского варианта соглаше-

ния, Вашингтону срочно требовалась поддержка стран Латинской Америки. И здесь ключевую роль сыграл Нельсон Рокфеллер — координатор по разведывательным операциям в Латинской Америке, назначенный Рузвельтом. Именно он обеспечивал манипуляции при голосовании, а также длительное и долгосрочное влияние США в Латинской Америке.

НЕЛЬСОН ПОКУПАЕТ ГОЛОСА В ООН

Ялтинское соглашение, подписанное США, Великобританией и СССР в 1945 году, предусматривало, что только те страны, которые официально объявляли войну Германии, могут быть участниками ООН. Статус члена ООН предполагал, что страна будет иметь больший вес на переговорах и в торговле привилегиями. Особенно манил доступ к быстрорастущему внутреннему рынку США — цель, к которой стремились многие страны Латинской Америки.

Чтобы гарантировать достаточное количество подконтрольных США голосов в ООН, Нельсон Рокфеллер лично занимался «обработкой» стран. Чтобы организовать поддержку плана США, требовалось набрать 14 голосов Панамериканского союза, семь из которых формально соблюдали нейтралитет в течение войны.

Как только Рокфеллер был назначен помощником госсекретаря США в Латинской Америке, он сразу же направил этим странам ультиматум: если они не объявят войну Германии, то не получают ни членства в ООН, ни доли в будущей послевоенной торгов-

ле. Как уже было сказано выше, необходимым условием вступления в ООН было формальное объявление войны.

Из всех стран Латинской Америки только Аргентина сохранила нейтралитет, но ее голос был необходим, чтобы иметь перевес против британцев. И Рокфеллер убедил тогда уже больного Рузвельта разрешить пригласить Аргентину в качестве члена — основателя ООН, хотя это и нарушало условия достигнутого соглашения. Сам факт объявления войны Германии в тот момент с военной точки зрения уже не имел никакого смысла, исход войны был предрешен.

Это была ловкая операция по сбору голосов в противовес британцам, которые, в свою очередь, использовали поддержку стран британского содружества. Узнав об этом, Сталин пришел в ярость, так как он сразу понял цель этих действий, предполагая, что США собираются использовать ООН, а также МВФ и Всемирный банк для маскировки планов строительства экономической империи. И его опасения полностью подтвердились.

БРЕТТОН-ВУДСКАЯ ДОЛЛАРОВАЯ СИСТЕМА

По замыслу Бреттон-Вудская система должна строиться на трех ключевых компонентах: МВФ, чьи страны-участницы должны были выделить в этот фонд деньги на непредвиденные расходы в случае резких колебаний своих платежных балансов; Всемирного банка, или Международного банка реконструкции и развития, созданного для управления крупными госу-

дарственными проектами; и появившегося несколько позже Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), разработанного для управления «свободной торговлей» с помощью многонациональных переговоров по снижению тарифов.

Каждой стране должны были назначить квоту — сумму взноса в МВФ в валюте и золоте. Согласно своей доле в МВФ каждая страна получала пропорциональное количество голосов в Управляющем совете. Это с самого начала была игра в одни ворота: США имели подавляющее преимущество. Обладая сильной экономикой и крупными запасами золота, США получили 27 процентов всех голосов, Великобритания — 13 процентов, в то время как Франция — пять процентов. В результате МВФ сразу же стал американским инструментом управления послевоенным экономическим развитием мира⁸.

В конце концов, несмотря на сопротивление Британии, Вашингтон добился своего через голосования, правила и прочие важные аспекты новых организаций: МВФ и Всемирного банка. Отныне Министерство финансов США по факту контролировало МВФ. Вес голоса при голосовании был пропорционален вложенным деньгам, а США были сильнейшей экономикой среди 29 стран-участниц, и потому крупнейшим вкладчиком, неизбежно получавшим больше всего голосов.

Согласно Уставу МВФ, США обладали возможностью заблокировать любое решение, используя имеющееся у них число голосов. Своими голоса-

ми Вашингтон был способен полностью контролировать деятельность Исполнительного совета, направляя его общую политику согласно желаниям Министерства финансов США и Уолл-стрит. Чтобы продемонстрировать всем степень своего контроля над новыми правилами экономического взаимодействия, США разместили штаб-квартиру ООН в Вашингтоне, недалеко от здания Министерства финансов. Неудивительно, что после 1945 года Сталин отказался от вступления в МВФ.

ЗОЛОТОЙ СТАНДАРТ ЗАМЕНЯЕТСЯ НА ДОЛЛАРОВЫЙ

Лишь очень немногие из тех, кто не был крупным международным экспертом, смогли осознать, насколько умело переговорщики из США заложили в Бреттон-Вуде основу послевоенной долларовой империи. Новое соглашение изменило международную валютную систему самым благоприятным для США образом и с точки зрения этой страны стало существенным улучшением существовавшей ранее договоренности. Оно потребовало от стран-участниц привязывать обменные курсы своих валют не к золоту, а к доллару США. Мировое предложение долларов США, к большому удобству, контролировалось Вашингтоном, а точнее, Министерством финансов США и ФРС.

В 1945 году было популярно высказывание, что доллар «хорош, как золото», аналогичная фраза была в свое время в ходу по поводу британского фунта стерлингов. Всего за два десятилетия эта аксиома мировой экономической стабильности превратилась в сплошную иллюзию.

Однако в 1945 году утверждение было правдой. Европейские страны жаждали долларовых кредитов на восстановление разоренной инфраструктуры. Их валюты не были свободно конвертируемыми, а экономика лежала в руинах. Нью-Йоркский банк ФРС — частная организация, управляемая Денежным трестом, с момента создания в 1913 году, — стоял

Уолл-Стрит, 1945 год.
Страна празднует окончание Второй
Мировой Войны

в центре всей этой системы, которая теперь контролировала почти все монетарное золото в некоммунистическом мире.

Бреттон-Вудская валютная система предоставляла США очевидное и уникальное преимущество. На деле это означало, что раз основной резервной валютой стал доллар США, то остальные страны должны зафиксировать свой обменный курс и, как только будет восстановлено свободное конвертирование валют, продавать и покупать доллары, поддерживая отклонение курса в пределах процента от первоначального значения в 1945 году. Так требовали правила МВФ.

Таким образом, доллар США фактически занял место золота в обычном золотом стандарте международной финансовой системы, существовавшей до войны.

На практике это означало, что вся мировая торговля почти полностью проводилась в долларах, и это стало решающим торговым преимуществом США, поскольку они получили возможность печатать доллары в неограниченном количестве, больше не сдерживаемые имеющимся объемом драгоценного металла. Никогда за всю историю Британской империи Лондон не имел такого одностороннего финансового преимущества, какого добились Вашингтон и Уолл-стрит после 1945 года.

ДВА СТОЛПА АМЕРИКАНСКОЙ МОЩИ

Неоспоримая роль доллара США в мировой валютной системе стала одним из двух столпов американской мощи после войны. Вторым таким столпом оказалась преобладающая военная сила, достигшая таких размеров, что даже СССР не выдержал конкуренции с ней в холодной войне. Военное превосходство было ясно всем, но превосходство финансовое было далеко не столь очевидно, особенно сразу после Второй мировой войны.

Страны Западной Европы, участвовавшие во Второй мировой войне, оказались крупными должниками. Они были вынуждены финансировать свои военные расходы за счет золота, перетекавшего в хранилища на территории США, и после 1945 года этот факт оказался очень значимым для финансового усиления «лидера свободного мира». Документы о точном количестве этого золота и деталях его перемещения во время войны через центральные банки до сих пор являются тайной за семью печатями⁹.

Согласно новой валютной системе, курс национальной валюты страны к доллару США становился фиксированным. Стоимость самого доллара США определялась ценой золота — 35 долларов за унцию чистого золота, именно эта цена была установлена указом президента Рузвельта в 1934 году во время активной фазы Великой депрессии и до начала действия инфляционных эффектов военного времени. Долларовая инфляция за время войны была громадной, а фиксированная цена золота оставалась той же, что было очень выгодно для международных банков Уолл-стрит: меньшее количество долларов теперь приносило больше золота.

Ключевым отличием от предыдущего варианта золотого стандарта 1919-1934 годов было то, что теперь у США не было серьезных конкурентов в борьбе за мировое господство ни в военном, ни в политическом плане. Вашингтон и Уолл-стрит могли в прямом смысле слова диктовать свои условия. Собственно, этим они и занимались.

Хотя роль доллара, как мировой резервной валюты, давала серьезные преимущества капиталу США перед потенциальными конкурентами: британским стерлингом, немецкой маркой или французским франком, гораздо более значимым в послевоенное время стало то, что Министерство финансов США и ФРС могли выдавать в долг международным заемщикам бесконечное количество долларов вне зависимости от наличия золотого обеспечения этих долгов. Ибо теперь доллар сам по себе стал мерой обеспечения.

Ввиду уникальной роли доллара США смогли фи-

нансировать постоянно растущие заграничные военные расходы, просто печатая новые доллары, а не увеличивая золотой запас. Достать золото в мире, где за ним охотились центральные банки всех стран, было нелегко. Гораздо легче было напечатать доллары, которые Министерство финансов США могло выпускать в обращение более-менее по собственному желанию. Это же преимущество сделало доллар основой торгово-финансовых потоков и соглашений.

И когда под прикрытием идеи борьбы с распространением коммунизма правительству США приходилось принимать дефицитный бюджет для финансирования расширяющейся сети военных баз по всему миру, оплотов новой неформальной империи, оно просто выпускало государственные казначейские облигации, беря таким образом деньги в долг.

Иностранные центральные банки, обладавшие в результате торговли избытком долларов и не имевшие никаких хороших вариантов их вложения, скупали эти казначейские облигации, финансируя тем самым военную экспансию США. А так как дефицит постоянно рос, соотношение между имеющимися долларами и запасами золота стремительно менялось. Используя ключевое значение доллара, США фактически смогли частично экспортировать инфляцию в страны своих торговых партнеров через обмен обесценившимися долларами.

Все предыдущие варианты золотого стандарта жестко фиксировали цену золота в национальной валюте. Золото было основой финансовой стабильности, не фунт стерлингов, не доллар, а имен-

но золото. Обретя в 1945 году очень выгодные позиции, США смогли фактически навязать всему миру долларový стандарт. Кроме того, впервые вопрос о количестве мировой обменной валюты перестал быть вопросом ее физического наличия и стал вопросом политической воли. Как справедливо заметил один советский экономист, никакая другая страна в мире, кроме США, не имела такой роскоши¹⁰.

Первоначально МВФ и Всемирный банк играли незначительную роль в стратегии геополитического переворота, слегка измененной администрацией президента Трумэна после смерти Рузвельта в апреле 1945 года. Исходной идеей группы Боумэна «Изучение войны и мира» было предложение объединиться с СССР и другими союзниками и сделать невозможным возрождение Германии в виде сильной державы. Китай и Россия должны были стать союзниками для сдерживания Японии.

Однако Трумэн попал под влияние бывшего посла в Москве Аверелла Гарримана и министра Дина Ачесона, которые настойчиво агитировали за создание сильной оппозиции против действий Сталина в Восточной Европе. Впрочем, к тому моменту Трумэн уже сам нарушил условия соглашения в Ялте по разделу Европы между тремя странами — СССР, Британией и США.

В феврале 1945 года Рузвельт, Черчилль и Сталин встретились в Ялте, чтобы обсудить послевоенную оккупацию Германии. Среди соглашений, подписанных ими, был документ о признании участника-

ми факта освобождения Польши Красной Армией и создание нового правительства под руководством СССР.

Они договорились сместить восточные границы Польши на запад, к линии Керзона, установленной в 1919 году, и восстановить западные границы Белоруссии и Украины, входивших в состав СССР.

Ялтинская конференция, февраль 1945г.
У. Черчилль, Ф. Рузвельт, И. Сталин

Германию планировалось временно разделить на три оккупационные зоны, в качестве четвертой страны предполагалось пригласить Францию. Сталин со своей стороны пообещал, что СССР вступит в войну с Японией, как только закончится война в Ев-

ропе. В качестве обязательных условий, подписанных Рузвельтом и Черчиллем, Сталин назвал возвращение южного Сахалина и прилежащих к нему территорий СССР, превращение Панамского канала в международную зону, долгосрочную аренду Порт-Артура для военной базы СССР, право советско-китайских компаний управлять КВЖД, признание независимости Внутренней Монголии от Китая, передачу Курильских островов СССР и переход Китая под управление Маньчжурии.

За разработку этого соглашения со стороны США отвечал посол США в Москве Аверелл Гарриман, человек, инвестиционный банк которого активно уча-

ствовал в финансировании нацистского Рейха. Грандиозные планы Рузвельта по использованию ООН, как средства расширения американского «жизненного пространства», Трумэн убрал в дальний ящик, предпочитая добиваться той же цели путем двусторонних переговоров. Вместо того, чтобы сотрудничать с СССР — своим военным союзником, победившим Германию, США предпочли объединиться с Британией против СССР. Отказ от пунктов ялтинского соглашения предсказуемо означал, что Сталин, защищая то, что он полагал жизненно важными интересами СССР, отреагирует агрессивно и будет, если потребуются, защищать их с применением военной силы. Это была ловушка, расставленная Черчиллем, а позже поддержанная в Вашингтоне. И Сталин в нее попался.

В 1946 году Черчилль прилетел в Миссури, родной штат Трумэна, чтобы произнести в маленьком городке Фултон свою речь о железном занавесе, провозглашавшую, что грядет новое разделение Европы. Не позднее 1943 года Черчилль и члены британского Круглого стола пришли к мысли о том, что им необходим новый конфликт с СССР, чтобы поставить дипломатически менее опытный Вашингтон в зависимость от «посредничества» Британии в переговорах между США и СССР. В начале 1945 года, еще до капитуляции Германии, Черчилль приказал не расформировывать и не разоружать полностью, недавно взятые в плен, группы немецких войск, имея в виду возможное дальнейшее использование их против Красной Армии. Это был крайне необычный, беспрецедентный шаг. Но план был от-

вергнут генералом Эйзенхауэром и Белым домом по военным соображениям. Впоследствии выяснилось, что британцы уже успели подготовиться к следующей фазе противостояния согласно своей концепции мирового баланса сил¹¹. Вашингтон и Лондон уже тайно вонзали нож в спину своего бывшего союзника — СССР.

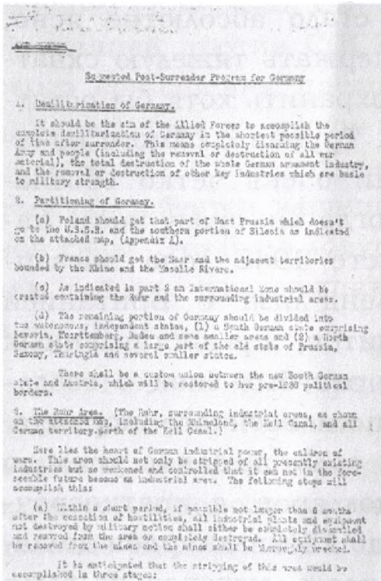
К 1945 году Черчиллю стало абсолютно ясно, что Британии придется выдержать тяжелую схватку с Вашингтоном, чтобы сохранить хотя бы остатки своей предвоенной силы. Трумэн с самого начала работы в администрации очень четко обозначил такое положение дел. Когда он, сразу после капитуляции Японии, в августе 1945 года внезапно аннулировал договор ленд-лиза с Британией и потребовал оплаты кредитов, предоставленных Британии во время войны, это был знак о создании Вашингтоном нового послевоенного порядка. К концу войны британский золотой запас упал до отметки в 1,5 миллиарда долларов, а краткосрочные обязательства выросли до 12 миллиардов долларов. Английская промышленность, которая не была связана с ВПК, лежала в руинах.

Добыча угля сократилась многократно, отключения электричества стали нормой. Миллионы возвращавшихся домой солдат, нужно было каким-то образом встроить в истерзанную гражданскую экономику.

Если бы Черчиллю удалось обманом заставить Трумэна вступить в конфронтацию с СССР, то была надежда, что Британия станет абсолютно необходи-

мой Вашингтону и, по крайней мере, сохранит остатки бывшего влияния. Во всяком случае, так думали в Лондоне¹².

Аннулирование ленд-лиза было явным враждебным шагом против Лондона, особенно если учитывать, что Трумэн одновременно сделал исключение для Китая, продлив с ним этот договор¹³. Отмена

кредитования и поставок в Британию были частью стратегии Совета по международным отношениям для удержания потенциальных соперников в борьбе за экономическую гегемонию в заведомо слабом состоянии.

А основным соперником как раз и была Великобритания, особенно ее зона стерлинга с имперскими предпочтениями для стран-участниц и доминионов в бесчисленном количестве колоний по всему миру. Архитекторы Американского века не собирались обращаться как с равными ни с кем, даже со своим давним союзником Великобританией.

Программа для Германии после её капитуляции

Рузвельт и Рокфеллеры готовили Вторую мировую войну вовсе не для того, чтобы спасти Британскую империю, а как раз наоборот. Рузвельт и Трумэн оба отчетливо понимали, что Британию придется поставить на колени прежде, чем она

согласится стать младшим партнером с англо-американским «особым союзом». Как писал военный посол Уинстона Черчилля Гарольд Макмиллан члену социал-демократической партии Ричарду Гроссману: «Мы, дорогой Гроссман, греки в этой американской империи. Мы видим в американцах те же черты, что греки видели в римлянах: огромные, вульгарные, шумные, беспокойные, гораздо более энергичные и решительные, чем мы, и при этом более праздные, имеющие гораздо больше все еще сохранившихся достоинств, но в то же время гораздо более коррумпированные. Мы вынуждены участвовать в союзных силах примерно так же, как греческие рабы участвовали в походах императора Клавдия»¹⁴.

Апрельская речь Черчилля в Фултоне обозначила поворотную точку в меняющейся политике конфронтации со Сталиным и Советским Союзом. Послевоенный англо-американский «особый союз» изначально не был союзом равных, вне зависимости от того, насколько сильно этого желали в Лондоне. Но, как полагали в Британии, они, по крайней мере, продолжали бороться за лидерство, пусть даже теперь в качестве пешки в американской игре.

5 марта 1946 года речь Черчилля в Фултоне

Эта американская «игра» готовилась использовать свою военную и экономическую силу, чтобы построить новую экономическую империю, используя в

качестве новой глобальной угрозы, заменившей армии Гитлера, сфабрикованную угрозу распространения советского коммунизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Macmillan H., quoted in Hitchens Ch. *Blood, Class and Nostalgia: Anglo-American Ironies*. Farrar, Straus & Giroux, New York, 1990. P. 23.

2 Cagan Ph. *Determinants of Change in the Stock of Money: 1875-1960*. Columbia University Press, New York, 1965. P. 341.

3 В любопытном примечании к истории Бреттон-Вудской системы после 1991 года, после раскрытия тайных советских архивов, было подтверждено, что Уайт, как подозревали позже в кругах американской разведки, действительно был членом советской шпионской сети в рамках правительства США. Реагируя на сообщения о его возможной роли советского шпиона, Трумэн отменил его назначение первым генеральным директором нового Международного валютного фонда без объяснения причин. Уайт сыграл свою роль в разработке пресловутого плана Моргенто для деиндустриализации послевоенной Германии, который по смыслу был больше советским, чем защищающим интересы США, хотя страстный германофоб Рузвельт сердечно поддерживал эту идею вплоть до самой своей смерти. Этот план, в соответствии с военной Директивой Объединенного комитета начальников штабов 1067, должен был позволить западным оккупационным властям и СССР расчлнить немецкие промышленные предприятия и превратить страну в «пасторального» поставщика продовольствия. В марте 1945 года, всего за несколько дней до своей смерти, Рузвельт был обеспокоен, что Объединенный комитет начальников штабов не работоспособен, тем не менее он был готов к ликвидации 25 миллионов немцев. Он заявил: «Пусть ходят в столовые для бедных! Пусть их экономика тонет!» На вопрос, хочет ли он, чтобы немецкий народ вымер с голоду, он ответил: «Почему нет?» Рузвельт также, по слухам, сказал Моргенто: «Мы должны быть жесткими с немцами, и я имею в виду немецкий народ, а не только нацистов. Мы или должны кастрировать немцев, или вы должны обращаться с ними в такой манере, таким образом, что они не смогут просто продолжить воспроизводить людей, которые хотят продолжить идти тем путем, которым они шли в прошлом». 10 мая 1945 года, сразу после смерти Рузвельта, Трумэн подписал Директиву 1067. Она оставалась в силе в течение двух жестоких лет, несмотря на решительный протест Черчилля и других. See Beschloss M. R. *The Conquerors: Roosevelt, Truman and the Destruction of Hitler's Germany, 1941-1945*. P. 196 for the FDR quote. For the details of Harry Dexter White's KGB activities as revealed in declassified Soviet archives after the end of the Cold War see Weinstein A. & Vassiliev A. *The Haunted Wood*. Random House, New York, 1999. P. 90.

4 Smith N. *American Empire: Roosevelt's Geographer and the Prelude to Globalization*. University of California Press, Berkeley, 2003. P. xii.

5 Rachman G. *The Bretton Woods Sequel will Flop* // London Financial Times, November 10, 2008.

6 Kirby M.W. Op. cit. P. 91-92.

7 Collier P. & Horowitz D. The Rockefellers: An American Dynasty. Holt Rinehart & Winston, New York, 1976. P. 234-235.

8 Argy V. The Postwar International Monetary Crisis. George Allen & Unwin, London, 1981. P. 24.

9 Stadnichenko A. Monetary Crisis of Capitalism. Progress Publishers, Moscow: 1975. P. 88-101.

10 Ibid. P. 100-103.

11 Harbutt Fr. J. The Iron Curtain: Churchill, America and the Origins of the Cold War. Oxford University Press, Oxford, 1986. P. 101-149.

12 Clarke R. Anglo-American Economic Collaboration 1942-1949. Clarendon Press, Oxford, 1982. P. 21-26.

13 Gardner R. N. Sterling-Dollar Diplomacy. Clarendon Press, Oxford, 1956. P. 184-186.

14 Macmillan H. Op. cit..

РОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Быстрейшее наращивание политической, экономической и военной силы... является единственным курсом, который совместим с прогрессом в достижении нашей фундаментальной цели. Расстройство кремлевской схемы требует, чтобы свободный мир развивал успешно функционирующую политическую и экономическую систему и энергичное политическое наступление на СССР. Это в свою очередь требует соответствующего военного щита, под которым они могут развиваться.

Пол Нитце, основной автор «СНБ-68»¹

ПЛАН МАРШАЛЛА: РАССВЕТ АМЕРИКАНСКОГО ВЕКА

К 1947 году Вашингтон был готов завести Западную Европу в свое экономическое стойло и изолировать Советы. В качестве средства воплощения новой стратегии он предложил двусторонний американский План Маршалла для реконструкции Европы.

Джордж Кеннан,
американский дипломат и политолог

Большинству могущественных фигур в американской промышленности, нью-йоркском банковском деле и международной политике (большинство из них было связано с группой Рокфеллера) было вполне ясно, в чем заключалась послевоенная программа.

В 1946 году Лео Уэлч, тогда финансовый директор Standard Oil, призвал Вашингтон «...сформулировать политические, военные, территориальные и экономические требования США к своему потенциальному лидерству в негерманской мировой области, включая само Соединенное Королевство, а также Западное полушарие и Дальний Восток».

Уэлч использовал в своем призыве американский деловой жаргон: «Как крупнейший источник капитала и крупнейший спонсор глобального механизма мы должны устанавливать темп и принимать на себя ответственность акционера-мажоритария в этой корпорации, известной как мир... с бессрочным мандатом. Это — постоянное обязательство»².

В 1948 году Джордж Кеннан написал конфиденциальный внутренний меморандум для Государственного департамента. Он обрисовал в общих чертах послевоенную повестку дня американского властного истеблишмента: «У нас есть около 50 процентов мирового богатства, но только 6,3 процента мирового населения... В этой ситуации мы не можем не быть объектом зависти и обиды. Нашей реальной задачей в предстоящий период является разработка модели взаимоотношений, которая позволит нам сохранить это положение диспропорции без положительного ущерба нашей национальной безопасности. Чтобы сделать это, нам придется отказаться от всякой сентиментальности и мечтательности; и наше внимание должно быть сосредоточено всюду на наших непосредственных национальных целях. Мы не должны обманывать себя, что мы сегодня можем позволить себе роскошь альтруизма и мировой благотворительности»³.

Кеннан, архитектор «политики сдерживания» периода холодной войны, выразил истинную сущность послевоенной американской политики. Кеннан был холодно честен и реалистичен относительно истинной послевоенной цели американской элиты: ею было американское мировое господство или, по крайней мере, та его часть, которую можно было захватить и удержать в 1948 году. Это и было предполагаемой «Великой областью» Совета по международным отношениям.

В июле 1947 года государственный секретарь Джордж Маршалл представил план экономической реконструкции Европы, который был разработан, чтобы укрепить доминирование американской промышленности, Большой нефти и Больших финансов

Создатели плана Маршалла, 1947 г.

в послевоенной Европе — План Маршалла, или, официально, Программу восстановления Европы.

Американские разработчики Плана Маршалла, включая Джорджа Кеннана, предложили Советскому Союзу американскую помощь для послевоенной реконструкции, но поставили Сталину ряд условий: распределять большие объемы советского сырья для Западной Европы, а также открыть социалистическую экономику капиталистическому Западу. Эти и другие неприемлемые требования предсказуемо привели к тому, что Советы отклонили помощь, предоставив США экономическое господство в Западной Европе и избавив их от необходимости как-либо претендовать на сотрудничество с СССР⁴.

Условия помощи по Плану Маршалла были спроектированы таким образом, чтобы включать массивную передачу американских промышленных товаров в Европу — практичный способ проникнуть на рынки

послевоенной Западной Европы, в известной степени невозможный перед войной. Прежде всего эта помощь включала в себя продажу нефти из запасов империи Рокфеллеров — Standard Oil. Согласно исследованию американского Сената, крупнейшие расходы стран, получающих помощь по Плану Маршалла, шли на покупку американской нефти (поставляемой компаниями Standard Oil Рокфеллера по чрезвычайно завышенным ценам), оплачиваемую в американских долларах⁵.

К концу войны американская нефтедобывающая промышленность, в которой господствовали Рокфеллеры, стала столь же интернациональной, как и британская. Ее основные ресурсы располагались в Венесуэле, на Ближнем Востоке и в прочих отдаленных местах. Большая нефть, которую называли «Пятью сестрами», включала пять гигантских компаний: «Standart Oil New Jersey («Exxon»), «Socknay Vacuum oil» («Mobil»), «Standart Oil of California» («Chevron»), «Техасо» и семейная компания Меллонов Gulf Oil. Они быстро взяли на себя решающий контроль на послевоенных нефтяных рынках Европы.

Разрушительное воздействие войны сильно повредило европейские экономические системы, зависящие от угля в качестве основного источника энергии. Германия потеряла свои восточные угольные месторождения, которые остались в советской зоне оккупации, и добыча угля на разрушенном войной Западе составляла только 40 процентов от довоенного уровня. Британская добыча угля была на 20 процентов ниже уровня 1938 года. Нефть Восточной Европы, находившаяся за тем, что Черчилль назвал железным занавесом, была недоступна. Поэтому к 1947 году по-

ловина всей нефти Западной Европы поставлялась пятью крупными американскими компаниями.

Американские нефтяные гиганты не стеснялись использовать эту замечательную монополию в своих интересах. Несмотря на расследование Конгресса и протест бюрократов среднего звена против очевидного неправильного расходования фондов Плана Маршалла, американские нефтяные гиганты вынуждали Европу платить по завышенным ценам. Нефтяные компании Рокфеллера, например, подняли цену более чем в два раза, они выписывали европейским клиентам счета, в которых цена за баррель между 1945 и 1948 годами выросла с 1,05 доллара до 2,22. Хотя нефть поставлялась с недорогих ближневосточных месторождений, где затраты на извлечение, как правило, не превышали 25 центов за баррель, грузовые тарифы вычислялись по намеренно сложной формуле, привязанной к грузовым тарифам перевозки между Карибским морем и Европой, что приводило к намного более высокой стоимости.

Даже на внутренних европейских рынках существовала поразительная разница в ценах для разных стран. Греция была вынуждена платить 8,30 доллара за тонну горючего, а Великобритания платила за то же самое только 3,95 доллара. Более того, американские компании при поддержке Вашингтона не позволяли строить местную европейскую нефтеперерабатывающую промышленность на доллары по Плану Маршалла, все туже сжимая удавку американской Большой нефти на горле послевоенной Европы⁶.

План реконструкции был запущен 12 июля 1947 года и действовал до 1953 года. В течение этого пери-

ода Вашингтон ссудил приблизительно 13 миллиардов долларов в экономических и технических инвестициях, чтобы помочь восстановлению европейских стран. Помощь выдавалась с прилагающимися к ней тяжелыми ограничениями, простирающимися даже на индустрию развлечений. Например, в обмен на американскую финансовую помощь Францию обязали выпускать в прокат американские фильмы в ущерб местной киноиндустрии. Вашингтон хорошо осознал ценность Голливуда как пропагандистского механизма, чтобы продвигать и американский образ жизни, и американскую продукцию.

План Маршалла также открыл крупным американским корпорациям дорогу к вложению капитала в индустрию Западной Европы по договорным ценам. Европейские валюты, благодаря начальным правилам МВФ по установлению паритета по отношению к доллару, сильно обесценились в долларовом выражении после 1945 года.

Первоначально средства, перечисляемые по Плану Маршалла, уходили, прежде всего, на покупку товаров народного потребления из США, таких как продовольствие и топливо, а позже — промышленных товаров для реконструкции. С начала Корейской войны в 1950 году возрастающие суммы этой помощи были потрачены на восстановление вооруженных сил Западной Европы в рамках вновь созданной Организации Североатлантического договора (НАТО), главным образом на закупки военной техники, произведенной в Америке. Американский экспорт оружия станет стратегическим приоритетом американской послевоенной экспортной политики.

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА НАТО - АМЕРИКАНСКОЕ ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО

Невероятно, но именно Греция стала площадкой для первой прямой конфронтации холодной войны, спровоцированной не Соединенными Штатами, а Великобританией. С 1946 года греческая внутренняя политика была отмечена борьбой за власть между правительством консерваторов Константиноса Цалдариса и Греческой коммунистической партией. Черчилль инициировал поддержку консерваторам, а ястреб Дин Ачесон (госсекретарь на тот момент) убедил Трумэна поддержать британцев.

Однако еще до этого, в октябре 1944 года на Московской конференции, Черчилль и Сталин договорились о послевоенном разделе Юго-Восточной Европы на соответствующие советскую и британскую сферы интересов. В соответствии с этим соглашением Советский Союз и Великобритания разработали соответствующие доли влияния, которые каждая страна будет иметь в Румынии, Болгарии, Греции, Венгрии и Югославии. Первоначально Черчилль предложил, чтобы Великобритания имела 90-процентный контроль в Греции, а СССР имел бы 90-процентное влияние в Румынии, в то время как в Венгрии и Югославии, по предложению Черчилля, каждая страна имела бы по 50 процентов.

Министры иностранных дел Энтони Иден и Вячеслав Молотов провели переговоры о процентных долях 10 и 11 октября.

Результат этих обсуждений состоял в том, что проценты советского влияния в Болгарии и Венгрии

были исправлены с 90 и 75 процентов соответственно на 80 процентов. Важнее, что кроме этого не упоминались никакие другие страны, таким образом, Греция оставалась в пределах британской сферы. Сталин сдержал свое обещание по Греции; Великобритания поддерживала греческие правительственные силы в гражданской войне, а Советский Союз не помогал коммунистам⁷.

Несмотря на этот факт советского невмешательства Ачесон убедил президента Трумэна, что срочно необходима смелая декларация поддержки «свободы» в Греции, даже притом, что Грецию в это время не считали стратегическим приоритетом для американских интересов в Европе, и что не существовало никакой советской причастности или угрозы причастности.

Гарри Трумэн, 33-й президент США (1945-1953)

Трумэн объявил свою Доктрину в обращении к американскому Конгрессу 12 марта 1947 года, в разгар гражданской войны в Греции. Он заявил: «Я полагаю, что политикой Соединенных Штатов должна стать поддержка свободных народов, которые сопротивляются попыткам подчинить их руками вооруженных меньшинств или с помощью внешнего давления».

Термин «внешнее давление» не разъяснялся.

Трумэн настаивал, что если Греция и Турция не получат помощь, в которой нуждаются, то неизбежно перейдут на сторону ведомого Советами коммунизма с последствиями для всего региона. Тот же аргумент будет повторен двадцать лет спустя во Вьетнаме, когда это назовут «цепной реакцией», предсказывая страшные последствия, которые так никогда и не произошли ни в Греции, ни во Вьетнаме...

Удивительно, но Трумэна поддержал бывший в то время сенатором Артур Ванденберг, влиятельный глава Сенатской комиссии по иностранным делам и ранее лидер сенатской фракции изоляционистов. Ванденберг «по настоянию Соединенного Королевства» в марте 1947 года, убедил управляемый республиканцами Конгресс, поддержать Доктрину Трумэна. Британская разведка тайно «уговорила» Ванденберга поддержать затею, а ведь он традиционно являлся одним из самых горячих и влиятельных противников Великобритании в Конгрессе⁸.

Таким образом, менее чем через год после знаменитой Фултонской речи о железном занавесе в Миссури, Черчилль успешно втянул Трумэна в свою стратегию холодной войны против Советского Союза. Совет по международным отношениям годами призывал к той же самой политике, но по совсем другим причинам, а именно ради установления собственного американского жизненного пространства в Европе, как только стало ясно, что Сталин не откроет Россию для экономического проникновения американцев.

Доктрина Трумэна, которая успешно послужила Вашингтонской программе по созданию жизненного

пространства, была призвана вытеснить Британскую империю в качестве экономического и военного гаранта Греции и Турции и занять ее место. Это была радикальная переориентация американской внешней политики. Как отметил один историк: «Впервые в своей истории Соединенные Штаты захотели вмешиваться в дела людей за пределами Северной и Южной Америки в период общего мира»⁹.

Основа интервенционистской Доктрины Трумэна была заложена в сенсационном эссе Совета по международным отношениям, появившемся в принадлежащем ему журнале *Foreign Affairs* под подписью «Г-н Икс». Статья была выполнена в стиле «длинной телеграммы из Москвы» и написана Джорджем Кеннаном, помощником американского посла в Москве Гарримана.

В феврале 1946 года Вашингтон направил в американское посольство в Москве вопрос о том, почему Советы не поддержали недавно созданные Всемирный банк и Международный валютный фонд. В ответ Кеннан написал свою «длинную телеграмму», обрисовав в общих чертах и свое мнение, и точку зрения Советов, и отправил ее министру обороны Джеймсу Форрестолу, близкому союзнику Рокфеллера в администрации Трумэна. Форрестол затем предложил это письмо вниманию Совета по международным отношениям в надежде поспособствовать

Президент США Гарри Трумэн выступает перед Конгрессом в Вашингтоне. 12 марта 1947 г.

политическому сдвигу в сторону враждебной позиции по отношению к Москве.

Среди прочего Кеннан утверждал, что, хотя советская власть непроницаема для логики разума, она очень чувствительна к логике силы. Он писал, что сталинское государство ощущает мир разделенным на непримиримые стороны коммунизма и капитализма. Этот тезис стал рождением американского сдерживания Советского Союза и заложил пропагандистские основания для сорокалетней американской политики холодной войны с Россией. В действительности сдерживание СССР было полезным для американского властного истеблишмента и американской военной индустрии с целью создания постоянного государства национальной безопасности на фоне (как позже выяснилось, вымышленного) образа агрессивного и угрожающего Советского Союза¹⁰.

Американская внешняя политика далеко ушла от антифашистского союза с СССР, развернувшись к альянсу с послевоенной оскорбленной Германией против предполагаемой советской угрозы. Это были все те же классические британские махинации «баланса сил», теперь в американском стиле.

Греческого кризиса, однако, все же оказалось недостаточно, чтобы уверенно обеспечить именно ту экономическую реструктуризацию Америки, в которой нуждались могущественные банковские и промышленные круги. Ни советской блокады Берлина, ни даже коммунистического поглощения правительства Чехословакии в феврале 1948 года на хватило, хотя эти события и побудили изоляционистский американ-

ский Конгресс проголосовать за финансовую помощь Западной Европе через План Маршалла и вскоре привели к американской поддержке НАТО. Требовалось потрясение посерьезнее, чтобы убедить измученных войной американских граждан, что для их безопасности необходимо состояние более или менее непрекращающейся холодной войны.

Даже победа Коммунистической партии Китая при Мао Цзэдуэне в китайской гражданской войне, которая закончилась в 1949 году поражением Гоминьдана и коррумпированного деспота Чан Кайши (что привело к провозглашению Китайской Народной Республики), оказалось недостаточно, чтобы гальванизировать поддержку американским населением тех уровней военных расходов, на которые надеялись мощные отрасли оборонной промышленности.

Для фракции Рокфеллера и ее союзников в американских финансовых и промышленных кругах тот простой факт, что государственный социализм в СССР и Китае отныне эффективно вырвал из их рук свыше одной пятой континентального массива планеты, а с ней и невыразимые сырьевые и ресурсные сокровища и потенциальные рынки, был достаточным основанием, чтобы объявить обе страны новым образом врага. Проблема состояла в том, как продать этот образ скептически настроенному американскому населению, как в достаточной степени мобилизовать страх и беспокойство американской общественности, чтобы оправдать финансирование постоянного военного государства, направленного против нового «абсолютного зла, безбожного коммунистического тоталитаризма».

ДОКЛАД «СОВЕТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ - 68» И ФАНТОМ ОБРАЗА ВРАГА

Ведущие круги внутри и вокруг правительства Трумэна к концу 1949 года пришли к выводу, что единственным способом мобилизовать жертвенные чувства американского населения ради значительного наращивания военных расходов (которые они рассматривали как необходимые, чтобы обеспечить свое новое глобальное жизненное пространство) будет новая война. Идеальная война виделась им, по возможности, управляемой и не представляющей прямой угрозы Соединенным Штатам или все еще неустойчивой Западной Европе.

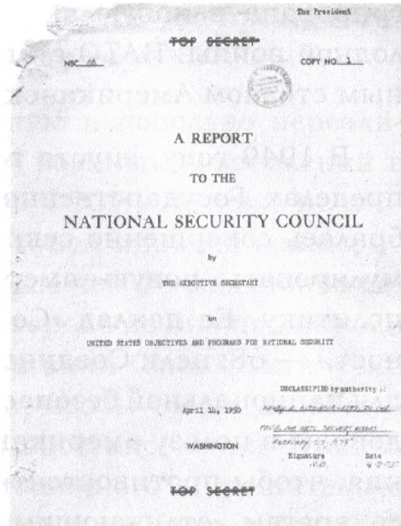
К 1948 году американская экономика столкнулась с резким послевоенным спадом, поскольку контракты для военной промышленности быстро сократились, и этот экономический дефицит не могли заполнить никакие гражданские расходы сопоставимого масштаба. Между 1948 и 1950 годами официальная американская безработица выросла на тревожные 130 процентов. Национальный индекс производства, который стоял на рекордном уровне 212 на пике военных мобилизационных усилий, упал к 1948 году до 170, а затем до 156 в 1949 году. В первом квартале 1950 года инвестиции понизились на 11 процентов по сравнению с уровнем годом ранее. С 1947 года американский экспорт демонстрировал снижение, упав с марта 1949 до марта 1950 года приблизительно на 25 процентов.

По различным причинам в качестве идеального места, чтобы организовать локальную войну, заду-

манную для мобилизации общественной поддержки в пользу постоянного государства национальной безопасности, была выбрана Корея. Целью операции было массированное расширение военной промышленности на постоянной основе, процесс, который финансист и советник Трумэна Бернард Барух обозначил как холодная война¹¹.

В конце 1948 года Вашингтон объявил о планах создания нового атлантического военного союза со своими партнерами по Плану Маршалла взамен постоянных американских баз в западноевропейских странах.

Юридический документ, учреждающий Организацию Североатлантического договора (НАТО), был подписан в апреле 1949 года с Бельгией, Люксембургом, Нидерландами, Францией и Великобританией.

Совет национальной безопасности, СНБ

Через несколько месяцев Корейская война гальванизирует членов НАТО, и они примут активную и постоянную военную оборонную организацию в Западной Европе под контролем Вашингтона со штабом в Брюсселе. Через этот военный союз измученная войной Европа была вовлечена в новую вашингтонскую стратегию холодной войны; и стратегия, и союз прожили гораздо дольше СССР, который распался приблизительно сорок лет спустя.

Первый главнокомандующий НАТО британский лорд Исмей объявил, что цель НАТО состоит в том, чтобы «не пустить русских, удержать американцев и прижать немцев»¹². Все изменится во время Корейской войны, когда Вашингтон вернется к немецкой сталелитейной промышленности для производства оружия. К началу 1950 годов Германия была интегрирована в новую американскую геополитику холодной войны. НАТО станет отныне основным военным столпом Американского века.

В 1949 году, спустя год после создания НАТО, в пределах Государственного департамента США собралась совершенно секретная группа, чтобы сформулировать новую американскую стратегическую политику. Ее доклад «Совет национальной безопасности — 68: цели Соединенных Штатов и программы для национальной безопасности» («СНБ-68») приводил доводы в пользу американского военного наращивания, чтобы противостоять, как группа провозглашала, врагам, «отличающимся от предыдущих кандидатов в гегемоны... вдохновляемым новой фанатичной верой, противоположной нашей собственной».

Эта группа под председательством бывшего банкира Уолл-стрит Пола Нитце утверждала, что Советский Союз и Соединенные Штаты существуют в поляризованном мире, в котором СССР стремился «обрести абсолютную власть над остальной частью мира»¹³.

Данный совершенно секретный документ утверждал, что это будет война идей, в которой сражаются друг против друга «идея свободы при верховенстве

законов и идея рабства под мрачной олигархией Кремля». США как «центр силы в свободном мире» должны построить такое международное сообщество, в котором американское общество «выжило бы и процветало бы», преследуя политику сдерживания. Документ был в большой степени списан с более раннего кеннановского текста «Г-на Икс», но делал упор на военный, а не политический ответ на предполагаемую советскую глобальную угрозу¹⁴.

«СНБ-68» рисовал ужасную и довольно нереалистичную картину советских военных устремлений в 1950 году — в период, когда СССР еще даже не восстановился после разрухи Второй мировой войны, во время которой погибли больше чем 26 миллионов советских людей, а основные города до сих пор лежали в руинах. После войны Советский Союз фактически демобилизовал свою армию, чтобы иметь достаточно трудовых ресурсов для восстановления страны. Реальное положение опустошенного и решительно ослабленного Советского Союза не играло большой роли в докладе команды. Под видом анализа угроз они просто произносили тревожные заклинания: «Если основная война произойдет в 1950 году, то Советский Союз и его сателлиты, как полагает Объединенный комитет начальников штабов, находятся в достаточно продвинутом состоянии немедленной готовности, чтобы предпринять и провести следующие кампании: а) наводнить Западную Европу, с возможным исключением Иберийского и Скандинавского полуостровов; двигаться к нефтеносным областям Ближнего и Среднего Востока и консолидировать коммунистические приобретения на Дальнем

Востоке; б) пойти в наступление в воздухе против Британских островов и в воздухе, и на море напасть на линии коммуникаций западных держав в Атлантике и Тихом океане; в) напасть на избранные цели атомным оружием, теперь, включая вероятность таких нападений на цели на Аляске, в Канаде и Соединенных Штатах. В качестве альтернативы эта способность вместе с другими действиями, доступными Советскому Союзу, может исключить Соединенное Королевство в качестве эффективной базы операций для союзных войск. СССР также, возможно, сможет предотвратить любые объединенные операции типа «Нормандия» (на суше и на море) с целью отбросить его на континент Европы»¹⁵.

Отчет Нитце 1950 года рекомендовал ясный план действий, за исключением приоритетной ядерной войны, против Советского Союза. Он завершился словами: «Ускоренное по сравнению с текущим наращивание политической, экономической и военной сил и, таким образом, уверенности в свободном мире видится как единственный курс, который совместим с продвижением к достижению нашей фундаментальной цели. Расстройство кремлевских замыслов требует, чтобы свободный мир развивал успешно функционирующую политическую и экономическую систему и энергичное политическое наступление против СССР. Это, в свою очередь, для своего развития потребует соответствующего военного щита»¹⁶.

Первая реакция на рекомендации «СНБ-68» Нитце была почти отрицательной. Трумэн, обеспокоенный бюджетными расходами, отослал доклад назад, чтобы

оценить затраты. Конгресс расценил доклад, как излишне панический. Заместитель госсекретаря по экономике в администрации Трумэна Уиллард Торп не согласился с тревожной картиной советской готовности к войне. Торп подверг сомнению утверждение, что «СССР устойчиво уменьшает несоответствие между своей полной экономической силой и силой Соединенных Штатов». Он возразил: «Я не чувствую, что демонстрируется эта позиция, скорее, это резерв... Фактический разрыв расширяется в нашу пользу».

Что касается советских военных инвестиций, Торп сомневался, что СССР вкладывал в них столь значительную часть своего ВВП: «Я подозреваю, что большая часть советских инвестиций ушла в строительство жилья»¹⁷.

Уильям Шауб из Бюджетного управления также был критически настроен, утверждая, что «на каждой арене» — в военновоздушных силах, армии, на флоте, в запасе атомных бомб, в экономике — США далеко превосходили Советский Союз. Даже Джордж Кеннан не согласился с этим документом, особенно с его призывом к массивному перевооружению. Как отметил один из консультантов доклада Нитце: «Правительству вскоре понадобится помощь в получении общественной поддержки для национального напряжения, которое потребуется»¹⁸.

Пол Генри Нитце, автор СНБ-68

Вслед за провозглашением Доктрины Трумэна (которую фактически создал госсекретарь Дин Ачесон) пропагандистский аппарат правительства попытался завоевать общественную поддержку для своей холодной войны против «враждебных безбожных» коммунистов в Советском Союзе. Эти люди полагали, что смогут завоевать всенародную поддержку избирателей для огромного наращивания федеральных расходов на оборону, «пугая адом за пределами Америки», как выразился один из советников Трумэна, возможно, порождая «военную панику, чтобы ввести страну в заблуждение»¹⁹.

В своих мемуарах Дин Ачесон признавался: «Задача государственного служащего, стремящегося разъяснить или получить поддержку основной политики, не в том, чтобы написать тезисы докторской диссертации. В донесении смысла квалификация должна уступать место простоте заявления, точности и оттенку глупости, почти жестокости»²⁰.

Министр пропаганды Третьего Рейха Йозеф Геббельс, возможно, не смог бы выразиться лучше.

Круги вокруг Ачесона, Гарримана, ключевых военных фигур Пентагона (таких, как генерал Дуглас Макартур) и Рокфеллеров взяли за дело, чтобы фабриковать только такие «реальные и продолжающиеся кризисы».

КОРЕЯ ДАЕТ ОПРАВДАНИЕ

Первый такой кризис начался спустя два месяца после того, как отчет Нитце был роздан тщательно отобранным членам правительства. Кризис случился

у проамериканской диктатуры Ли Сын Мана в Южной Корее. Ли Сын Ман после 33 лет в США вернулся с помощью Вашингтона к власти, чтобы взять под свой контроль южнокорейское правительство.

Война для «защиты» Южной Кореи имела много приятных моментов. Во-первых, она косвенно вовлекала Советский Союз, как главного сторонника северокорейского режима коммуниста Ким Ир Сена. Во-вторых, Рокфеллеры, братья Даллесы и их деловые партнеры вложили огромные деньги в Южную Корею. После победы над Японией США и СССР согласились временно разделить страну по 38-й параллели, пока не будет восстановлен порядок. Разделение на две страны с самого начала было произвольным и сделанным наспех.

25 июня 1950 года мир получил из Южной Кореи шокирующее сообщение, что северокорейская армия начала массированное вторжение на Юг. Первые сообщения, однако, были противоречивыми. Американский историк Джон Гантэр, находившийся тогда с генералом Макартуром в поездке по Японии, оставил для истории рассказ очевидца, помощника американского генерала, взволнованно сообщившего о телефонном звонке из Сеула: «Южнокорейцы напали на Север!»²¹

Также на вашингтонскую версию событий бросало тень подозрения то, что США созвали экстраординарное собрание Совета Безопасности ООН в тот момент, когда Советы бойкотировали мероприятие в знак протеста. Это означало, что Москва не сможет наложить вето на резолюцию Совета Безопасности ООН, наделяющую «миротворческие силы» ООН (в дей-

ствительности американские войска под командой Дугласа Макартура) правом «остановить северокорейскую агрессию». Из официальных заявлений американского посольства и Вашингтона был также удачно исключен тот факт, что южнокорейские ВВС за два дня до реакции 25 июня Северной Кореи неоднократно бомбили цели в Северной Корее, а южнокорейские войска прошли маршем и заняли город Хэджу на Севере.

Вопреки этим фактам вся аргументация Вашингтона в защиту вмешательства ООН (технически это называлось «полицейская акция ООН») держалась на том, что коммунистический Север начал массивное не спровоцированное вторжение на Юг. Эта линия поведения Вашингтона воспроизводилась и непосредственно после событий, и в течение многих лет спустя во всех американских официальных пропагандистских заявлениях.

Дуглас Макартур, американский военачальник, обладатель высшего звания - генерал армии

Со своей стороны генерал Макартур потребовал от Трумэна, чтобы вооруженные силы США под его командованием использовали этот межкорейский конфликт как предлог для перехода в прямое военное наступление непосредственно на Китай с использованием ядерного оружия. Американский министр обороны Луи Джонсон также был убежден, что

немедленная война против режима Мао Цзэдуна прежде, чем он сможет консолидировать власть, будет легче, чем война, которую он считал «неизбежной», но которая случится позже. Макартур согласился.

Макартур, американский глава Объединенного комитета начальников штабов генерал Омар Брэдли, министр обороны Джонсон и адвокат Рокфеллера и консультант Государственного департамента Джон Фостер Даллес хотели использовать Корею в качестве стартовой площадки для прямой войны не только против Китая, но и в конечном итоге против самого Советского Союза в Азии²².

В Вашингтоне их идея была отвергнута Гарриманом, Ачесоном и другими, кто понимал, что цель этой войны состояла не в том, чтобы «победить» в смысле за-

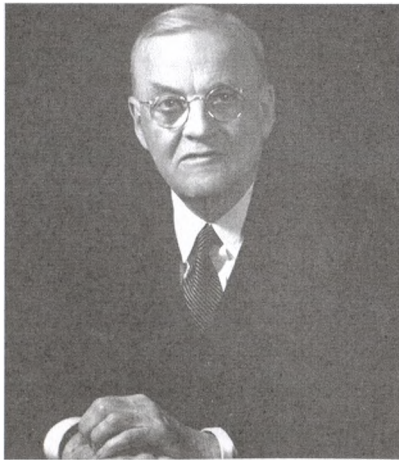
Американские войска в Корее, 1951 г.

воевания Китая и Советов. Скорее, Корейская война была вопросом американской большой геополитической стратегии по перемещению фигур на азиатской шахматной доске и мобилизации страхов холодной войны в пределах НАТО и среди американского населения, чтобы обеспечить предлог для создания огромного, постоянного американского государства национальной безопасности. Как только началась эта «война», Конгресс быстро принял «СНБ-68». Дин Ачесон позже заметил:

«Корея... создала стимул, который привел к действию»²³.

Корейская война вынудила большинство американцев прийти к заключению, что СССР действительно помешан на мировом господстве. Она стала тем самым необходимым катализатором для оправдания мобилизации всех национальных ресурсов, чтобы противостоять явной угрозе.

Американская военная пропаганда в СМИ информировала о крупной американской инвестиционной доле в Корее, сообщая аккуратно, что американские банки и фирмы инвестировали в Южную Корею впечатляюще крупную сумму — больше чем 1,25 миллиарда долларов. Главным инвестором был National City Bank, который контролировал Рокфеллер, а поверенный Рокфеллера Джон Фостер Даллес заседал в совете директоров банка «New Korea Company» в Сеуле²⁴.

Джон Фостер Даллес

Корейская война великолепно послужила политической программе вашингтонской фракции холодной войны. Американский оборонный бюджет взлетел на 400 процентов, с менее чем 13 миллиардов долларов в начале войны до более чем 60 миллиардов к ее окончанию в 1953 году. Американские марионеточные режимы Чан Кайши в Тайване и Ли Сын Мана в Южной Корее, а также американское Военное пра-

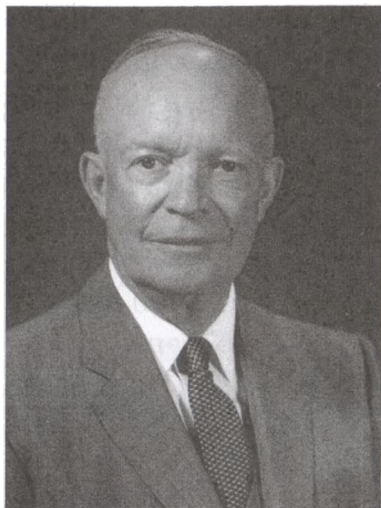
точные режимы Чан Кайши в Тайване и Ли Сын Мана в Южной Корее, а также американское Военное пра-

вительство Дугласа Макартура в Японии обеспечивали базу для развертывания американской холодной войны в Восточной Азии. Чтобы обеспечить «защиту против коммунизма» в Азии, промышленности Японии позволили реорганизоваться в гигантские группы промышленных конгломератов под присмотром оккупационного правления Макартура, которому способствовал и молодой нью-йоркский банкир по имени Джон Рокфеллер-третий.

С годовым бюджетом в 60 миллиардов долларов Министерство обороны США стало крупнейшим в мире подрядчиком, размещавшим заказы на миллиарды долларов в американской и избранной европейской и японской промышленности для поддержки боеготовности. Результатом войны в Корее для Германии стало разрешение приступить к восстановлению рурской сталелитейной промышленности. Военно-промышленный комплекс в течение 1950-х годов разросся до гигантских масштабов. Холодная война была запущена с размахом, и Standard Oil стала великим благодетелем, обеспечивая топливом военно-воздушные силы, танки, джипы, истребители и прочие транспортные средства Пентагона. Во внутренней американской экономике политические деятели быстро смекнули, что могут проталкивать через Конгресс почти любую программу, если в ней есть слова про американскую национальную безопасность и «защиту от тоталитарного безбожного коммунизма».

В 1953 году война и беспокойство американской общественности по поводу национальной безопасности были раздуты до такой крайней степени воз-

буждения, что президентом был избран отставной военный генерал Эйзенхауэр. Именно Рокфеллеры первоначально убедили Эйзенхауэра пойти на выборы и организовывали деньги Уолл-стрит в поддержку его предвыборной кампании. После съезда республиканцев в 1952 году сенатор-изоляционист Роберт Тафт, которого Рокфеллеры обходили молчанием, с горечью заявил: «С 1936 года каждый кандидат в президенты от Республиканской партии назначается в Chase Manhattan»²⁵.

Дуайт Дэвид Эйзенхауэр, 34-ый президент США

Неудивительно, что интересы Рокфеллера играли главную роль в выборе кабинета Эйзенхауэра. Новый президент назначил на пост главы ЦРУ Аллена Даллеса, бывшего президента рокфеллеровского Совета по международным отношениям²⁶. Аллен Даллес и его брат Джон Фостер, как отмечалось ранее²⁷, были поверенными интересов Рокфеллера и способствовали различным коммерческим сделкам между Standard

Oil, Chase Manhattan Рокфеллеров и IG Farben во времена Третьего Рейха. После войны Аллен Даллес служил начальником резидентуры в швейцарском Берне для Управления стратегических служб (УСС), предшественника ЦРУ. Глава УСС Уильям Donovan разместил свой первый штаб в комнате 3603 в Рокфеллер-центре.

В дополнение к доминированию Рокфеллеров и Совета по международным отношениям в своей внешнеполитической команде холодной войны Эйзенхауэр назначил Джона Фостера Даллеса на весьма важную должность госсекретаря. Джон Фостер Даллес как партнер юридической фирмы Уолл-стрит «Салливан и Кромвель» представлял Standard Oil Рокфеллеров и к тому же являлся попечителем Фонда Рокфеллера²⁸.

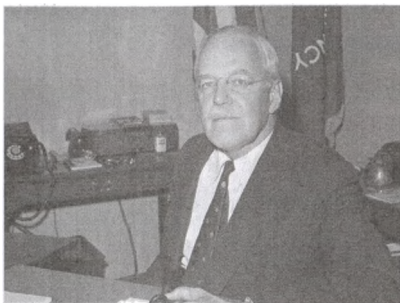
Кроме господства в двух крупнейших банках Нью-Йорка (Chase Manhattan Bank и National City Bank) Рокфеллер управлял крупнейшими нефтяными компаниями в мире, группой Standard Oil и многочисленными стратегическими военными отраслями промышленности, химическими компаниями и фирмами агробизнеса. В дополнение к управлению Советом по международным отношениям, а с этого момента (через братьев Даллесов) также Центральным разведывательным управлением США и Государственным департаментом, Нельсон Рокфеллер сам в 1954 году был назначен специальным помощником Эйзенхауэра по стратегии холодной войны, ответственным перед президентом за оплошности тайных операций ЦРУ и разработку различных стратегических политических позиций²⁹.

ЗАГОВОР ЦРУ ПРОТИВ ФАНТОМНЫХ КОММУНИСТОВ

В качестве одного из своих первых действий Даллес уполномочил ЦРУ в 1953 году провести переворот против чрезвычайно популярного и демократически избранного премьер-министра Ирана

Мохаммеда Моссадыка, который национализировал British Petroleum («Англо-персидскую нефтяную компанию»), когда последняя отказалась платить более высокие отчисления за свою почти неограниченную власть над добычей иранской нефти.

Когда, поддерживаемый США, шах Ирана после свержения Моссадыка вернулся к власти и установил жестокую диктатуру, контроль над нефтью Ирана из рук British Petroleum перешел компаниям Standard Oil Рокфеллера³⁰.

Аллен Даллас, американский дипломат и разведчик

Вскоре после этого ЦРУ Аллена Даллеса предприняло решительные действия, чтобы свергнуть в 1954 году демократически избранное правительство президента Хакобо Арбенса в Гватемале, утверждая, что оно несло угрозу американскому бизнесу и «было под влиянием коммунистов». На самом деле «бизнесом» был Рокфеллер и связанная с Даллесом United Fruit Company. Арбенс был националистом, пытавшимся провести умеренную земельную реформу, чтобы дать крестьянам землю за счет крупных иностранных банановых плантаций.

Во время Второй мировой войны, в 1944 году, народ Гватемалы сверг репрессивного правого диктатора Хорхе Убико, и страна провела свои первые в истории настоящие выборы, выбрав президентом доктора Хуана Хосе Аревало Бермехо. Была принята

новая Конституция, основанная на американской. Аревало был педагогом, который построил в Гватемале более чем шесть тысяч школ и придавал особое значение образованию и здравоохранению.

На тот момент Гватемала была во власти сверхбогатых землевладельцев, которые составляли только чуть более двух процентов населения и владели более чем 70 процентами земли. Влиятельнейшим землевладельцем была американская United Fruit Company. 90 процентов, главным образом индейского населения, было вынуждено владеть мрачное существование только на 10 процентах земли страны, в то время как большая часть земель, принадлежавшая крупным латифундистам, простаивала.

В 1951 году на вторых свободных выборах Аревало сменил Хакобо Арбенс, который продолжил реформаторский процесс Аревало. Арбенс предложил перераспределить часть неиспользованной земли и сделать ее доступной безземельному индейскому большинству для ведения сельского хозяйства. Крупнейшим держателем неиспользованной земли в Гватемале была United Fruit Company, владевшая невероятными 42 процентами всей земли в стране, и приблизительно 95 процентов из них стояли неиспользованными практически без выплат каких-либо налогов Гватемале.

Реагируя на угрозу национализации, United Fruit Company мобилизовала своих друзей в правительстве Эйзенхауэра и не в последнюю очередь братьев Даллесов. Аллен Даллес был главой ЦРУ и братом госсекретаря Джона Фостера. Оба брата Даллеса начали черную пропагандистскую кампанию, ложно

утверждавшую, что при правлении Арбенса Гватемала стала «советским сателлитом»³¹.

Связи между United Fruit Company и братьями Даллеса брали начало в тех временах, когда старая юридическая фирма Джона Фостера Даллеса «Салливан и Кромвель» представляла интересы компании. Аллен Даллес заседал в Совете попечителей United Fruit Company. Эд Уитман, главный сотрудник отдела связей с общественностью компании, был мужем личного секретаря президента Эйзенхауэра Энн Уитман.

В пропагандистском порыве, который составил достойную конкуренцию усилиям Вудро Вильсона в Первую мировую войну, Эд Уитман снял фильм «Почему Кремль ненавидит бананы», изображавший United Fruit Company борцом передней линии фронта в холодной войне. Фильм об успехе фирмы, якобы с боем отбившей свои земли у зла международного коммунизма, был позже описан неким чиновником компании, как «диснеевская версия эпизода». United Fruit Company оплачивала все расходы американских журналистов на поездки в Гватемалу с целью изучить кризис со стороны компании, и скоро ведущая национальная пресса, включая The New York Times, взхлеб живописала «коммунистическую версию» гватемальских событий, которой щедро кормила их United Fruit Company Уитмана³².

В 1954 году ЦРУ США Даллеса организовало переворот под кодовым названием «Операция PBSUCCESS». Для этого понадобилось вторжение 150 человек под командованием Кастильо Армаса, которого Вашингтон и посадил, как «своего» дикта-

тора. United Fruit Company никто не трогал. Пропандистское правдоподобие холодной войны значительно возросло³³.

АВТОМАГИСТРАЛИ ТОЖЕ ПРОТИВ «СОВЕТСКОЙ УГРОЗЫ»

Даже внутри страны группа Рокфеллера поворачивала климат холодной войны к своему решительному преимуществу. Крупнейшей программой государственных инвестиций президента Эйзенхауэра стал Национальный закон о военных автомагистралях и автомагистралях между штатами (Публичный закон 84-627). Он вступил в силу 29 июня 1956 года. Конгресс выделил 25 миллиардов долларов на строительство 66 тысяч километров автомагистралей между штатами на период в двадцать лет. К тому моменту это был крупнейший в американской истории государственный проект. Национальная дорожная инфраструктура положила начало послевоенной эпохе автомобильного и грузового транспорта. General Motors из Детройта и компании Standard Oil Рокфеллеров стали основными бенефициарами.

Национальной железнодорожной инфраструктурой сознательно пренебрегали в пользу транспортировки на грузовом и пассажирском транспорте. Одновременно американскую общественность уверяли, что все делается в ее интересах, поскольку эти автомагистрали должны ускорить эвакуацию из городов в случае советского ядерного удара. Как заявил министр обороны Эйзенхауэра и бывший председатель General Motors Чарльз Уилсон в известном замечании 1955 года: «Что хорошо для General Motors, хорошо и для Америки».

Однако к 1957 году, несмотря на, или, точнее, из-за создания американского государства национальной безопасности и холодной войны, начинали проявляться основные линии разлома в послевоенной американской долларовой системе Бреттон-Вуда. Американская экономика вошла в серьезную рецессию. Экономические системы Западной Европы набирали обороты, особенно Федеративная Республика Германия, которая восстановила свою промышленность с самой современной технологией для сталелитейного и других секторов.

Американские корпорации, со своей стороны, на фоне сильного доллара в Европе, Латинской Америке, Африке и во всем мире пренебрегали собственной внутренней промышленной инфраструктурой в пользу покупки компаний «под ключ». Когда-то всемогущие американские золотые резервы ФРС (которые были крупнейшими в мире всего лишь за десять лет до того) медленно истощались, поскольку иностранные центральные банки обменивали на золото долларовые излишки торговых балансов, чтобы пополнять свои собственные золотые запасы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Nitze P. et al NSC 68: United States Objectives and Programs for National Security, A Report to the President Pursuant to the President's Directive of January 31, 1950, dated April 14, 1950. Reprinted in Naval War College Review, May-June, 1975. Vol. XXVII. P. 51-108.

2 Tanzer M. Op. cit. P. 78.

3 Kennan G. Policy Planning Study 23 (PPS/23): 'Review of Current Trends in U.S. Foreign Policy,' // Foreign Relations of the United States, 1948. Vol. I. P. 509-529. Сначала было классифицировано как «совершенно секретно», но позже рассекречено.

4 Williams W. A. Op. cit. P. 208.

5 US Senate Select Committee on Small Business, ECA and MSA Relations with International Oil Companies Concerning Petroleum Prices, 82nd Congress, 2nd Session, 1952.

6 Painter D. S. Oil and the Marshall Plan // Business History Review, Autumn 1984. No. 58. P.359-383.

7 Bell P. M. H. The World Since 1945: An International History. Hodder Arnold, Oxford, 2001.

8 По поводу деталей британских разведывательных операций с участием британской Мата Хари Эвелин Петерсон с целью поколебать позицию влиятельного изоляциониста Сената Ванденберга в благоприятном для британцев направлении, см. Mahl Th. E. Desperate Deception: British Covert Operations in the United States, 1939-1944. Brassey's, London, 1998. P. 150-154.

9 Ambrose St. Прочитировано в Reza Zia-Ebrahimi. Which episode did more to consolidate the Cold War consensus: the Truman Doctrine speech of March 1947 or the Czech crisis of February-March 1948? //January 2007, www.zia-ebrahimi.com/truman.html.

10 Kennan G. F. ('Mr. X'), The Sources of Soviet Conduct // Foreign Affairs, July 1947. Vol. 25. No. 4. P. 566-582. Статья была написана Джорджем Ф. Кеннаном, бывшем с 1944 до 1946 года заместителем главы Миссии Соединенных Штатов в СССР при после Аверелле Харримане.

11 Gaddis J. L. The Cold War: A New History. Penguin Press, New York, 2005. P. 54.

12 Reynolds. The Origins of the Cold War in Europe. International perspectives. P. 13.

13 Nitze P. et al. Op. cit. P. 51-108.

14 Ibid.

15 Ibid. Vol. Soviet Intentions and Capabilities.

16 Ibid. Vol. IX. Possible Courses of Action: D. The Remaining Course of Action—A Rapid Buildup of Political, Economic, and Military Strength in the Free World.

17 Thorp W. Прочитировано в NSC Summary // www.bookrags.com/

research/nsc-68-aaw-04/.

18 FRUS, 1950, 1: 170-72, 191, 225-26. См. также NSC-68. P. 43, 54.

19 Gaddis J. L. The United States and the Origins of the Cold War. Columbia University Press, New York, 1972. Freeland R. M. The Truman Doctrine and the Origins of McCarthyism. NYU Press, New York, 1989. Kofsky F. Harry S. Truman and the War Scare of 1948: A Successful Campaign to Deceive the Nation. Palgrave Macmillan, New York, 1995.

20 Acheson D. Present at the Creation: My Years in the State Department. W.W. Norton, New York, 1969. P. 374-375.

21 Gunther J. The Riddle of MacArthur. Hamish, London, 1951. P. 150.

22 Khan M. Op. cit. P.245.

23 Acheson D. Процитировано в Princeton Seminars, October 10, 1950, reel 2, track 2. Acheson Papers, Truman Library, Independence, Missouri. P. 15.

24 Ibid. P. 241-242.

25 Ibid. P. 270-271.

26 New York Council on Foreign Relations, Officers & Directors, 1947.

27 См. Главу 7.

28 Collier P. & Horowitz D. Op. cit. P. 240-241.

29 Ibid. P. 272-276.

30 Blum W. Killing Hope: US Military and CIA Interventions since World War II. Common Courage Press, Maine, 2004. P. 64-82.

31 Landmeier P. Banana Republic: The United Fruit Company, 1997 // www.mayaparadise.com/ufcle.htm. См. также Doyle K. and Kornbluh P. National Security Archive Electronic Briefing Book N. 4, CIA and Assassinations: The Guatemala 1954 Documents, for the partly declassified CIA documents on the 1954 coup // www.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEBB/NSAEBB4/index.html.

32 Le Feber W. Inevitable Revolutions: The United States in Central America. W. W. Norton, New York, 1993. P.120-121.

33 Ibid.

Глава 6

ДОЛЛАРОВЫЙ СТАНДАРТ ЗАВОЕВЫВАЕТ МИР

«Соединенные Штаты должны после этой войны взрастить в умах такое представление о мировом устройстве, которое позволит нам ставить свои собственные условия, составляющие, возможно, «Паке Америка»».

Госдепартамент США, внутренняя записка, 1942год¹

НОВЫЙ ЗОЛОТОЙ СТАНДАРТ ДЛЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

К началу Корейской войны в 1950 году расширение нового жизненного пространства Америки включало в себя полное экономическое доминирование на Гавайских островах и Филиппинах, в Либерии, Саудовской Аравии, Греции, Турции и Израиле. США фактически управляли Японией и Западной Германией посредством военной оккупации и нара-

4-е апреля 1949. Министр иностранных дел США Дин Ачесон подписывает Вашингтонский договор, (создание НАТО)

щивали существенный экономический контроль над Аргентиной, Испанией, Египтом, Таиландом и Югославией.

В Западной Европе, с помощью только что созданного ЦРУ, Соединенные Штаты управляли правительствами

и ключевыми промышленными и финансовыми группами в Бельгии, Норвегии и Италии, а также имели сильное политическое и экономическое влияние в Голландии, Швеции и Франции.

Вашингтон доминировал над экономикой своего южного соседа — Мексики, а также северного — Канады.

США имели «особые отношения» с Великобританией и наращивали и без того сильное присутствие в ключевых странах Британского Содружества, вклю-

чая Австралию, Новую Зеландию и Южную Африку. Кроме того, Соединенные Штаты расширяли свое присутствие на богатом нефтью Ближнем Востоке и в бывшей голландской колонии — Индонезии².

Следуя доктрине Трумэна (номинально разработанной, чтобы оправдать вмешательство в гражданские войны в Греции и Турции), Вашингтон в одностороннем порядке объявил свое право вмешиваться в дела любой страны в мире, чтобы гарантировать там наличие тех правительств, которые его устраивают.

Не многие страны (если таковые вообще были) имели возможность противостоять или возражать Вашингтону. Создание Организации Североатлантического договора (НАТО) позволило США под лозунгом борьбы с советской коммунистической угрозой свободному миру в мирное время установить сеть постоянных военных баз (ВМС, ВВС и армии) по всей Западной Европе от Норвегии до Турции, от Греции до Испании. Под предлогом губительной угрозы безопасности Соединенные Штаты также создавали свои военные базы на всех континентах — от Африки до Южной Америки и Азии. Мир, который не находился под прямым политическим контролем СССР или Китайской Народной Республики, стал де-факто великой американской сферой влияния, послевоенным жизненным пространством США.

Одним из влиятельных геополитических мыслителей послевоенного Американского века, иногда называемым «первым воином холодной войны», был Джеймс Бернхэм, входивший в число оперативни-

ков Билла Донована* в Управлении стратегических служб (УСС). После войны Бернхэм стал соучредителем архиконсервативного журнала «Национальное обозрение» и в 1947 году написал главную оду новой американской мировой державе под скромным заголовком «Борьба за планету».

Книга была адаптирована из совершенно секретного меморандума Управления стратегических служб, который Бернхэм в 1944 году подготовил для американской делегации в Ялте по поводу советской геополитической стратегии. Бернхэм описывал в самых положительных словах то, что он называл «американской империей, которая, хотя и не буквально в формальных границах всего мира, будет способна к осуществлению решающего управления миром»³.

Видение Бернхэма и его рекомендации были решительны и потрясающе недвусмысленны: «В пределах выделенного времени Соединенные Штаты не могут выиграть жизнеспособное лидерство в мировом политическом порядке, просто обращаясь к рациональному убеждению... Могущество должно заключаться (с известной готовностью использовать его) либо в косвенной форме... экономических санкций, либо в прямой бомбардировке. Как последний резерв в этом ряду могущества будет монопольный контроль атомного оружия»⁴.

Американский век должен был стать «нешуточным» предприятием. Как выразился Бернхэм: «В конце концов, независимость и свобода — это абстракции»⁵.

В пределах этого управляемого американцами

экономического пространства, охватывающего более 560 миллионов человек, находился обширный потенциальный рынок, превышающий по размеру даже огромные пространства довоенной Британской империи. В первые пять лет своих послевоенных амбиций США удерживали в руках экстраординарную власть над большей частью мира в неофициальной экономической империи.

Это произошло благодаря использованию механизмов Бреттон-Вудских институтов — Международного валютного фонда и Всемирного банка, а также благодаря контролю над всей западноевропейской экономической политикой через План Маршалла и, находящуюся в Париже, Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), роли доллара, как мировой резервной валюты и центра мировых финансов и, прежде всего, действиям Денежного треста нью-йоркских банков, и связанных с ним государственных служащих в Вашингтоне.

ДЕМОНТАЖ КОНКУРИРУЮЩЕЙ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Германия, бывший военный конкурент Америки в ожесточенной борьбе за наследство Британской империи и глобальную гегемонию, после 1945 года была обескровлена и разделена на восточную и западную части. На фоне, больше не представляющей потенциальной угрозы, Германии первая послевоенная задача Вашингтона и Уолл-Стрит состояла в том, чтобы расчленив Великобританию, своего истощенного, но все еще крупного потенциального конкурента.

Они проделали эту работу полностью, постоянно восхваляя «дружбу» и англо-американские «особые отношения».

Используя пример из книги мафиозного этикета Дона Корлеоне, можно утверждать, что политика Вашингтона по отношению к ближайшему военному союзнику стала вариацией на тему «падающего подтолкни». В 1941 году, в момент встречи для подписания Атлантической хартии между Рузвельтом и Черчиллем, согласно рассказу очевидца Эллиота Рузвельта (сын Франклина Делано Рузвельта), расстроенный Черчилль резко выговаривал американскому президенту: «Господин президент, я полагаю, что Вы пытаетесь покончить с Британской империей. Каждая идея, которую Вы лелеете, о структуре послевоенного мира демонстрирует это. Но, несмотря на это, мы знаем, что Вы составляете нашу единственную надежду»⁶. Как всегда, Черчилль правильно ухватил суть геополитических амбиций Вашингтона.

Резкое завершение американской помощи по ленд-лизу Великобритании в 1945 году предшествовало трудным переговорам Лондона и Вашингтона по поводу займа на восстановление экономики. В конце концов Лондон получил этот заем, но на тяжелых условиях. За эти доллары Вашингтон потребовал услугу за услугу: соглашение, что Великобритания и страны ее Содружества подчинятся правилу недопущения дискриминации в торговле.

Это означало, что усилия Британии по созданию собственного экономического пространства с бывшими колониями от Южной Африки до Канады и Австра-

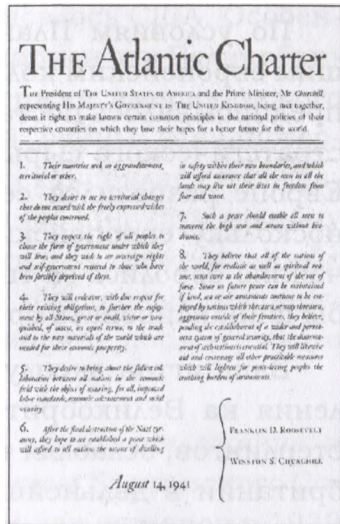
лии военными методами, так называемые «имперские преференции», нацеленные на уменьшение долларовой зависимости, отныне были запрещены⁷. Вашингтон хорошо знал, где находится ахиллесова пята британской послевоенной экономики, и ударил прямо туда.

Относительное положение Соединенных Штатов и Великобритании во время войны развернулось на 180 градусов.

К 1949 году американские зарубежные инвестиции превзошли британские более чем в три раза. Соединенные Штаты (особенно горстка банков в Нью-Йорке) стали «мировым банкиром», отобрав пальму первенства у лондонского Сити.

К 1950-му, когда к этому прибавились и зарубежные инвестиции американского правительства, доля зарубежных инвестиций Соединенных Штатов превысила не только долю Великобритании, но и всех остальных промышленных стран вместе взятых. Великобритания безнадежно отстала. Как администратор послевоенного Бреттон-Вудского долларового стандарта нью-йоркские банки и Вашингтон скоординировали усилия таким образом, чтобы максимально усилить рычаги своей новой финансовой власти. Именно у них были доллары, в которых отчаянно нуждался весь остальной мир.

Используя новую доктрину Трумэна, Соединен-

Атлантическая Хартия. 14 августа, 1941 г.

ные Штаты также начали наступление на традиционное британское господство в богатых нефтью странах Ближнего Востока с помощью поставок американского оружия для «оборонительной защиты» от, по их уверениям, «угрозы коммунистического поглощения».

По условиям Плана Маршалла некоторым бывшим европейским колониям, прежде всего в Африке, предписывалось поставлять США достаточный запас стратегического сырья «для обороны». В 1949 году в Европе разразился серьезный кризис ликвидности, поскольку европейские экономические системы отчаянно боролись за твердую валюту — доллары, чтобы финансировать срочно необходимый импорт.

Вашингтон эксплуатировал этот кризис для давления на Великобританию в обесценивании фунта стерлингов, ослабляя тем самым способность Великобритании в дальнейшем использовать систему «имперских преференций» в тщетной попытке избежать порабощения своей экономики диктатом доллара⁸.

НАТО РАСПАХИВАЕТ НОВЫЕ РЫНКИ

С подписанием Атлантического договора и созданием НАТО в апреле 1949 года у Вашингтона появился новый аргумент в пользу своего экономического вмешательства. На место «европейского восстановления» по Плану Маршалла пришло намного более обширное экономическое вмешательство США в дела европейских «партнеров» по НАТО: теперь во имя

«военной готовности», «стратегического планирования» и «объединенного командования» — ради всего того, что называли холодной войной. США ввели тяжелые ограничения на торговлю с коммунистическими странами и их сателлитами, что в значительной степени наносило урон традиционным торговым схемам Западной Европы, но не касалось США. Особенно тяжело эти ограничения ударили по Великобритании. Кроме того, при поддержке американского капитала в период Корейской войны западногерманская экономика быстро восстановилась и составила конкуренцию британскому индустриальному экспорту. В результате всех этих недружественных шагов в 1951 году британский долларовый дефицит в платежном балансе достиг нового послевоенного кризисного уровня⁹.

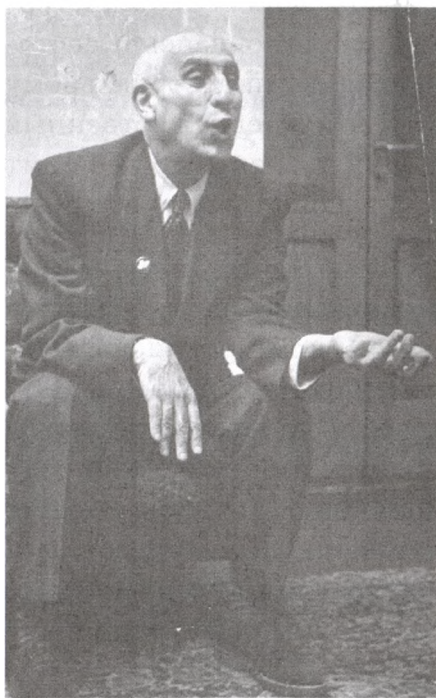
К 1951 году американские капиталовложения в Канаде, бывшей номинально членом Британского Содружества, возросли с 4 миллиардов долларов в 1939 году до более чем 9 миллиардов, превзойдя британские инвестиции в эту страну, которые к 1948 году упали до 1,6 миллиарда долларов¹⁰. По той же схеме проводились американские капиталовложения и в других британских настоящих или бывших колониях, включая Индию, Австралию и Новую Зеландию.

Наиболее геополитически существенным было американское вторжение в традиционную британскую сферу влияния на богатом нефтью Ближнем Востоке.

В дополнение к удачному ходу Рузвельта в 1945 году, обеспечившему группу «Стандарт Ойл» Рокфеллера нефтью Саудовской Аравии, американская раз-

ведка с удовольствием и пользой для себя использовала конфронтацию между британской Англо-иранской нефтяной компанией и националистическим премьер-министром Ирана Моссадыком. В итоге США провели удачный переворот в стране, чтобы воспрепятствовать как национализации Ираном его собственной нефти, так и британскому господству на нефтяных месторождениях Ирана.

В октябре 1951 года премьер-министр Ирана

Премьер-министр Ирана Моххамед Моссадык
1953 год

на Моссадык предписал, чтобы британцы покинули страну, поскольку, как он объявил перед Генеральной ассамблеей ООН, нефтяные ресурсы Ирана принадлежат иранскому народу.

Американская разведка приступила к планированию своего переворота, чтобы вовремя оказаться на месте и принять обширное нефтяное богатство, принадлежавшее ранее британцам. В ноябре 1952 года американским прези-

дентом был избран Дуайт Эйзенхауэр, и возглавляемый США переворот начался.

Тем временем в 1952 году в британской Северной Родезии (названной в честь британского основателя «Круглого стола» Сесила Родса) американский капитал приобрел контроль над богатым родезийским медным поясом через свое решающее участие в родезийской «Americal Metall Company».

В Южной Африке группа Рокфеллера, действующая посредством слияния компаний двух банковских групп, «Lazer Brothers» и «Ladenburg thalmann & со. inc», приготовилась взять под свой контроль свыше ста южноафриканских индустриальных и добывающих компаний. «J.P. Morgan & Co» объединилась с влиятельной южноафриканской «Anglo American Corporation» семьи Оппенгеймер, чтобы доминировать в золотодобывающей и горнорудной промышленности. Журнал «Time» Генри Аьюса назвал это предприятие «первым крупным плацдармом американского капитала в Южной Африке». В тот же самый период нью-йоркский гигант «Kennecott Copper Corporation» вкладывал капитал в два главных новых южноафриканских золотых рудника, в то время как «Newmont Mining corporation» из Делавэра перенимала активы горнорудной и железнодорожной компаний в Юго-Западной Африке, ранее принадлежавших Германии¹¹.

Возможно, ничто из минерального богатства Африки не было более ценным в разворачивающемся американском жизненном пространстве, чем огромные запасы урана в бельгийском Конго, где группировка Рокфеллера во главе с «Chause Manhattan Bank» в апреле 1950 года смогла приобрести контрольный миноритарный пакет акций в концессиях

Танганьики, которые контролировались бельгийским «Юньон Миньер дю О Катанга». В то время считалось, что область Катанга в юго-восточном Конго содержала свыше 50 процентов разведанных запасов кобальта в мире и 60 процентов всего разведанного урана, жизненно важного для строительства ядерного арсенала Соединенных Штатов на фоне разворачивающейся Корейской войны и последующей американо-советской холодной войны¹².

ТРЕЩИНЫ В ПОСЛЕВОЕННОМ АМЕРИКАНСКОМ ЗДАНИИ

Золотые дни американского доминирования в «свободных» денежно-кредитных и экономических делах в мире продлились чуть более десятилетия. Затем в дефектном фундаменте Бреттон-Вудского здания начали появляться трещины. Рецессия 1957 года в период президентства Эйзенхауэра стала первым звоночком о проблемах в долларовом мире. В действительности 1957 год сигнализировал об износе американской военной промышленности (стальных и алюминиевых заводов, станкостроительной промышленности и так далее), которая была выстроена в военный период 20 лет назад.

Тем временем к концу 1950-х годов большинство стран Западной Европы, особенно Западная Германия и в меньшей степени Франция и Италия, возродились в качестве жизнеспособных конкурентов с современными заводами и оборудованием. Мало того, что западные европейцы уже не нуждались в

большом объеме американского индустриального импорта, чтобы восстанавливать свои экономические системы, но к 1957 году они начали еще и экспортировать, составляя прямую конкуренцию американским компаниям.

Крупнейшие промышленные и финансовые корпорации США смотрели за границу в поисках выгоды от политики сильного доллара и не вкладывали капитал в обновление внутренней промышленности. Успешный запуск советского космического спутника в октябре 1957 года убедительно продемонстрировал, что Америка в технологическом отношении отстала от остальных индустриальных стран.

Во время Корейской войны Соединенные Штаты начали значительно искажать в свою пользу собственные правила Бреттон-Вудского золотого обменного стандарта. Чтобы покрыть свои огромные, растущие военные расходы, Вашингтон выбрал принцип «пушки и масло»*. Он покрывал растущие иностранные долги не золотом, как того требовали правила, а с помощью выпуска специальных банкнот ФРС и краткосрочных американских казначейских облигаций. Как только стало понятно, что остальная часть мира продолжала принимать банкноты ФРС, словно они «хороши, как золото», американские финансовые власти решили и дальше наращивать этот поток бумажных долларов в мире без пропорционального увеличения своих золотых резервов¹³. В реальности Вашингтон без лишнего шума медленно понижал качество собственной валюты относительно остальных своих торговых партнеров, прежде всего Западной Европы.

После 1961 года, начиная с эры Кеннеди, Соединенные Штаты запустили практику существенного торгового дефицита. Для иностранных центральных банков это стало четким сигналом: прежде чем эта проблема усугубится, необходимо переводить свой долларовый активный торговый баланс в американское золото и скупать его из хранилищ ФРС. Одновременно американские промышленные магнаты почти прекратили новые существенные инвестиции в американские заводы и оборудование. Вместо этого они принялись инвестировать капиталы в ультрасовременные промышленные предприятия в Западной Европе, где доллар был все еще сильным, а обменные курсы устанавливались по правилам Бреттон-Вуда.

КЕННЕДИ БЪЕТ ТРЕВОГУ

В 1949 году, накануне Корейской войны, золотые запасы Соединенных Штатов превышали общее количество американских долгов иностранным государствам на 18 миллиардов долларов. К октябрю 1960-го ситуация развернулась на 180 градусов: иностранные долги США превысили общую стоимость американских золотых резервов на 800 миллионов долларов. За тот же самый период времени прямые иностранные инвестиции и авуары американского долгосрочного корпоративного имущества за границей возросли с 27 миллиардов в 1949 году до более чем 62 миллиардов в 1960-м — почти на 250 процентов¹⁴.

Только вопросом времени оставалось, когда остальная часть мира поймет, что доллар США больше не столь хорош, как золото. И осознает, что желающие приобрести на свои лишние доллары золото должны оказаться первыми в очереди у золотого дисконтного окна Федерального резервного банка Нью-Йорка. Это означало, что Соединенные Штаты, страна-кредитор всей послевоенной Бреттон-Вудской системы, уже были неспособны оплатить свои краткосрочные долги золотом.

Разрыв между американскими долгами иностранным центральным банкам (прежде всего немецкому Бундесбанку, Банку Франции и Банку Японии) и золотым запасом в 1960-х годах стал пропастью. В этом состояло колоссальное преимущество для американских корпораций, работающих за границей.

В своем первом послании Конгрессу «О положении страны» в январе 1961 года президент Джон Ф. Кеннеди признал тревожное состояние внутренней американской экономики: «Мы занимаем свой офис после семи месяцев рецессии, трех с половиной лет ослабления, семи лет пониженного экономического роста и девяти лет падающего дохода от сельского хозяйства... Деловые банкротства достигли своего высшего уровня начиная с Великой депрессии. С 1951 года доход от сельского хозяйства упал на 25 процентов. За исключением краткого периода в 1958 году страхование по безработице находится на высочайшей отметке в нашей истории. Из приблизительно пяти с половиной миллиона безработных американцев более одного миллиона искали работу свыше четырех месяцев...

Восьмая часть тех, кто не имеет работы, живет практически без надежды в почти ста особо депрессивных и тревожащих регионах. Остальные безработные включают школьных выпускников, неспособных использовать свои таланты, фермеров, вынужденных прекратить использование своей неполной занятости, помогавшей им уравнивать семейные бюджеты, квалифицированных рабочих и чернорабочих, уволенных в таких важных отраслях промышленности, как сталелитейная, станкостроительная, автомобильная и текстильная»¹⁵.

Дж. Кэннеди во время послания Конгрессу, 1961 год.

Кеннеди продолжал описывать тревожное состояние американской международной финансовой и денежно-кредитной ситуации: «С 1958 года, за три года, полный

дефицит нашего платежного баланса возрос почти на 11 миллиардов долларов, и держатели долларов за границей перевели их в золото в таком количестве, что это вызвало полный отток золота из наших резервов почти на пять миллиардов долларов. Дефицит 1959 года был вызван в значительной степени неудачей проникновения нашего экспорта на иностранные рынки, ставшей результатом ограничений на наши товары и наших собственных неконкурентоспособных цен. С другой стороны, дефицит 1960 года был больше результатом увеличения оттока частного капитала в поисках новых возможностей и

намного более высоких прибылей или спекулятивно-го преимущества за границей»¹⁶.

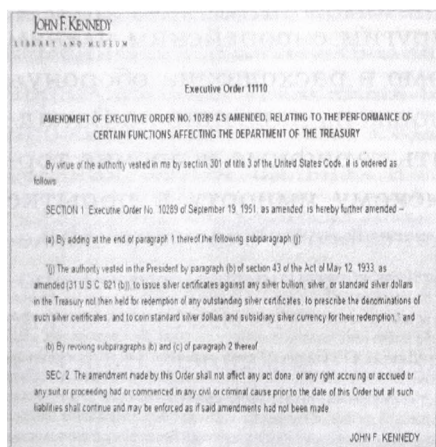
И большая часть этого капитала так и оставалась за границей в повторных инвестициях, не возвращаясь домой.

Чтобы защитить доллар, Вашингтон обратился с просьбой к Германии и другим европейским членам НАТО увеличить «свою долю в расходах на оборону». В 1962 году Вашингтон повысил давление на Западную Европу, чтобы удалить тарифные и прочие торговые барьеры американскому импорту в попытке снизить торговый дисбаланс, особо оказывая давление на общую сельскохозяйственную политику Европейского экономического сообщества (ЕЭС) — сердце соглашения между Францией и Германией. Но ничто из этого не принесло большого эффекта.

КЕННЕДИ ОБЫГРЫВАЕТ ФРС

За несколько месяцев работы в Белом доме президент Кеннеди заработал себе много влиятельных врагов, от главы «US Steel» до шефа ЦРУ Аллена Даллеса и Пентагона. Однако, вероятно, никто не выступал против Кеннеди более жестко, чем влиятельные банкиры Уолл-Стрит. Глава «Chayse Manhattan» и, разворачивающийся в качестве наследника могущественной династии Рокфеллеров, Дэвид Рокфеллер в июле 1962 года открыто напал на экономическую политику Кеннеди в статье в журнале «Лайф» Генри Льюса. Рокфеллер обвинил Кеннеди в попытке удержать процентные ставки слишком низкими и вместо этого призвал к «финан-

совой ответственности», которая привела бы к более высоким процентным ставкам и большим прибылям для торговцев государственными облигациями на Уолл-Стрит, в частности и для «Чейз Манхэттен Банк». Со своей стороны Кеннеди был обеспокоен вытаскиванием экономики из семилетней рецессии¹⁷.

Копия судьбоносного Правительственного распоряжения Джона Кеннеди, бросившего вызов Федеральной резервной системе

ти так же, как сделал Авраам Линкольн. Последний в финансировании Гражданской войны избежал зависимости от лондонских кредитов, вместо этого выпуская беспроцентные американские казначейские билеты — собственно, доллары. Кеннеди издал Правительственное распоряжение 11110 от 4 июня 1963 года. Это распоряжение, которое не требовало утверждения в Конгрессе, наделило американское Министерство финансов полномочиями «выпускать серебряные сертификаты против любого серебряного слитка, серебра или стандартных серебряных долларов в Министерстве финансов»¹⁹.

За пять месяцев до своей гибели (несколько десятилетий спустя выяснилось, что это убийство было проведено группой убийц ЦРУ¹⁸, Кеннеди сделал практически неизвестное публичное заявление, которое, возможно, стоило ему его жизни.

Президент Кеннеди поступил почти

Это означало, что правительство могло вводить в обращение новые деньги на каждую унцию серебра в хранилище американского Министерства финансов. В целом Кеннеди принес в обращение почти 4,3 миллиарда долларов в американских банкнотах номиналом пять и два доллара. Кеннеди был убит, когда были почти готовы к выпуску банкноты США номиналом 20 и 10 долларов. Они никогда не распространялись.

Впервые со времен Линкольна президент выпустил беспроцентные деньги. И впервые президент бросил вызов монопольной денежной власти частной Федеральной резервной системы.

Во время президентства Кеннеди председателем ФРС был Уильям Макчесни Мартин-младший. Когда Мартин в 1970 году покинул Вашингтон, пробыв на посту главы Федеральной резервной системы дольше всех своих коллег, он стал директором Фонда братьев Рокфеллеров и их Фонда семьи Рокфеллеров²⁰. ФРС и Рокфеллеры были одной дружной семьей.

После смерти Джона Кеннеди Правительственное распоряжение 11110 было положено под сукно, сере-

Банкноты, выпущенные в обращение Джоном Кеннеди

бряные сертификаты больше не выпускались, а уже выпущенные выведены из обращения²¹. Само существование Правительственного распоряжения 11110 было скрыто от общественности и забыто или проигнорировано большинством историков.

ЛОНДОНСКИЙ ЗОЛОТОЙ ФОНД ТАЕТ

Утечка американского золота продолжалась несмотря на все меры, и в конце 1961 года Вашингтон убедил Великобританию и европейские центральные банки учредить Международный Золотой фонд, базирующийся в Банке Англии, с целью объединить усилия по предотвращению любой паники по поводу золотых резервов любого государства — члена Фонда. Запросы иностранных центральных банков на получение золота за свои избыточные доллары отныне должны были обслуживаться на 50 процентов американской ФРС и на 50 процентов совместно Великобританией, Германией, Францией, Италией, Бельгией, Нидерландами и Швейцарией. Результатом стало снижение числа требований обмена на золото со стороны основных европейских центральных банков, но ничего не изменилось в запросах на золотой обмен со стороны частных инвесторов.

К октябрю 1962 года прямые частные долларовые инвестиции за границей (американские инвестиции в иностранные фабрики, заводы и прочее, как отмечалось выше) превысили 35 миллиардов, в основном за счет инвестиций в Западную Европу, Канаду и Латинскую Америку. Несмотря на попытку амери-

канского Конгресса замедлить отток американского капитала за рубеж через принятый в сентябре 1964 года Закон об уравнительном налоге на доход от процентов, лазейка, освобождающая от налогов инвестиции в Канаду, позволяла долларам безостановочно утекать за границу²². Эти доллары на руках зарубежных держателей становились основанием для растущей угрозы американским золотым резервам, поскольку держатели подсчитали, что доллар будет только обесцениваться против золота, и уходили в твердое золото, пока это было возможно.

Операции по поддержке доллара срабатывали только до ноября 1967 года, пока не сломалось слабое звено в Бреттон-Вудской цепочке — британский фунт.

Великобритания была вторым столпом послевоенной системы Бреттон-Вуда со своими бывшими колониями в Африке, Азии и прочих регионах, которые для удобства держали золотовалютные резервы в британском фунте стерлингов в банках Лондона. Несмотря на слабость британской индустриальной экономики (ее технологии устаревали по сравнению с Западной Германией или Францией), значение Великобритании, как финансового посредника, помогло сделать лондонский Сити вторым в мире важнейшим центром капиталов после Нью-Йорка. Британские банкиры просто пытались вернуть Лондону то значение, которое он имел перед войной.

Это не сработало. Британские банки, как и их нью-йоркские кузены, предпочитали вкладывать свои средства за границей в ущерб внутренней британской промышленности, все более слабеющим британской

торговле и платежному балансу, ставя под угрозу паритет фунта стерлингов против доллара, который был установлен после девальвации 1949 года. Прибыли на капитал, вкладываемый в европейские отрасли промышленности, составляли 12-14 процентов, в два с лишним раза превышая доходность внутренних американских или британских инвестиций в индустрию.

К середине 1960-х годов, после того, как Великобритания в попытках стабилизировать свою валюту была вынуждена привлечь две большие ссуды Международного валютного фонда, иностранные держатели фунтов стерлингов, опасаясь неизбежного, начали серьезные изъятия депозитов из британских банков и перевод стерлингов в золото или другие валюты, наращивая давление на фунт стерлингов. Поскольку частным финансовым спекулянтам не давали продавать стерлинг и покупать золото, они вместо этого скупали доллары, создавая иллюзию усиления британской валюты. На деле фунт стерлингов оказался слабым звеном во всей послевоенной долларовой Бреттон-Вудской системе. Как только фунт обесценился, внимание немедленно сосредоточилось на глубинной уязвимости доллара США.

ФРАНЦУЗСКАЯ МУХА В БРИТАНСКОЙ МУТНОЙ ВОДЕ

Когда Линдон Джонсон решил существенно увеличить американское участие в боевых действиях во Вьетнамской войне, все более расширяя брешь в американском платежном балансе, в феврале 1965 года французский президент Шарль де Голль произнес речь с резкой критикой международной валютной системы

и нежелания США обесценить доллар против золота, чтобы золотой обмен стал соответствовать реальности.

Де Голль вполне справедливо обвинял американских высших чиновников в, по существу, экспорте американской инфляции в Европу, что позволяло финансировать и войну во Вьетнаме, и программу внутренней политики — так называемую джонсоновскую программу «пушки и масло» — просто за счет печати большего количества долларов, за которыми не стояло достаточно золота. Де Голль, вопреки британским и американским возражениям, призывал вернуться к реальному золотому стандарту, который вынудит страны проводить правильную экономическую политику для исправления растущего дефицита в своих платежных балансах²³.

Утечка золота из Великобритании и США только возрастала. В марте 1965 года по настоянию нью-йоркских и других финансовых групп Конгресс принял закон, отменяющий Монетарный акт 1945 года, по которому Федеральная резервная система была обязана держать обеспеченными золотом или застрахованными 25 процентов от полных резервов не только для банкнот ФРС в обращении, но также и для депозитов банков — членов ФРС. Запасы золота Федеральной резервной системы таяли и почти достигли этого 25-процентного порога. Американское положение в качестве оплота послевоенного золотого обменного Бреттон-Вудского стандарта к середине 1960-х значительно пошатнулось.

В 1949 году Соединенные Штаты держали официальный золотой запас на уровне приблизительно 23 миллиардов долларов против 41 миллиарда в целом на депозитах Федеральной резервной системы и банкнот в

обращении, то есть золотом были обеспечены примерно 57 процентов. К началу 1965 года золотые запасы уменьшились до 15 миллиардов долларов, в то время как депозиты и банкноты в обращении возросли до 55 миллиардов, золотое покрытие теперь составляло только 27 процентов.

Единственной мухой в денежно-кредитной мутной воде аннулирования принудительного 25-процентного американского золотого покрытия был тот факт, что Бреттон-Вуд установил доллар США не просто как национальную валюту, но и как основание для всей мировой платежной системы²⁴. Весь торговый мир принимал доллары США вместо золота, базируясь на представлении, что доллар твердо поддерживается золотом, на которое они могут этот доллар обменять при необходимости. К концу 1960-х годов Франция, Германия, Италия, Бельгия, Нидерланды и Швейцария устойчиво накапливали золото в результате своих положительных торговых балансов.

Призыв Франции к существенной девальвации доллара подвергся резкой атаке Уолл-Стрит и Федеральной резервной системы как «предоставление необоснованного преимущества» для стран, которые накапливали золотые запасы.

Они так никогда и не потрудились объяснить, что по Бреттон-Вудским соглашениям было «необоснованного» у стран, желающих обменять свои избыточные доллары на золото, а не держать раздутые бумажки.

В действительности девальвация доллара ослабила бы его роль и значение американских транснациональных банков и корпораций в мировой экономике, что

вызывало у Денежного треста отвращение уже на стадии рассмотрения.

Экономический советник де Голля Жак Рюэфф объяснил французскую позицию в статье от 5 июня 1969 года в «Уолл-Стрит Джорнэл». Он указал: «Цена золота была установлена на текущем уровне в 1934 году президентом Рузвельтом. С тех пор все цены в Соединенных Штатах более чем удвоились»²⁵.

Рюэфф утверждал, что экономическая логика требует 100-процентной девальвации доллара к золоту, чтобы вернуть нарушенное равновесие.

К 1967 году Великобритания была вынуждена поддерживать фунт, заимствуя иностранные валюты, — сигнал, что конец жестко закрепленного обменного курса совсем близок. Частный международный спрос на золото взамен стерлинга или долларов в 1967 году резко возрос, вызывая все более частые интервенции лондонского Золотого фонда Банка Англии.

В соответствии с законом, утвержденным парламентом в январе 1967 года, Франция приняла полную конвертируемость франка, основываясь на том,

Шарль Де Голль, президент Франции 1959-1969 гг.

что франк был обеспечен золотом более чем на 80 процентов. Этим французы попытались поставить ребром вопрос о срочно необходимой международной денежно-кредитной реформе.

Летом 1967 года Франция отказалась от участия в Золотом фонде, не желая больше использовать свое золото в бесполезном усилии поддержать доллар. Результатом стало продолжающееся падение обменного курса фунта и повышение рыночной цены частного золота. Капиталы продолжали убегать в золото.

Спекулянты, делающие ставки только на надежные вещи, ринулись конвертировать свои фунты в доллары или другие валюты, на которые они затем обычно скупали золото на всех возможных рынках от Франкфурта до Цюриха, от Парижа до Претории. Поскольку частная рыночная цена на золото поднялась относительно неподвижной Бреттон-Вудской цены, сама стабильность доллара, как якоря платежной системы всего мира, оказалась под давлением.

В драме, мало чем отличающейся от кризиса фунта против золота в 1931 году, чрезвычайные стерлинговые стабилизационные займы были неспособны остановить давление на стерлинг. Консорциум богатых золотом швейцарских банков во главе с Объединенным банком Швейцарии в октябре 1967 года обеспечил Великобританию ссуду в 104 миллиона долларов. Международный валютный фонд и основные европейские страны отвергли идею дальнейшей поддержки фунта стерлингов.

Британское правительство вело переговоры о дополнительном частном швейцарском кредите в 1-3 миллиарда долларов, когда 18 ноября 1967 года пре-

мьер-министр от лейбористов Гарольд Уилсон объявил о девальвации фунта против золота на 14 процентов. Новый паритет к доллару был установлен в 2,40 доллара за фунт. Это было намного меньше, чем 30-процентная девальвация 1949 года, но оказалось достаточно существенным в изменившемся мире, чтобы сосредоточить давление на сердце глобальной денежной системы — американском долларе²⁶.

США МСТЯТ ФРАНЦИИ

В ответ на это «невыносимое французское вмешательство» в американскую денежную систему Вашингтон, поддерживаемый банками Уолл-Стрит, пошел в полномасштабное экономическое наступление на Францию и французский франк.

Причиной стала роль Франции как основной стороны денежно-кредитной реформы. Чтобы дискредитировать французскую идею денежно-кредитной реформы, банки Уолл-Стрит и Вашингтон решили подорвать валютную и финансовую стабильность Франции. К началу 1968 года развернулась полномасштабная валютная война, которая, впрочем, открыто не декларировалась. Все проделывалось негласно, однако всем участникам рынка было очевидно, что за последовавшими бегством из франка и утечкой французских золотых запасов стояли именно американские банки. Бегство было спровоцировано нью-йоркскими банками, резко изымавшими свои депозиты из французских банков и скупавшими вместо этого немецкие марки. Это был основной удар. Вашингтон оказал давление на западногерманские банки, чтобы те последовали его

примеру, заявляя об общей нехватке уверенности во французской валютной политике, а не о том, что ведется американская финансовая война.

Вашингтон ограничил французский импорт в США и посоветовал американцам не ездить во Францию на каникулы. Американские компании, которые инвестировали во Францию, начали без лишнего шума выводить свои капиталы из Франции, оказывая дальнейшее давление на франк²⁷.

Тогда, выбрав момент, который едва ли был случайным, малоизвестная радикальная левая анархистская секта «Situationist International» вырвалась на французскую политическую арену и получила экстраординарное освещение в ведущих англо-американских СМИ, таких как лондонский «Экономист».

Она появилась неизвестно откуда и позиционировала себя как лидеров студенческого правительства в Университете Западный Париж («Нантер-ля-Дефанс») и влиятельную силу в студенческом движении Сорбонны.

Уолл-Стрит и лондонский Сити воспользовались, широко освещавшимся в прессе, восстанием студентов Парижского университета в мае 1968 года. Несмотря на очевидность широкого распространения и политического разнообразия студенческого движения вокруг Сорбонны, СМИ в одну ночь сделали молодого радикала, дармоеда-ситуациониста Даниэля Кон-Бендита* известным как «Че Гевара французских и германских левых». Кон-Бендит входил в группу, которая организовывала забастовку 12 тысяч студентов в ноябре 1967 года против переполнения университетских помещений. В предыдущие десять лет число учащихся во Фран-

ции выросло со 170 тысяч до 514 тысяч человек.

Общая площадь, покрытая университетскими зданиями, с 1962 года удвоилась, когда как число студентов почти утроилось. Строения отчаянно не соответствовали новой ситуации, и переполнение зданий стало серьезной проблемой. Это было «социальным трутом», и требовалось совсем немного, чтобы высечь искру²⁸.

Позиции де Голля были ослаблены, а общественная поддержка серьезно пострадала от финансового кризиса и жестокости полиции против студентов и их сторонников во время восстания мая 1968 года — события, которые агентства американской разведки, действовавшие в гуще студентов, по крайней мере поощряли²⁹. Год спустя, в апреле 1969 года, де Голль ушел в отставку.

Круги, управляющие финансовой атакой на франк, искусно распустили слух, что немецкую марку собираются повторно повысить против франка, что и далее подпитывало панические продажи французской валюты и утечку французского золота. Когда накал студенческих протестов спал, результат финансового кризиса стал очевидным: разрушительная утечка французских резервов и ухудшение международной финансовой способности Франции стать угрозой доллару.

Между мартом 1968 года и мартом 1969-го французские золотовалютные резервы упали на 80 процентов, поскольку Банк Франции безуспешно попытался защитить паритет франка к доллару. К августу 1969 года Франция была вынуждена обесценить свою валюту на 12 процентов. К октябрю западногерманские финансовые органы были вынуждены оценить немецкую марку на 8 процентов выше, уве-

личив на 20 процентов разрыв между двумя самыми сильными экономическими системами Европейского экономического сообщества.

Германия была не в том положении, чтобы поддержать французское требование реформы денежно-кредитного порядка или сопротивляться давлению американских банков, требующих присоединиться к атаке на франк. Она боялась вывода американских войск, на что намекнул Вашингтон. Без американского военного присутствия, как последней гарантии американского ядерного зонтика, Германия чувствовала себя

Постеры Situationist International

перед СССР очень неуютно.

С помощью финансовой атаки на режим де Голля Уолл-Стрит и Федеральная резервная система выиграли немного времени, прежде чем фокус

внимания вернулся к уязвимости доллара. Отсрочка продлилась недолго: атаки на доллар скоро возобновились.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Advisory Committee on Postwar Foreign Policy, Security Subcommittee, Minutes S-3, 6 May 1942, Notter File, Box 77, Record Group 59, Records of the Department of State.

National Archives, Washington D.C.

2 Perlo V. American Imperialism. International Publishers, New York, 1951.

3 Burnham J. The Struggle for the World. John Day & Co., New York, 1947. P. 188, 193-195.

4 Ibid. P. 193-195.

5 Ibid. P. 201.

6 Roosevelt El. As He Saw It. Duell, Sloan and Pearce, New York, 1946. P. 41.

7 Dutt R. P. The Crisis of Britain and the British Empire. Lawrence & Wishart, London, 1953. P. 166.

8 Ibid. P. 166-167.

9 Ibid. P. 168.

10 Ibid. P. 170.

11 Ibid. P. 174.

12 Collins P. D. Conquest by Convergence: The Case Against

Elite Convergence. 2003 // www.conspiracyarchive.com/NWO/Elite_Convergence.htm. Об обстоятельствах роли Рокфеллера в Движении к независимости в начале 1960-х годов.

13 Stadnichenko A. Monetary Crisis of Capitalism. Progress Publishers, Moscow, 1975. P. 126-127.

14 Triffin R. The Dollar in Crisis. Yale University Press, New Haven, 1961. P. 228-229. 15 Kennedy J. F. Annual Message to the Congress on the State of the Union, January 30, 1961 // www.jfklink.com/speeches/jfk/publicpapers/1961/jfk11_1961.html.

16 Ibid.

17 Gibson D. Battling Wall Street: The Kennedy Presidency. Sheridan Square Press, New York, 1994. P. 73-75.

18 Dankbaar W. Files on JFK: Interviews with confessed assassin James E. Files. Trafford Publishing, Victoria, BC, 2005. P. 43-108. Файл, сидя в федеральной тюрьме США в Жуйе, штат Иллинойс, сделал письменное признание о том, что он входил «группу убийц по поручению» ЦРУ, которая возглавлялась офицером ЦРУ Дэвидом Филлипсом Атли и имела своей миссией убийство Кеннеди с тем, чтобы на виду остался только Ли Харви Освальд, который примет на себя вину как «одинокий убийца».

19 Kennedy J. F. Executive Order 11110: Amendment of Executive Order No. 10289, as Amended, Relating to the Performance of Certain

Functions Affecting the Department of the Treasury, June 4, 1963. Воспроизведено в The Final Call. January 17, 1996. Vol. 15. No. 6

// www.john-f-kennedy.net/executiveorder/11110.htm.

20 Collier P. and Horowitz D. The Rockefellers: An American Dynasty. Holt, Rinehart & Winston, New York, 1976. P. 560.

21 Wayne A. John F. Kennedy vs the Federal Reserve // www.john-f-kennedy.net/theFederalreserve.htm.

22 Johnson L. B. President, Executive Order 11198 — Imposition of Interest Equalization Tax on Certain Commercial Bank Loans, February 10, 1965 // www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=60529.

23 Ibid. P.156.

24 The United States Federal Reserve System. Consolidated Position of the Federal Reserve Banks. Federal Reserve Bulletin, Table 15, February 1965. P. 230.

25 Rueff J. // The Wall Street Journal, June 9, 1969.

26 Hamilton A. Beyond the Sterling Devaluation: The Gold Crisis of March 1968. Contemporary European History, 2008. Vol. 17, No.1. P. 73-95.

27 Stadnichenko A. Op. cit. P. 204-211.

28 Vienet R. Enrages and Situationists.in the Occupations Movement, 1968. Situationist International Online Archive // www.cddc.vt.edu/sionline/si/enrages.html.

29 Council for Maintaining the Occupation. Report on the Occupation of the Sorbonne. Paris, 19 May 1968. // www.cddc.vt.edu/sionline/si/occupation.html.

* Уильям Джозеф Донован (1 января 1883 — 8 февраля 1959 года) был военнослужащим, юристом и офицером разведки США. В историю вошел как военный глава Управления стратегических служб (УСС). Также известен как «отец американской разведки» и «отец Центрального разведывательного управления».

* Увеличение затрат на оборону без нанесения ущерба развитию экономики и социальной защите населения.

* Даниэль Марк Кон-Бендит (Daniel Marc Cohn-Bendit, род. 4 апреля 1945 года в Монтобана, Франция) — европейский политический деятель. Лидер студенческих волнений во Франции в мае 1968 года, позднее — деятель французской и германской зеленых партий. С 2002 года является сопредседателем группы «Европейские Зеленые — Европейский свободный альянс в Европарламенте». Один из немногих западноевропейских политиков, участвующих в политической жизни двух стран (Германии и Франции).

Глава 7

РЕЙГАНОВСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ДЛЯ «ДЕНЕЖНЫХ МЕШКОВ»

«Они сделали для уничтожения американской индустрии больше, чем какая-либо другая группа в истории. И все же они не останавливаются, приговаривая, что все великолепно. Как волшебник в стране Оз».

Американский нефтепромышленник Роберт О. Андерсон по
поводу Волкера и Рейгана¹

МОНЕТАРИСТСКИЙ ПЕРЕВОРОТ ПОЛА ВОЛКЕРА

Если нефтяной шок в 1973 году вызвал поляризацию американского общества, разделив его на меньшинство, чье состояние росло, и большинство, чей жизненный уровень медленно, но верно понижался, терапия монетарного шока довела этот процесс до логического завершения. Инициированный 6 октября 1979 года Полом Волкером процесс означал переворот «денежных мешков» в США.

Маргарет Тэтчер и Джек Линч, 1980 г.

Монетарная шоковая терапия, которую Волкер применил в США, была разработана и внедрена несколькими месяцами раньше в Великобритании премьер-министром Маргарет Тэтчер. Волкер и его ближний круг друзей-банкиров с Уолл-Стрит, включая Morgan Guaranty Trust Company, просто перенесли модель Тэтчер в американские условия. Задача в обоих случаях (и в Великобритании, и в США) состояла в том, чтобы резко изменить перераспределение богатства и доходов в пользу пяти процентов или даже меньшей доли наиболее богатых.

В мае 1979 года Маргарет Тэтчер выиграла выборы под лозунгом «выдавливания инфляции из бри-

танской экономики». Но Тэтчер и ее ближнее окружение из современных Адамов Смитов — идеологов «экономики свободного рынка» — вводили в заблуждение избирателей, настаивая на том, что основной причиной 18-процентной инфляции цен в Британии был перерасход правительственного бюджета, а не 140-процентный с момента свержения иранского шаха рост цен на нефть.

По утверждению советников Тэтчер, растущие в результате инфляции цены можно было вновь понизить только за счет сокращения притока денежных средств, индуцируя таким образом экономическую депрессию. Поскольку, по утверждению Тэтчер, главным источником «лишних денег» являлся хронический дефицит правительственного бюджета, то для обуздания денежной инфляции требовалось суровое урезание государственных расходов. Одновременно в качестве своего вклада в эту политику Банк Англии ограничил кредитование экономики, повысив процентные ставки. Это во всех отношениях совпадало со «Второй американской революцией» Рокефеллера, которая была названа в этот раз «революцией Тэтчер».

В июне 1979 года, всего через месяц после прихода к власти Тэтчер, ее министр финансов сэр Джеффри Хау поднял базовые банковские ставки на ошеломляющие пять процентов. Всего за 12 недель они выросли с 12 до 17 процентов. Это привело к беспрецедентному 42-процентному росту стоимости займов и для промышленности, и для домохозяйств. Никогда еще в современной истории индустриальное государство не испытывало такого потрясения за столь короткий срок, если не говорить о чрезвычайных

экономических обстоятельствах военного времени.

Для поддержания высоких процентных ставок Банк Англии приступил к одновременному снижению суммы денег в обращении. В результате монетаристской революции Тэтчер обанкротились многие предприятия, поскольку оказались не в состоянии производить выплаты по займам; семьи не смогли покупать новые дома; долгосрочные инвестиции в электростанции, тоннели, железные дороги и другую инфраструктуру упали практически до нуля.

Тэтчер также проводила драконовскую политику в отношении профсоюзов, вынудив воинственных британских шахтеров сдать позиции после жестоких месяцев забастовки, за что заслужила прозвище «Железная леди». Уровень безработицы в Британии удвоился: с 1,5 миллиона безработных на момент ее прихода к власти до 3 миллионов к концу первых 18 месяцев правления. Это было частью стратегии банкиров: расчет на то, что отчаявшиеся безработные будут работать за меньшие деньги, лишь бы получить любую приличную работу. Тэтчер целила в профсоюзы, утверждая, что они препятствуют успеху монетаристкой «революции», и обвиняя именно их в раскручивании инфляции.

Тогда же Тэтчер оказала еще одну услугу крупным банкам лондонского Сити, устранив контроль над обменом валюты, так что вместо инвестирования капитала в перестройку, прогнившей индустриальной базы Британии, фонды уходили на спекуляции недвижимостью в Гонконге или на выгодные займы странам Латинской Америки².

После 1979 года начавшаяся в Британии, продолженная в США, а затем и вышедшая за пределы англо-американского мира шоковая волна радикального монетаризма Тэтчер и Волкера распространялась, как раковая опухоль. Страны одна за другой прогибались под требованиями о сокращении правительственных расходов, снижении налогов, дерегулировании промышленности и подрыве влияния профсоюзов. По всему миру процентные ставки взлетели до уровней, ранее не виданных в мирное время.

В начале 1980-х годов политика монетарного шока Волкера подняла процентные ставки в США до невероятных 20 процентов.

Экономическая подошпка таких жестких процентных ставок вскоре стала очевидной. При ставке 20 или даже 17 процентов любые инвестиции в промышленность, требующие четырех-пяти лет, чтобы окупиться, становились просто невозможными. Уже одна только выплата процентов по займам на строительство это запрещала.

УНИЧТОЖЕНИЕ СБЕРЕГАТЕЛЬНЫХ БАНКОВ

Шоковая терапия Волкера была взята на вооружение бездарным президентом Картером, который в марте 1980 года охотно подписал беспрецедентный документ — Закон об отмене регулирования депозитарных учреждений и кредитно-денежного контроля. Этот закон стал первым в серии шагов, предпринятых основными нью-йоркскими банками, возглавляемыми Дэвидом Рокфеллером, в американской и мировой экономике в последующий период.

Он дал ФРС право применять свои резервные требования к банкам, включая ссудосберегательные, даже если они не являлись членами ФРС, позволив кредитному шоку Волкера в достаточной степени перекрыть поток кредитования. Кроме того, новый закон ликвидировал любые официальные ограничения сверху по процентным ставкам, которые банки могли налагать на своих клиентов в соответствии

Дэвид Рокфеллер, возглавлял Chase Manhattan Bank

с «Правилем Кью» ФРС, а также отменил все законы штатов, которые устанавливали какие-либо ограничения по процентным ставкам, так называемые антиростовщические законы³.

«Правило Кью» запрещало банкам выплачивать проценты по вкладам до востребования и, таким образом, поощряло ссудосберегательные банки, которым позволялось платить проценты по долгосрочным вкладам. Крупные нью-йоркские и другие банки в мировых финансовых центрах уже давно обошли это ограничение «Правила Кью» с помощью инвестиционных фондов и других учреждений. У ссудосберегательных банков не было такой возможности, они имели строгие ограничения на сберегательные счета, что делало их менее привлекательными для потребителей, чем конкурирующие инвестиционные фонды больших банков. Отмена «Правила Кью», тогда выглядевшая логичной, на самом деле уничтожила экономику традиционных ссудосберегательных банков

в США, открыв их к захвату со стороны крупных коммерческих банков.

Теперь, согласно новой религиозной догме, которую британцы назвали неолиберальным монетаризмом, только небо могло бы стать пределом для процентных ставок. Деньги должны были стать божеством, весь мир — его ревностным служителем. А банкиры Уолл-Стрит должны стать, Богами денег.

Глобальное воздействие высоких процентных ставок Волкера опустошило индустриальный и развивающийся мир. К началу 1980-х годов во всем мире долгосрочные финансируемые правительством капиталовложения в инфраструктуру (в железные дороги, шоссе, мосты, канализационные системы, строительство электростанций) в результате агрессивной политики Тэтчер — Волкера начала 1980-х были уничтожены.

Международный институт чугуна и стали подсчитал, что с момента первого нефтяного шока в 1975 году до 1985 года в крупных промышленно развитых странах общая доля всех правительственных расходов, выделенных на строительство общественной инфраструктуры, упала в два раза. Мировое производство стали, грузооборот и другие показатели реальных физических экономических процессов отражали катастрофическую картину англо-американской политики монетарного шока. Мировая сталелитейная промышленность вошла в самую глубокую депрессию с 1930-х годов⁴.

Монетарный шок Пола Волкера и последовавший за ним экономический спад в США наряду с сабо-

тажем республиканцами переговоров об освобождении заложников в Иране стали причиной поражения Картера на выборах 1980 года.

ПРИМЕНЕНИЕ МОНЕТАРНОЙ ТЕРАПИИ

Архиконсервативный президент-республиканец, бывший голливудский актер Рональд Рейган не испытывал особенных трудностей с поддержкой политики шоковой терапии Волкера. Еще в то время, когда Рейган был губернатором Калифорнии, его наставлял гуру монетаризма Милтон Фридман, который также был и советником Маргарет Тэтчер.

Одним из первых действий Рейгана на посту президента в начале 1981 года (после того, как он через несколько минут после инаугурации магическим образом освободил заложников, членов посольства США, из плена в Тегеране) стал роспуск профсоюза авиадиспетчеров. Это послужило сигналом другим профсоюзам даже не пытаться искать помощи правительства в борьбе с высокими процентными ставками. Рейган был столь же загипнотизирован идеей «выдавить» инфляцию, как и его британский союзник — Тэтчер.

Неофициальным советником Рейгана по экономической политике оставался нобелевский лауреат по экономике Милтон Фридман. Администрация Рейгана была заполнена адептами радикального монетаризма Фридмана, а также последователями австрийского экономиста-рыночника Людвига фон Мизеса.

Могущественные банковские круги в Нью-Йорке

были твердо намерены использовать в американской экономике те же самые радикальные меры, которые ранее были предприняты Фридманом в Чили, чтобы сломать хребет чилийской экономике при диктаторе Аугусто Пиночете. Политика Фридмана также проводилась аргентинской военной хунтой в конце 1970-х — начале 1980-х годов, чтобы сломить профсоюзы и уничтожить средний класс в стране.

Модель невмешательства государства в экономику была теперь привнесена на внутренний рынок в США с катастрофическими последствиями для долгосрочной экономической стабильности страны, хотя сначала не было очевидно, насколько жестокими они будут.

Как и рассчитывалось, шоковая терапия Волкера дала второе дыхание власти американской финансовой системы. Побочным продуктом политики высоких процентных ставок Волкера, которой он твердо придерживался до октября 1982 года, стало возрождение американского доллара, поскольку капиталы потекли в американские облигации и другие активы, где можно было заработать на очень высокой процентной ставке.

ВОЛКЕР ВЗРЫВАЕТ БОМБУ ЗАДОЛЖЕННОСТИ

Латиноамериканский кризис задолженности, зловещий предвестник субстандартного кризиса в США в 2007 году, разразился как прямой результат шоковой терапии высоких процентных ставок. В августе 1982 года Мексика объявила, что больше не способна

выплачивать проценты по своему ужасающему долларовому долгу. Мексика, наряду с большей частью третьего мира от Аргентины, Бразилии, Нигерии, Конго до Польши и Югославии, попала в долговую ловушку нью-йоркских банков.

Ловушка была в следующем: огромные количества переработанных нефтедолларов ОПЕК инвестировались в крупные нью-йоркские и лондонские банки («евродолларовые банки»), которые затем предоставляли эти доллары безрассудным заемщикам третьего мира. Эти кредиты с самого начала давались по плавающим процентным ставкам, привязанным к текущей лондонской межбанковской ставке, так называемой ставке ЛИБОР*⁵.

Однако, когда в течение нескольких месяцев ставки ЛИБОР неожиданно подскочили приблизительно на 300 процентов в результате шоковой терапии Волкера, те страны-дебиторы, которые занимали доллары по плавающим процентным ставкам у международных банков в Нью-Йорке и Лондоне, оказались неспособны продолжать обслуживать свой долг. Те же самые нью-йоркские банки в точности повторят этот сценарий в течение пузыря секьюритизации финансирования жилищного строительства после 2000 года с низкими процентными ставками в первый год погашения, ипотекой под плавающий процент и другими уловками.

Именно тогда МВФ заработал как управляющий в стране-должнике (жертве), расчищая дорогу крупным нью-йоркским банкам и американскому Министерству финансов. Шел величайший во всемирной исто-

рии разгул грабежа, неверно названный кризисом задолженности третьего мира. Размах этого разгульного грабежа в течение 1980-х годов превзошла только прибыль крупных банков от мошенничества ипотечной секьюритизации 2000-2007 годов.

Шоковая политика Волкера запустила этот кризис, а банки Нью-Йорка и Лондона сорвали на нем большой куш.

Здание Atlantic Richfield Oil Company в Лос-Анджелесе

К 1986 году, после семи лет неизменно высоких процентных ставок ФРС Волкера, внутреннее состояние американской экономики было ужасающим. Почти вся Америка дошла до состояния, когда стала напоминать страну третьего мира с разрастающимися трущобами, безработицей, выражаемой двузначным числом, нарастающим уровнем преступности и местной наркоманией. Исследование Федеральной резервной системы показало, что 55 процентов всех американских семей были чистыми должниками. Дефицит федерального бюджета нарастал до беспрецедентного уровня со скоростью более 200 миллиардов долларов ежегодно.

В действительности Волкер, который ранее работал в Chayse Manhattan Bank был послан Дэвидом Рокфеллером в Вашингтон, чтобы сделать одну вещь — спасти доллар от катастрофы свободного падения, которая угрожала значению доллара США как глобальной резервной валюты, и спасти таким образом

рынки облигаций для состоятельной верхней страты американского элитного общества, обладающей серьезными деньгами. Это была контрреволюция финансовых олигархов против уступок, которые они были вынуждены дать «низшим классам» в течение и после Великой депрессии.

Та роль, которую доллар играл в качестве резервной мировой валюты, была тайным ключом американского финансового могущества. Благодаря американским завышенным процентным ставкам иностранные инвесторы устремились в страну, чтобы пожинать прибыль от скупки американских долговых обязательств. Облигации, американский государственный долг, были сердцем управления международной финансовой системы руками Уолл-Стрит. Шоковая терапия Волкера для экономики приносила астрономическую прибыль финансовому сообществу Нью-Йорка.

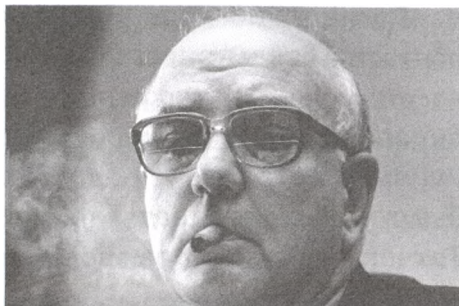
Волкер в своей миссии преуспел во всем.

За период с 1979 по 1985 год доллар вырос до абсолютного максимума по отношению к валютам Германии, Японии, Канады и других стран. Однако этот переоцененный американский доллар сделал американскую продукцию чрезмерно дорогой на мировых рынках и привел к резкому снижению промышленного экспорта США.

Высокие процентные ставки ФРС с октября 1979 года привели к крупному снижению отечественного строительства, окончательному крушению американской автомобильной промышленности, а вместе с этим производства стали, поскольку американские производители выносили производство за границу,

где ценовые преимущества были выше.

Что касается Пола Волкера и тех, кто его поддерживал в Белом доме при Рейгане, даже верный республиканец Роберт О.

Пол Волкер, автор «Шоковой политики» в США в 80-е годы

Андерсон, председатель Atlantic Richfield Company, выразил недовольство: «Они сделали для уничтожения американской индустрии больше, чем какая-либо другая группа в истории. И все же они не останавливаются, приговаривая, что все великолепно. Как волшебник в стране Оз»⁶.

ПОМОЩЬ МВФ ТОПИТ ТРЕТИЙ МИР

Не было бы никакого кризиса задолженности третьего мира в 1980-х годах, если бы не было радикальной политики монетарного шока Маргарет Тэтчер и Пола Волкера.

Но после того, как правительство Тэтчер применило в начале июня 1979 года монетарный шок и подняло процентные ставки, а в октябре того же года Федеральная резервная система Пола Волкера продолжила эту политику, бремя процентных ставок по долгам третьего мира моментально возросло, поскольку ставки ЛИБОР на лондонском евродолларовом рынке подскочили со средних семи процентов в начале 1978 года до почти 20 процентов к началу 1980 года, и этот эффект аукнулся по всему миру.

После 1980 года бремя процентной ставки по обязательствам внешнего долга стран третьего мира взлетело до стратосферы, а также рухнул рынок товаров, экспортируемых в развитые страны развивающимися странами — должниками, которым нужно было как-то отдавать долги. Монетарная «терапия» Тэтчер — Волкера вызвала цепную реакцию во всем мире.

Страны-должники третьего мира попали в тиски ухудшающихся условий торговли собственными экспортными товарами, падения экспортных доходов и быстрого роста процентных ставок по кредитам. Это и было тем, что Вашингтон и Лондон предпочитали называть долговым кризисом стран третьего мира. Но сам кризис был задуман и сделан в Лондоне, Нью-Йорке и Вашингтоне, а не в Мехико, Бразилии, Буэнос-Айресе, Лагосе или Варшаве.

Страны-должники заплатили много раз «потом и кровью» современным Гобсекам из Нью-Йорка и Лондона, Токио и Франкфурта. МВФ, буквально приставив пистолет к виску, вынуждал многочисленные страны-должники третьего мира подписывать то, что банки эвфемистически называли «урегулированием долгов» с американскими частными банками, чаще всего с Citycorp или Chayse Manhattan bank.

Могущественные группы частного банковского дела объединились после встречи за закрытыми дверями в английском поместье Дитчли (владелец которого Дэвид Уиллс основал Фонд для развития англо-американских отношений). Повестка дня собрания состояла в том, чтобы создать кредиторский картель

ведущих банков, возглавляемый нью-йоркскими и лондонскими банками, который позднее был назван Институтом международных финансов, или, неофициально, группой Дитчли. Они договорились осуществить то, что один из наблюдателей охарактеризовал как особый вид «социализма банкиров», когда частные банки распределяют свои основные ссудные риски по налогоплательщикам, одновременно присваивая всю прибыль. Это похоже на то, как администрация Буша-младшего в 2008 году в экстренном порядке спасала банки.

Как только банкиры и их союзники в администрации, такие как министр финансов Дональд Риган, достаточно запугали президента Рейгана последствиями текущей ситуации, Белый дом призвал Пола Волкера, банки и МВФ реализовывать для каждой из стран-должников программу строгой «обусловленности кредитов обязательством проводить определенную экономическую политику».

Идея поместить МВФ с его «строгой обусловленностью кредитов» в центр переговорного процесса по возврату долгов была американской. По существу, она представляла собой практически точную копию того, что нью-йоркские банкиры проделали с Германией и остальной Европой после 1919 года по злополучному плану Дауэса и пытались проделать еще раз позднее по плану Янга⁷.

Условия предоставления кредитов МВФ и согласие страны подписать договор с этой организацией были частью программы, разработанной официаль-

ным представителем США в МВФ Ирвином Фридманом, который позднее был вознагражден за свою работу высокой должностью в «Ситикорп». МВФ, как отмечалось ранее, первоначально был создан в 1944 году в Бреттон-Вуде, чтобы стабилизировать валюту и торговые отношения индустриальных стран. И теперь фонд осваивал абсолютно новую задачу: стать долговым полицейским на службе у нью-йоркских банков.

Рецепты МВФ, или терапия «обусловленными кредитами», были одинаковыми для всех стран. Потерпевшей стране-должнику говорилось, что, если она хочет когда-либо еще получить хотя бы копейку в виде займа от иностранного банка, она должна на корню пресечь импорт товаров, жестко урезать государственный бюджет (наиболее часто сокращались государственные субсидии на продукты питания и другие нужды) и обесценить национальную валюту, чтобы сделать свои экспортные товары «привлекательными» для промышленно развитых стран, то есть сделать их дешевле пареной репы, что одновременно непомерно завышало стоимость импорта высокотехнологичных промышленных товаров. Все это, по утверждениям чиновников МВФ, необходимо, чтобы заработать твердую валюту для обслуживания долга⁸.

Программа МВФ по структурному реформированию была только первым шагом; она делала кандидата удовлетворяющим критериям для второго этапа — соглашения с банками-кредиторами о реструктуризации графика погашения иностранных

долгов или их основной части. На втором этапе банки по договору обретали огромные будущие права на страны-должники, поскольку к общей сумме займа добавлялась задолженность по просроченным процентам — капитализация процентов, как банкиры называли это.

Конечным итогом бесчисленных долговых реструктуризаций с 1982 года стало невероятное увеличение суммы долга банкам-кредиторам, хотя эти банки не дали странам Латинской Америки ни одной новой копейки денег. По данным ведущей швейцарской страховой компании Swiss Re, общая сумма иностранных займов для всех развивающихся стран, включая как долгосрочные, так и краткосрочные, уверенно выросла с 839 миллиардов в 1982 году до почти 1300 миллиардов долларов к 1987 году. Практически весь этот прирост был вызван дополнительным бременем рефинансирования неоплаченного старого долга, который было невозможно выплатить и который добавлялся к экономическому бремени. Это были вовсе не новые кредиты.

МВФ стал мировым финансовым полицейским, обеспечивая выплату ростовщических долгов путем применения самых драконовских мер в истории. Решающий блок голосов в МВФ твердо контролируется американо-британской осью, поэтому МВФ стал глобальным двигателем фактической англо-американской неокOLONиальной денежно-кредитной и экономической диктатуры, проводимой наднациональным учреждением, обладающим иммунитетом от какого-либо демократического политического контроля.

Американские банки (на сегодняшний день крупнейшая группа, вовлеченная в кредитование Латинской Америки) оказывали грубый нажим на своих банковских коллег в странах Западной Европы и Японии с тем, что они должны «солидаризоваться» и следовать тому же сценарию МВФ либо оказаться перед лицом перспективы краха международной банковской системы.

По мере того, как должников одного за другим вынуждали принимать условия МВФ и банков-кредиторов, разворот потоков капитала происходил в титаническом масштабе. По данным Всемирного банка, между 1980 и 1986 годом на группу из 109 стран-должников приходилось только выплат по процентам на 326 миллиардов долларов. Выплаты основного долга по тем же займам составляли 332 миллиарда долларов, то есть общие выплаты, включая проценты по займу, составили 658 миллиардов долларов при первоначальной сумме долга в 430 миллиардов.

Несмотря на все предпринимаемые усилия, в 1986 году эти 109 стран все еще были должны своим кредиторам сумму в 882 миллиарда долларов. Это была невероятная долговая трясина. Так работали чудеса сложного процента по займу и плавающих ставок ЛИБОР⁹. Страны-должники были пойманы в долговую ловушку, единственный выход из которой, предлагаемый к удобству банков-кредиторов в Нью-Йорке и Лондоне, состоял в отказе от суверенного контроля над собственной национальной экономикой, особенно в сфере ценных национальных ресурсов, таких как нефть и другое сырье.

Исследование, проведенное Хансом К. Расмуссеном по заказу датского комитета ЮНИСЕФ, акцентирует внимание на том, что в начале 1980-х годов происходила массивная перекачка капиталов из хронически безденежного третьего мира в основном на покрытие дефицита в США. Это был фактический империализм, или, как некоторые это называли, неокOLONИализм под маской технократии МВФ¹⁰.

Расмуссен оценил, что в 1980-е годы только в Соединенные Штаты все страны развивающегося сектора перевели 400 миллиардов долларов. Это позволило администрации Рейгана финансировать крупнейший в истории бюджетный дефицит мирного времени, в то же время неправомерно приписывая себе заслугу «самого долгого периода подъема экономики в мирное время»¹¹. С высокими процентными ставками, растущим долларом и при полной поддержке со стороны американского правительства около 43 процентов огромного бюджетного дефицита США в 1980-е годы де-факто было профинансировано за счет ограбления стран-должников из когда-то развивавшегося сектора. Как и в случае с репарациями по Версальским соглашениям после Первой мировой войны, для англо-американских банкиров долги были только средством установления фактически полного экономического контроля над суверенными государствами.

Но даже грабежа погрязшего в долгах развивающегося мира оказалось недостаточно. Долговая стратегия администрации Рейгана, Волкера и нью-йоркских банков также обложила данью и вну-

треннюю экономику США. В мае 1986 года Объединенный экономический комитет Конгресса США подготовил исследование, выполненное штатными сотрудниками и названное «Влияние долгового кризиса в латиноамериканских странах на экономику США». В докладе приводились данные об огромных потерях рабочих мест и экспорта, поскольку ограничения МВФ вынудили страны Латинской Америки фактически прекратить промышленный и другие виды импорта ради обслуживания долга. В докладе было отмечено: «Теперь становится ясно, что политика администрации вышла за пределы необходимой защиты банков от банкротства... Управление администрацией Рейгана долговым кризисом, в сущности, принесло выгоду институтам, которые сыграли ключевую роль в провоцировании этого кризиса, и принесло убытки тем секторам экономики США, которые не играли никакой роли в его возникновении»¹².

Под институтами, которые ввергли [страну] в кризис, подразумевались ФРС Волкера и нью-йоркские банки. Исследование Конгресса было проигнорировано прессой и немедленно предано забвению.

Пожалуй, еще хуже в результате англо-американской долговой стратегии жила Африка. Нефтяные потрясения и последующий шок 20-процентных ставок, а также падение мирового индустриального роста в 1980-е годы стали буквально смертельным ударом почти для всего континента. Вплоть до 1980-х годов черная Африка на 90 процентов зависела от экспорта сырья, необходимого для финансирования программ развития. С начала 1980-х мировые долла-

ровые цены на сырье, начиная от хлопка и кофе до меди, железной руды и сахара, непрерывно падали.

К 1987 году цены на сырье упали до самого низкого уровня со времен Второй мировой войны — до уровня цен 1932 года, глубокой экономической депрессии. Коллапс 1980-х годов, который продлится почти 20 лет, пока в первые годы следующего века экономический бум в Китае не развернет его вспять, был преднамеренной политикой американских финансовых группировок, чтобы подпитывать экономический рост, основанный на практически бесплатном сырье в «глобализированной» экономике.

Если бы цены на экспортируемое сырье стабильно держались хотя бы на уровне цен 1980 года, то черная Африка заработала бы дополнительные 150 миллиардов долларов за 1980-е годы. В 1982 году, в самом начале долгового кризиса, африканские страны были должны банкам-кредиторам в США, Европе и Японии приблизительно 73 миллиарда долларов. К концу десятилетия эта сумма после реструктуризации графика возврата долгов и различных вмешательств МВФ в экономики африканских стран возросла до 160 миллиардов долларов, практически достигнув того уровня, сколько они могли бы заработать при стабильных ценах на экспортное сырье.

ЧТО ПОСЕЕШЬ, ТО И ПОЖНЕШЬ

Последствия нефтяных шоков и валютных потрясений в результате высоких процентных ставок 1970-х годов были слишком похожи на 1920-е годы.

Вместо бремени версальских репараций на мировых производственных инвестициях мир нес тягостное бремя процесса реструктуризации МВФ задолженностей стран третьего мира. Невероятные темпы инфляции в первой половине 1980-х годов (как правило, 12-17 процентов в год) диктовали условия начисления процентов на капитал.

После октября 1982 года политика «структурного регулирования» МВФ для перекачивания миллиардов долларов из стран третьего мира привела к огромной и непредвиденной финансовой ликвидности в американской банковской системе. Одновременное рвение Уолл-Стрит и министра финансов Дональда Ригана к отмене правительственных «оков» на финансовых рынках завершилось феерией финансовых эксцессов. Когда к концу десятилетия пыль осела, кое-кто начал понимать, что свободный рынок Рейгана уничтожил чуть ли не всю национальную экономику.

В августе 1981 года президент Рональд Рейган подписал законопроект о самом значительном в послевоенной истории снижении налогов. Он содержал положения,

Дональд Риган (на фото в центре), министр финансов, 1982 г.

которые давали щедрые налоговые льготы для некоторых видов спекулятивных инвестиций в недвижимость, особенно в коммерческую. Правительственные

ограничения по корпоративным захватам были также сняты, и Вашингтон дал ясно понять, что

«можно все», пока это стимулирует промышленный индекс Доу — Джонса.

Летом 1982 года, когда Белый дом заручился согласием Пола Волкера и Федеральной резервной системы в том, что процентные ставки наконец-то начнут снижение, спекулятивная «золотая лихорадка» уже была на старте.

Чтобы убедить Волкера в том, что пора ослабить удавку на денежных потоках, весной того же года параллельно с мексиканским кризисом произошло банкротство небольшого банка нефти и недвижимости Penn Square Bank в Оклахоме. Удержание высоких процентных ставок грозило вызвать цепную реакцию крахов в банковской системе.

И за следующие полгода учетная ставка ФРС США была радикально снижена в семь раз — до уровня в четыре процента. На фоне таких низких ставок финансовые рынки пришли в возбуждение. Облигации и акции взлетели вверх. Иностраннный капитал хлынул на нью-йоркские финансовые рынки за легкой прибылью, подтолкнув доллар еще выше.

«Экономический подъем» Рейгана ничего не сделал для поощрения инвестиций в совершенствование технологий и повышение производительности труда в промышленности за малым исключением горстки военных и аэрокосмических фирм, которые получали официальные государственные оборонные контракты. Деньги вместо этого уходили в спекуляции недвижимостью, спекуляции на фондовом рынке, нефтяные скважины Техаса и Колорадо — во все так называемые «налоговые убежища».

Как только процентные ставки Волкера пошли вниз, разгорелась лихорадочная спекулятивная деятельность. Задолженность приобрела новый вид. Люди получили сигнал, что дешевле занять сегодня и вернуть завтра с более низким процентом. Это сработало не совсем так, как задумывалось. В то время как в американских городах продолжалось длившееся уже 20 лет ветшание, падали мосты, приходили в негодность без надлежащего ремонта дороги и разрушались школы, новые торговые центры из стекла и бетона зачастую так и оставались пустующими.

РАСКОЛ ОРГАНИЗОВАННОГО ТРУДОВОГО ДВИЖЕНИЯ

Центральной частью политики Рейгана по примеру Тэтчер были профсоюзы, которые трактовались как «часть проблемы». Был создан вид классовой конфронтации в стиле 1920 годов между рабочими и управляющими, результатом чего стал раскол организованного трудового движения.

Отмена государственного регулирования в сфере транспорта стала ключевой частью антипрофсоюзной политики Рейгана. Автомобильные и авиационные перевозки стали «свободными». Как грибы росли не входящие в профсоюзы авиа- и транспортные компании, зачастую придерживающиеся низких или небезопасных стандартов. Коэффициент травматизма подпрыгнул, уровень заработной платы профсоюзных работников нырнул.

В то время как рейгановский «подъем», казалось, простым нажатием клавиши превращал молодых

биржевых трейдеров в мультимиллионеров, все ускорялось снижение уровня жизни квалифицированных синих воротничков*. Никто в Вашингтоне не обращал на это внимания. Консервативные республиканцы Рейгана заявляли, что профсоюзы — это «почти коммунисты». В официальном Вашингтоне как никогда преобладала британская политика дешевой рабочей силы образца XIX века.

В атмосфере экономического мрака и отмены регулирования грузовых перевозок, что поощряло неорганизованных перевозчиков, некогда влиятельные Профсоюз водителей грузового транспорта, Объединенный союз автомобильных работников, Профсоюз работников нефтяной, химической и атомной промышленности, Профсоюз шахтеров, стальные профсоюзы и другие шли на уступку за уступкой в отчаянной попытке сохранить пособия для пожилых работников, собирающихся на пенсию, или просто удержать рабочие места. Реальный уровень жизни большинства американцев снижался, в то время как состояния меньшинства росли беспрецедентно стремительными темпами. Общество поляризовалось по своим доходам.

Новая догма «постиндустриального общества» проповедовалась от Вашингтона и Нью-Йорка до Калифорнии. Американское экономическое процветание, связанное с инвестициями в самые современные промышленные мощности, исчезло. Сталь была объявлена «ржавым поясом», «закатом» промышленности, сталелитейные заводы, на которых действительно распространялась ржавчина и взрывались доменные печи, были заброшены. Деньги можно было

сделать только на шопинг-центрах, блестящих новых игорных домах в Атлантик-Сити или Лас-Вегасе, на суперособняках в пригородах.

Деньги на весь этот дикий разгул все время пребывания Рейгана у власти поступали из-за рубежа. К середине 1980-х годов впервые после 1914 года США из крупнейшего в мире кредитора превратились в чистейшее государство-должник. Долг был «дешевым» и рос экспоненциально. Семьи выходили на рекордные уровни задолженности, покупая дома, автомобили, бытовую технику и даже обучение в колледжах. Правительство входило в долги для финансирования потерянных налоговых поступлений и расширенного военного строительства Рейгана.

В 1983 году годовой дефицит бюджета начал взбираться на неслыханный уровень в 200 миллиардов долларов. Вместе с рекордным дефицитом рос государственный долг, при этом уолл-стритовским дилерам облигаций и их клиентам выплачивались рекордные суммы процентов. Процентные платежи по общей задолженности правительства США за шесть лет выросли с 52 миллиардов долларов в 1980 году, когда Рейган пришел к власти, до более чем 142 миллиардов долларов США, то есть к 1986 году подскочили на 300 процентов (и составили сумму, равную одной пятой всех государственных доходов). Деньги продолжали течь из Германии, Британии, Голландии, Японии, влекомые преимуществами высокого доллара и возможностью получить спекулятивную прибыль в операциях с недвижимостью и на фондовых рынках.

НЕФТЯНОЙ ШОК НАБОРОТ

В 1985 году на экономическом горизонте США начали сгущаться грозовые тучи, угрожая будущим президентским амбициям вице-президента Джорджа Буша — старшего. Вновь на помощь должна была прийти нефть. Но на этот раз тактика манипуляций мировыми ценами на черное золото весьма отличалась от тактики бильдербергских нефтяных шоков 1970-х годов. Очевидно, Вашингтон рассуждал следующим образом: «Если мы можем задрать цены, то почему мы не можем их опустить, когда это более удобно для наших целей?»

Причины для такого шага включали в себя растущую озабоченность по поводу слабости экономики США. В октябре 1985 года в Министерстве финансов подсчитали, что, чтобы ее подстегнуть, было бы достаточно мирового падения цен на нефть на 30-40 процентов. В исследовании отмечалось: «Снижение цен на нефть пошло бы на пользу мировой экономике... Наша политика должна... воспрепятствовать ОПЕК и другим производителям искусственно удерживать цены...»¹³

Фактически, как ясно давали понять публичные заявления американского министра энергетики Дональда Ходела и других (что вызвало громкий протест саудовского министра нефтяной промышленности шейха Ямани), Вашингтон был вовлечен в тайную операцию по снижению цен на нефть, публично отрицая подобную политику.

В марте 1985 года госсекретарь США Джордж

Шульц послал засекреченную внутреннюю телеграмму в американское посольство в Лондоне, которая, в частности, гласит: «Секретарь чрезвычайно заинтересован в том, что

Рональд Рейган и король Саудовской Аравии Фахд, Вашингтон 1985 г.

Департамент быстро проведет исследование воздействия резкого падения цен на нефть»¹⁴.

Саудовский король Фахд незадолго до этого, 11 февраля, приезжал в Вашингтон на встречу с президентом Рейганом,

чтобы обсудить «нефтяные и экономические отношения». Во время этой поездки его министр нефтяной промышленности Ямани также встретился с вице-президентом Джорджем Бушем — старшим, министром финансов Джеймсом Бейкером и министром энергетики Джоном Херрингтоном, который сказал Ямани, что цены должен устанавливать «сам рынок».

В сентябре 1985 года давление Вашингтона на Саудовскую Аравию (чтобы она подняла уровень добычи в период высоких цен на фондовом рынке) начало толкать цены на нефть вниз. Помощник государственного секретаря Мортон Абрамовиц писал в своей записке Шульцу: «Поднимая добычу и предлагая соотносящиеся с рынком цены, Саудовская Аравия пытается реформировать ОПЕК... Если случится ценовая война, цены на нефть упадут до 20 долларов за баррель».

Когда началась эта акция, уровень цен стоял на отметке 35 долларов за баррель. Абрамовиц пишет

дальше: «Почти весь мир, включая США, получит выгоду...»¹⁵

Затем в апреле 1986 года вице-президент Джордж Буш — старший предпринял поездку в Эр-Рияд. Согласно рассекреченной стенограмме переговоров, Буш сказал королю Фадху, что «рыночные силы могут наилучшим образом устанавливать цены на нефть и уровень добычи» — кодовую фразу, услышав которую, Саудовская Аравия сняла все заглушки с нефтяных вышек и обрушила мировые цены¹⁶.

Важно и то, что в дополнение к ускорению американской экономики, которое так удобно пришлось к ожидаемой президентской кампании Джорджа Буша — старшего в 1988 году, Абрамович отметил, что в результате резкого падения цен на нефть «в ближайшее время пострадает и Советский Союз, так как в большой степени полагается на экспорт нефти для получения твердой валюты»¹⁷.

В то же самое время, когда он организовывал саудовский нефтяной шок наоборот, который воздействовал на поступление твердой валюты в СССР, Абрамович также был вовлечен в тайные переговоры о снабжении высокоэффективными ракетами «Стингер» афганских моджахедов, среди которых был и юный саудовец по имени Усама бен Ладен¹⁸.

К своему удовольствию, после завершения своей службы в Государственном департаменте Абрамович стал президентом Фонда Карнеги за международный мир. Именно «Стингерам» приписывают серьезный удар по советским военно-воздушным силам в Афганистане.

Вашингтон убедил короля Саудовской Аравии Фахда, вопреки возражениям его министра нефтяной промышленности Ямани, провести «реверсивный нефтяной шок» и затопить застоявшийся мировой нефтяной рынок своей изобильной нефтью¹⁹. Цена на нефть ОПЕК камнем рухнула вниз, в среднем с уровня около 26 долларов за баррель зимой 1985 года до уровня ниже 10 долларов за баррель к концу весны 1986 года.

Волшебным образом экономисты Уолл-Стрит провозгласили окончательную победу над инфляцией, одновременно охотно закрывая глаза на значение нефти в создании инфляции в 1970-х годах или в ее сокращении в 1980-е годы.

Министр нефти Саудовской Аравии шейх Заки Ямани, который открыто протестовал против того, что он называл американским нефтяным заговором, выступил в роли удобного козла отпущения за изобретенную в Вашингтоне политику и был отправлен в отставку.

Цены на нефть стабилизировались на довольно низком уровне около 15 долларов за баррель к 1987 году, вовремя обеспечив приятный рост экономики США к приближающимся президентским выборам.

Падение цен на нефть в 1986 году вызвало к жизни спекулятивный пузырь, сопоставимый с ситуацией в 1927-1929 годах в США. Процентные ставки снизились еще более значительно, так как деньги текли, чтобы заниматься «убийствами» на Нью-Йоркской фондовой бирже. На Уолл-Стрит стало модным новое финансовое извращение — приобретение за счет заемных средств.

На фоне снижения денежных расходов и продолжающегося роста акций администрацией Рейгана, которая поощряла религию «свободного рынка», было позволено все, если на этом можно было сделать деньги. Объектом внимания новых корпоративных «рейдеров», или, как их называли на Уолл-Стрит, «мусорщиков», мог стать кто угодно, скажем, промышленная компания со столетней историей, которая управлялась по старинке, производила шины, машины или текстиль.

В результате приобретений на заемные средства становились миллиардерами на бумаге такие красочные персонажи, как Т. Бун Пикенс*, Майк Милкен или Айван Воске**. Влиятельными учреждениями, например Гарвардской школой бизнеса, была провозглашена новая корпоративная философия менеджмента, чтобы хоть как-то рационализировать это безумие во имя рыночной «эффективности».

За десять лет почти триллион долларов ушел в спекулятивное инвестирование в недвижимость — рекордная сумма, почти в два раза превышающая суммы предыдущих лет. Банки, желая защитить свои балансы от проблем в Латинской Америке, помимо выдачи традиционных корпоративных кредитов впервые начали прямое кредитование в недвижимость.

ОГРАБЛЕНИЕ ССУДОСБЕРЕГАТЕЛЬНЫХ БАНКОВ

Ссудосберегательные банки, созданные в период экономической депрессии, как отдельно регу-

лируемые банки, чтобы обеспечивать безопасный источник долгосрочных ипотечных кредитов для семей-покупателей, были дерегулированы в начале 1980-х годов в рамках толчка к «свободному рынку». Им было разрешено предлагать цену оптовых депозитов, так называемых брокерских депозитов, по высокой ставке. Чтобы облегчить этот процесс, в октябре 1982 года администрация Рейгана сняла все регулятивные ограничения, приняв Закон Гарна — Сен-Жермена, который позволил ссудосберегательным банкам вкладывать средства по любой схеме, какую они сочтут нужной, с полной страховкой правительства США в 100 тысяч долларов в счет обеспечения рисков на случай неудачи.

Используя образ Лас-Вегаса, президент Рейган, подписывая новый Закон Гарна — Сен-Жермена, с энтузиазмом сообщил аудитории приглашенных банкиров из ссудосберегательной системы: «Думаю, мы сорвали джекпот».

Этот «джекпот» стал началом краха банковской системы ссуд и сбережений стоимостью в 1,3 триллиона долларов. Прежде чем осела пыль, обанкротилось 747 ссудосберегательных банков, что стоило американским налогоплательщикам более чем 125 миллиардов долларов.

Новый закон открыл ссудосберегательным банкам широкую дорогу к огульным финансовым злоупотреблениям и диким спекулятивным рискам. Кроме того, он сделал ссудосберегательные банки идеальным инструментом организованной преступности для отмывания миллиардов долларов кокаинового и

прочего наркотического бизнеса, демонстрировавшего рост в Америке 1980-х. Например, таким образом «засветилась» бывшая фирма Дональда Ригана Merrill Lynch, чей швейцарский офис в Лугано был замешан в отмывании миллиардов наркодолларов героинового бизнеса в так называемом скандале Pizza Connection.

Дикий и запутанный климат дерегулирования создал атмосферу, когда нормальные, эффективно работающие сберегательные банки, уступали позиции скороспелым организациям, которые ориентировались на сомнительные денежные средства, не задавая лишних вопросов. Банки отмывали средства для проведения тайных операций ЦРУ, а также для тайных операций организованных преступных семей. Сын вице-президента Нил Буш был директором, позднее обвиненного правительством в незаконных действиях, ссудосберегательного банка Silverado в Колорадо. У Нила оказалось достаточно чутья, чтобы уйти в отставку за неделю до того, как в 1988 году его отец стал кандидатом в президенты от республиканцев²⁰.

Для того чтобы конкурировать с недавно дерегулированными ссудосберегательными и прочими банками, наиболее консервативные во всем финансовом секторе страховые компании в массе своей также приступили в 1980-х годах к спекуляциям недвижимостью. Но в отличие от банков они никогда не находились под государственным надзором или регулированием (возможно, потому, что в прошлом были весьма консервативны). Не существовало никакого государственного правительственного страхового фонда для защиты держателей полисов стра-

новых компаний, как это было для банков. К 1989 году страховые компании провели сумму примерно в 260 миллиардов долларов по сделкам с недвижимостью в своих учетных книгах, увеличив эту сумму со 100 миллиардов в 1980 году. Но затем рынок недвижимости провалился в наихудшую после 1930-х годов депрессию, и впервые в послевоенной истории вызвал банкротства страховых компаний, поскольку запаниковавшие держатели страховых полисов потребовали назад свои деньги.

Окончательная стоимость фиаско ссудосберегательной системы в 1980-х годах составила более 160 миллиардов долларов. Некоторые подсчитали, что реальные издержки для экономики достигли 900 миллиардов долларов. В период с 1986 по 1991 год, число вновь построенных домов упало с 1,8 миллиона до 1 миллиона, составив самый низкий показатель со времен Второй мировой войны.

Суровая реальность состояла в том, что начиная с нефтяных шоков 1970-х годов, финансовые власти Нью-Йорка были настолько поглощены своими интересами, что в Вашингтоне уже не раздавался ни один разумный голос. Задолженность возросла до поразительной суммы. Когда Рейган выиграл выборы в 1980 году, совокупный частный и государственный долг США составлял 3873 миллиарда долларов. К концу десятилетия он достиг 10 триллионов долларов США. Это означало увеличение долгового бремени более чем на 6 триллионов за такой короткий срок²¹.

На фоне роста долгового бремени на производительную экономику и ухудшения ситуации на про-

мышленных предприятиях США, и в качестве рабочей силы, воздействие 20 лет забвения начало проявляться во всеобщем коллапсе жизненно важной общественной инфраструктуры страны. Автостреды покрывались трещинами из-за отсутствия регулярного обновления; мосты стали структурно ненадежными и во многих случаях обрушивались; системы водоснабжения в депрессивных районах находились в запустении; больницы и школы в крупных городах приходили в негодность; качество жилья для небогатых резко ухудшилось.

К 1989 году объединение строительной промышленности «Ассоциация американских генеральных подрядчиков» оценивало, что только для восстановления американской разваливающейся общественной инфраструктуры до современного уровня срочно необходимо чистых инвестиций в размере 3,3 триллиона. Вашингтон был глух.

Решать эти проблемы администрация Буша-старшего предложила частной инициативе «свободного рынка». К 1990 году Вашингтон погрузился в бюджетный кризис. На неравномерное распределение выгод от рейгановского «восстановления» правительству США указывали данные о количестве американских граждан, живущих за чертой бедности.

В 1979 году, когда в разгар второго нефтяного кризиса Пол Волкер начинал свой монетарный шок, правительство насчитало 24 миллиона американцев за чертой бедности, определяя эту черту как 6 тысяч долларов США в год. К 1988 году цифра возросла бо-

лее чем на 30 процентов и достигла 32 миллионов. Как никогда ранее в истории США налоговая политика Рейгана — Буша сосредоточила богатства страны в руках немногочисленной элиты. С 1980 года, согласно исследованию, проведенному Бюджетным комитетом палаты представителей Конгресса США, реальные доходы 20 процентов самых богатых граждан увеличились на 32 процента.

Этот разрыв в благосостоянии начнет взрывной рост, когда сын Буша Джордж Буш — младший станет президентом и протолкнет самые радикальные сокращения налогов в американской истории. Он продолжит приводить в исполнение план, написанный Денежным трестом еще в 1973 году.

Расходы на американское здравоохранение, отражавшие странную комбинацию приватизации, свободного предпринимательства и государственных субсидий, поднялись до наивысшего уровня за всю историю и как доля ВВП стали вдвое больше, чем в Великобритании; кроме того, 37 миллионов американцев не имели вообще никакого медицинского страхования, в 2009 году их количество достигло 50 миллионов.

Уровень здоровья в крупных американских городах, с доведенными до нищеты гетто, населенными безработными черными и латиноамериканцами, соответствовал скорее уровню стран третьего мира и не был достойным самого передового в мире промышленного государства.

НА ПОМОЩЬ БУШУ-СТАРШЕМУ ПРИХОДИТ ЯПОНИЯ

19 октября 1987 года фондовый пузырь лопнул. В течение этого дня индекс Доу — Джонса на Нью-Йоркской фондовой бирже впервые в истории рухнул на 508 пунктов. Фундамент рейгановского «подъема» внезапно развалился.

Но этот фундамент остался неизменным в стратегии фракции Буша и Рокфеллера в англо-американском истеблишменте. Они были полны решимости гарантировать достаточные инвестиции, чтобы удержать свой пузырь на плаву до той поры, пока новый президент Буш (младший) не сможет продолжить воплощение великой стратегии Денежного треста. Крах фондового рынка в октябре 1987 года обозначил начало конца дерегулированных финансовых спекуляций, которые со старта 1970-х удерживали Американский век на плаву.

Джордж Буш — старший, готовясь к президентским выборам в ноябре 1988 года, привлек руководителя своей предыдущей предвыборной кампании и своего близкого друга министра финансов Джеймса Бейкера, а вместе с ним и влиятельную фракцию американского истеблишмента, чтобы гарантировать, несмотря на последствия катастрофы октября 1987 года, приток иностранного капитала на американские рынки акций и облигаций и сохранить в сознании достаточного количества избирателей иллюзию экономического подъема имени Рейгана — Буша.

Вашингтон обратился к японскому правительству премьер-министру Накасонэ с утверждением, что лю-

бой президент от Демократической партии нанесет ущерб японской торговле. Накасонэ оказал давление на Банк Японии и Министерство финансов, чтобы сделать их сговорчивее. Японские процентные ставки с октября 1987 года снижались и снижались, придавая американским акциям и облигациям, а также недвижимости видимость сравнительно «дешевых».

Миллиарды долларов уходили из Токио в США. В течение 1988 года доллар оставался сильным, и Бушу удалось выиграть выборы у своего соперника от Демократической партии. Чтобы обеспечить эту поддержку, Буш приватно гарантировал высшим японским официальным лицам, что его президентство улучшит американо-японские отношения. Результатом различных японских финансовых уступок стал крупнейший в мире спекулятивный пузырь на японском фондовом рынке и рынке недвижимости.

Джордж Буш-Старший, 1980 год

Когда в 1990 году это здание рухнуло, поскольку обеспокоенный Банк Японии в страхе потерять экономической контроль начал поднимать процентные ставки, страна погрузилась в десятилетнюю депрессию и дефляцию, от которых она так и не оправилось полностью.

Реальный план новой администрации Буша должен был направить давление на избранных американских союзников, особенно на Германию и Японию, чтобы наращивать «разделение бремени» для управления гигантским американским долгом.

Буш утверждал, что Германия, Япония и другие основные экономические и военные союзники Америки должны увеличивать свою финансовую поддержку, чтобы обслуживать американскую супердержаву. Это была слегка завуалированная угроза.

Несмотря на экстраординарные меры, предпринятые в течение 1980-х годов Уолл-Стрит и ее друзьями в Вашингтоне, к концу десятилетия перспективы господства американской супердержавы выглядели хуже, чем когда-либо. После 20 лет пренебрежения, после шоковой терапии Волкера и в результате аутсорсинга американской корпоративной элитой (ради снижения издержек на заработную плату) рабочих мест в Мексику и Азию, внутренняя экономика, по сути, снизилась до статуса третьего мира.

К 1989-му крупные нью-йоркские банки были в плохой форме. Тогда же сенатор Роберт Доул созвал чрезвычайное собрание за закрытыми дверями в Белом доме, чтобы обсудить конфиденциальный отчет

Сената, показывающий, что 11 из крупнейших банков Америки технически неплатежеспособны. Один банковский аналитик с Уолл-Стрит описал крупнейший City Bank как «легкомысленный». Денежный трест должен был принять решительные меры. Алан Гринспен, который был назначен вместо Волкера главой Федеральной резервной системы, пойдет навстречу почти всем пожеланиям своих старых приятелей с Уолл-Стрит.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Greider W. *Secrets of the Temple: How the Federal Reserve runs the country.* Simon & Schuster, New York, 1987. P. 648.

2 Aaronovitch S. *The Road From Thatcherism.* Lawrence & Wishart, London, 1981.

3 Greider W. *Op. cit.* P. 156.

4 *Infrastructure: Problems and Prospects for Steel // International Iron and Steel Institute, Brussels, 1985.*

5 ЛИБОР, или Лондонская ставка межбанковского кредитования, является ставкой, по которой банки кредитуют друг друга на основном международном оптовом денежном рынке в Лондоне. Это стандартный финансовый индекс, используемый на американских и международных рынках капиталов. Когда этот индекс повышается, процентные ставки по любым кредитам, привязанным к нему, растут.

6 Greider W. *Op. cit.*

7 После поражения Германии в Первой мировой войне и нескольких лет немецкой гиперинфляции, длившейся до 1923 года, Дом Морган вмешался, чтобы взять под свой контроль немецкие военные компенсационные выплаты. В действительности Дж. П. Морган взял немецкую экономику и финансы под свое управление. Морган, действуя через американское правительство, назначил Основным агентом по выплате репараций С. Паркера Гилберта, своего партнера, поселившегося в Берлине, чтобы собирать выплаты для союзников. У Гилберта были полномочия вводить новые налоги, брать на себя управление немецким центральным банком и гарантировать, что Великобритания, Франция и Италия получают свои репарационные платежи. Это в свою очередь позволило Моргану вернуть себе военные займы британским, французским и итальянским правительствам, которые по счастливому стечению обстоятельств более или менее точно равнялись сумме, установленной союзниками для немецких военных репараций. Проблема версальских репараций породила глубокое и горькое негодование среди немецкой элиты и населения, которое позже использовала Национал-социалистическая партия Гитлера. Смотри Энгдаль Ф. У. *Столетие войны: англо-американская нефтяная политика и Новый мировой порядок.* СПб, 2008. Глава 6. Когда в 1929 году репарационный план окончательно перестал работать, была предложена другая схема Morgana, План Янга, который призвал к учреждению наднационального института — Банка международных расчетов, расположенного недалеко от немецкой границы в Базеле, Швейцария, чтобы выполнять эту работу.

8 Одним из крупнейших последствий наносящих ущерб условий МВФ, устанавливаемых для стран-должников, стали принудительная отмена государственных продовольственных субсидий и принудительное открытие рынков развивающихся стран — должников субсидиро-

ваным Министерством сельского хозяйства США пищевым продуктам. Страны третьего мира затоплялись массово произведенной американским агробизнесом едой: бананами, дынями, цыплятами, рисом, луком, независимо от того, производились ли они ранее местными фермерами. Американская пищевая промышленность всегда сбивала местные цены и изгоняла фермеров из бизнеса. Это делало местное население зависимым от импорта продовольствия там, где оно ранее было самодостаточным. Случай Ямайки иллюстрирован документальным фильмом «Жизнь и долг на Ямайке», www.livevideo.com.

9 Ibid. 1987.

10 Rasmussen H. K. *The Forgotten Generation: a debate book concerning children and the debt crisis*. Danish UNICEF Committee, Copenhagen, 1987.

11 Ibid. Также интересно для понимания общего фона Milivojevic M. *The Debt Rescheduling Process*. St. Martin's Press, New York, 1985. Полезные данные изложены в ежегодных докладах ООН «Обзор экономического положения в странах Латинской Америки».

12 *US Impact of the Latin American Debt Crisis on the US Economy*. Congress, Joint Economic Committee, Staff Study, Washington DC, May 1986.

13 McCormack R. T. *Information Memorandum on Oil Prices to Secretary of State George Shultz*, October 25, 1984. Washington DC, document S001, declassified.

14 Shultz G. Telegram, March 1985, # 081715, declassified.

15 Abramowitz M. I. Assistant Secretary for Intelligence, Implications of the Saudi Oil Price Cut, September 19, 1985. US Department of State, Washington DC, declassified 06.04.1992.

16 Rothschild Ed. S. *The Reagan-Bush Administration's Role in the 1986 Oil Price Crash*. Эту записку автор получил в частном порядке в 1991 году.

17 Ibid.

18 Johnstone D. *Fool's Crusade*. Pluto Press, London, 2002. P. 9.

19 Rothschild Ed. S. *An Oil Card Up his Sleeve? How the Saudis could give Bush a \$30 billion tax cut* // *The Washington Post*, November 24, 1991. Ротшильд писал: «В 1986 году администрация Рейгана — Буша убедила Фахда открыть саудовские нефтяные затычки, чтобы понизить мировые цены на нефть с 29 до 18 долларов за баррель. Вместе с девальвацией доллара США, спроектированного бывшим тогда министром финансов Джеймсом Бейкером, эта цена на нефть подтолкнула американский экономический рост».

20 Pizzo S. *Inside Job: The looting of America's Savings & Loans*. McGraw-Hill, New York, 1989.

21 *Economic Indicators*. US Congress Joint Economic Committee, Washington, 1990.

* Лондонская межбанковская ставка предложения (англ. London Interbank Offered Rate, LIBOR) — средневзвешенная процентная ставка по межбанковским кредитам, предоставляемым банками, выступающими на лондонском межбанковском рынке с предложением средств в разных валютах и на разные сроки: от одного дня до 12 месяцев. Ставка фиксируется Британской банковской ассоциацией начиная с 1985 года ежедневно в 11:00 по Западноевропейскому времени на основании данных, предоставляемых избранными банками.

* Белые, серые, синие воротнички — термины, применяемые для обозначения отдельных категорий лиц наемного труда применительно к их профессиональной принадлежности: белые воротнички — инженерно-технический персонал и конторские служащие, серые воротнички — работники обслуживающих подразделений, синие воротнички — квалифицированные рабочие.

* Т. Бун Пикенс — мл. (Т. Boone Pickens, Jr.) заслужил репутацию налетчика, потому что занял крупные инвестиционные позиции в ряде нефтяных компаний. В 1983 году Пикенс стремился или сделать деньги, или успешно захватить еще одну компанию с большими ресурсами. Он выбрал мишенью «Галф», скупив 13,2 процента ее акций. Борьба стала мерзкой, причем компания «Галф» наняла детективов раскапывать грязь на Пикенса. В 1984 году «Галф» приняла дружественное предложение от фирмы Socal; объединенные фирмы приняли новое название Chevron. Прибыль Пикенса — 218 миллионов долларов.

** Первоначально в 1970-х годах арбитражная фирма Айвана Боске Ivan F. Boesky Co. занималась вычислением недооцененных компаний на рынке. После всестороннего анализа с использованием не всегда легальных источников информации Айван покупал пакет акций такой компании. Ставка делалась на то, что ее кто-нибудь захочет поглотить. Поглощение начиналось со скупки акций, в результате чего их цена росла и Боске закрывал позицию с огромной прибылью. Но махинации с инсайдерской торговлей достигли действительно невероятных масштабов лишь в 1985 году, после знакомства Боски с Майком Милкеном из отдела высокодоходных облигаций Drexel Burnham Lambert Inc. Майк к тому времени получил титул короля «мусорных», или высокодоходных, облигаций. Самостоятельно создав ликвидность вторичного рынка этих облигаций, он оказывал еще и услуги по их эмиссии. К середине 80-х в руках Майка было более половины этого рынка. Часто именно «мусорные» облигации служили источником средств для поглощений. Эти два человека были просто находкой друг для друга. В 1986 году Боске с помощью Майка разместил собственные облигации, увеличив капитал до 1 миллиарда долларов. Союз Милкена и Боске достиг угрожающих масштабов. Практически любая корпорация чувствовала себя неууютно, если эта парочка обращала на нее внимание. Вся цепочка бизнеса

Боски, граничившего с криминальным, начала рассыпаться во второй половине 1986 года. В результате Боски согласился на признание в суде и, выплатив 100 миллионов штрафа, получил три года тюрьмы. Милкена же осудили на десять лет со штрафом в 600 миллионов долларов.

Глава 8

КОНЕЦ ДОЛЛАРОВОЙ СИСТЕМЫ?

«Вот, наступает семь лет великого изобилия во всей земле Египетской; после них настанут семь лет голода, и забудется все то изобилие в земле Египетской, и истощит голод землю, и неприметно будет прежнее изобилие на земле, по причине голода, который последует, ибо он будет очень тяжел».

Быт. 41:29-31

МАЛЕНЬКИЙ БАНК ЗАПУСКАЕТ БОЛЬШУЮ ВОЛНУ

Многотриллионное фиаско американской секьюритизации начало вырисовываться в июне 2007 года на фоне кризиса ликвидности в двух хеджевых фондах, принадлежащих Bear Stearns — одному из крупнейших и наиболее успешных инвестиционных банков, по слухам, используемому семьей Буш для управления своим немалым состоянием.

Эти два фонда крупно вкладывались в низкокачественные ипотечные ценные бумаги. Ущерб вскоре перекинулся через Атлантику и затронул малоизвестный немецкий государственный банк ИКВ. В июле 2007 года, находящийся в полном владении филиал ИКВ Rhineland Funding, держал примерно на 23 миллиарда долларов коммерческих бумаг, обеспеченных активами*. В середине июля инвесторы отказались принимать эти коммерческие бумаги у Rhineland Funding. Это вызвало глобальную панику на всем рынке ценных бумаг, обеспеченных активами, по мере того как новость о неплатежеспособности ИКВ распространялась, подобно пожару. Паника вынудила Европейский центральный банк (ЕЦБ) влить рекордные объемы ликвидности на рынок, чтобы удерживать банковскую систему на плаву.

Rhineland Funding попросил ИКВ предоставить кредитную линию. Оказалось, что ИКВ не хватает денежных средств или ликвидных активов для удовлетворения просьбы своего филиала, и он был спасен только с помощью чрезвычайного десятимиллиардного кредита (в долларах США), предоставленного ему собственным крупным акционером, находя-

щемся в государственной собственности, — банком *Creditanstalt für Wiederaufbau*. По иронии судьбы, именно этот банк проводил в жизнь План Маршалла по восстановлению разрушенной войной Германии в конце 1940 годов. Вскоре для всего мира стала очевидной крайняя необходимость нового Плана Маршалла или какого-либо его финансового эквивалента, но на этот раз для экономики США.

Мировой финансовый кризис и последующая депрессия проявились летом 2007 года в событиях вокруг небольшого банка ИКВ в Германии, когда были выявлены его крупные американские субстандартные ипотечные активы

Вместо того чтобы остановить панику, вмешательство *Creditanstalt für Wiederaufbau* привело к наращиванию банковских резервов и к бегству из всех коммерческих бумаг, выпущенных специальными инвестиционными компаниями, находящимися вне бухгалтерского учета международных банков.

Коммерческие бумаги, обеспеченные активами, были еще одним из крупных продуктов революции секьюритизации активов (которая уже описывалась выше), продавленной Гринспеном и Уолл-Стрит. Они были созданы для выведения рисков за пределы банковских балансов и одновременно позволяли банкам вписывать в свои книги значительные прибыли от деятельности специальных инвестиционных компаний. Это был еще один образчик механизма «и невинность соблудности, и капитал приобрести», однако в

конце концов он сработал не так, как планировалось на Уолл-Стрит.

Специальные инвестиционные компании банков, как правило, выпускали секьюритизированные коммерческие бумаги, подкрепленные непрерывным потоком платежей от инкассированной наличности, полученной с помощью портфеля базисных активов этих компаний. Коммерческие бумаги, обеспеченные активами, были краткосрочными обязательствами, обычно не более чем на 270 дней. Однако крайне важно то, что они были освобождены от регистрационных требований по Закону США о ценных бумагах от 1933 года. Они являлись незарегистрированными ценными бумагами, широкой лазейкой с точки зрения прозрачности.

Коммерческие бумаги, обеспеченные активами, обычно состояли из пулов торговой дебиторской задолженности, дебиторской задолженности по кредитным картам, кредитов на машины и оборудование и аренду или являлись обеспеченным залогом долговым обязательством. Эмитент собирает при этом, возможно, сотни или несколько тысяч индивидуальных мелких автокредитов из местных банков, затем покупает их со скидкой, создает новую облигацию, стоимость которой основана на ожидаемом будущем ежемесячном притоке денежных средств по этим автокредитам, кредитным картам или подобным источникам.

В случае с ИКВ в Германии предполагалось, что наличность появится из его собственного портфеля субстандартной ипотеки США — обеспеченных недвижимостью долговых обязательств*. Было весьма

подозрительно, что европейский банк, ориентированный на кредитование немецкой индустрии среднего размера, пошел на покупку таких рискованных ценных бумаг, как сверхвысокорискованные американские ценные бумаги субстандартной ипотеки.

Основным риском, с которым могли столкнуться инвесторы в обеспеченные залогами коммерческие бумаги, было, по словам банкиров, ухудшение активов за счет дефолтов по индивидуальным займам, составляющим эти бумаги, будь то ипотека, автокредит или что-то еще. И именно это и прокатилось по всем ипотечным рынкам США летом 2007 года.

Проблема с обеспеченными долговыми обязательствами заключается в том, что, однажды выпущенные, они редко продаются. Вместо того чтобы определяться рынком, их цена основывается на сложных теоретических моделях.

Когда в августе 2007 года держателям обеспеченных долговых обязательств во всем мире неожиданно и срочно понадобилась ликвидность, чтобы встретить массовую распродажу финансовых инструментов на рынке, они обнаружили, что рыночная стоимость их бумаг оказалась гораздо ниже балансовой. Таким образом, вместо создания ликвидности через продажу обеспеченных долговых обязательств они были вынуждены продавать высококачественные ликвидные акции «голубых фишек», государственные облигации и драгоценные металлы, чтобы обрести срочно необходимую наличность для сокрытия потерь.

А это означало, что кризис обеспеченных долговых обязательств привел к потере в стоимости и са-

мих обеспеченных долговых обязательств, и акций. Падение цен на акции распространило цепную реакцию на хеджевые фонды. Возможность резкого падения цен не предсказывалась ни одной теоретической моделью, из используемых количественными хеджевыми фондами, и завершилась крупными потерями в этом сегменте рынка, начало которым положили два домашних хедж-фонда Bear Stearns. Основные потери ведущих хеджевых фондов затем подпитывали рост неопределенности и усиливали кризис.

Это стало началом дополнительного колоссального ущерба, беспрецедентного уничтожения благосостояния. Все банковские модели рисков развалились на глазах. В основе кризиса, который неизбежно и окончательно разразился в середине 2007 года, лежало отсутствие транспарентности. Эта непрозрачность, как описывалось выше, была обусловлена тем фактом, что вместо распределения рисков на транспарентной основе, как это предусмотрено общепринятой экономической теорией, операторы рынка выбрали путь секьюритизации рискованных активов путем продвижения высокодоходных и высокорискованных активов без четкой маркировки их рисков. Кроме того, кредитно-рейтинговые агентства закрывали глаза на присущие этим финансовым продуктам риски. А то, что эти облигации редко продавались на рынке, означало, что даже приблизительная стоимость этих финансовых продуктов неизвестна¹.

ИГНОРИРУЯ УРОКИ ХЕДЖ-ФОНДА «ДОЛГОСРОЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАПИТАЛОМ»

Доверие между банками на международном межбанковском рынке, сердце глобальной банковской системы, которая торгует обеспеченными активами коммерческими бумагами, рухнуло в августе 2007 года. На фоне этого краха банковская система с изумлением увидела перед собой системный кризис. И сейчас этот кризис угрожает крахом банков по принципу домино, как это случилось в Европе

Здание Wien Creditanstalt Вены на Шоттенгассе, 30-е годы XX века

в 1931 году, когда французские банки по политическим причинам обрушили австрийский Wien Creditanstalt. Новые финансы ФРС проявили себя грандиозным источником новой нестабильности².

Мировая финансовая система столкнулась с угрозой системного кризиса еще в сентябре 1998 года, когда обрушился хеджевый фонд «Долгосрочное управление капиталом», Гринвич, Коннектикут. Тогда лишь чрезвычайное и скоординированное вмешательство возглавляемой Гринспеном ФРС предотвратило глобальный крах. Этот кризис содержал в себе зародыш всего плохого, что сегодня, всего десять лет спустя, происходит на многотриллионном рынке секьюритизации активов. Любопытно, что Гринспен

и другие ответственные лица систематически отказывались принимать эти уроки близко к сердцу.

Источником трепетного отношения к фонду «Долгосрочное управление капиталом» перед его оглушительным коллапсом в 1998 году была «команда мечты», которая им управляла. Исполнительным директором и основателем фонда был Джон Мериуэзер, легендарный трейдер Уолл-Стрит, который покинул Solomon Brothers после скандала по поводу скупки облигаций Министерства финансов США. Скандал не уменьшил его самоуверенности. На вопрос, верит ли он в эффективные рынки, он как-то скромно ответил: «Я делаю их эффективными».

Среди основных акционеров фонда были два выдающихся эксперта в «науке» о рисках — Майрон Шоулз и Роберт Мертон. Оба в 1997 году были удостоены Шведской Академией наук Нобелевской премии по экономике за свою работу по деривативам.

Майрон Шоулз и его коллега Фишер Блэк в 1973 году разработали оригинальные теории ценообразования опционов, модель Блэка — Шоулза, упомянутую в предыдущей главе, которая двадцать лет спустя легла в основу многотриллионного взрыва долларовых производных финансовых инструментов. Фонд «Долгосрочное управление капиталом» в своем совете директоров также имел ослепительный набор финансовых профессоров, докторов физико-математических наук и других «суперспециалистов», способных изобретать чрезвычайно сложные, смелые и прибыльные финансовые схемы.

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ НЕДОСТАТКИ МОДЕЛИ РИСКОВ БЛЭКА-ШОУЛЗА

Был только один недостаток. Основные аксиомы рисков Шоулза и Мертона, допущения, на которых строились все их модели, были неверными. Они были построены не просто на песке, а на зыбучем песке, и оказались глубоко и катастрофически неверны.

Их математические модели ценообразования опционов предполагали существование идеальных рынков, столь крупных и глубоких, что индивидуальные действия трейдеров не смогут повлиять на цены. Они предполагали, что и рынки, и игроки рациональны. Реальность же предлагает нечто противоположное: рынки фундаментально иррациональны в долгосрочной перспективе. Но модели рисков ценообразования Блэка — Шоулза и других, в течение последних двух или более десятилетий, позволили банкам и финансовым учреждениям утверждать, что традиционное благоразумное кредитование устарело. С подходящими вариантами, в качестве своего рода страховки, можно уже не беспокоиться насчет рисков. Ешьте, пейте, веселитесь и собирайте свои миллионные бонусы...

Допущения моделей рисков, разработанных Блэком, Шоулзом и Мертоном, однако, игнорировали фактические рыночные условия, которые преобладали в периоды каждой крупной биржевой паники с того момента, как модель Блэка — Шоулза была представлена и заработала на Чикагской фондовой бирже. Они игнорировали фундаментальную роль опционов и «портфельного страхования» в крахе 1987

года, они игнорировали причины возникновения паники, которая в 1998 году утопила фонд «Долгосрочное управление капиталом», где и Шоулз, и Мертон были партнерами. Уолл-Стрит вместе с экономистами и управляющими ФРС и особенно Гринспен в блаженном неведении игнорировали очевидность.

Финансовые рынки, в отличие от религиозной догмы, десятилетиями преподаваемой во всех бизнес-школах США и Британии, не столь гладко и хорошо следуют гауссовым кривым, выдаваемым этими школами за закон вселенной. Тот факт, что все основные архитекторы современной теории финансового инжиниринга (новомодное серьезно звучащее наименование финансовой экономики) получили Нобелевские премии, придал ущербным моделям ауру папской непогрешимости.

Всего через три года, после краха 1987 года, Нобелевский комитет в Швеции присудил премию Гарри Марковицу и Мертону Миллеру за продвижение все той же ущербной точки зрения на риски. В 1997 году, в разгар азиатского кризиса, в котором производные финансовые инструменты сыграли центральную роль, он выдал премию Роберту Мертону и Майрону Шоулзу³. С самого зарождения финансовых деривативов в 1980-х и вплоть до взрывного роста секьюритизации активов двадцатью годами позже самый замечательный аспект использования дефектных моделей рисков заключается в том, что они так мало оспаривались.

Трейдеры фонда «Долгосрочное управление капиталом» и все те, кто вслед за ними шел к краю финансовой пропасти в августе 1998 года, не хеджировали

одну единственную вещь, с которой они и столкнулись, — системный риск. Именно с системным риском им пришлось бороться, когда «невозможное событие», российский государственный дефолт, доказало, что оно вполне возможно.

Вручение Нобелевской премии Гарри Марковицу, 1987 год

Несмотря на ясные уроки из ужасающего фиаско хедж-фонда «Долгосрочное управление капиталом» (показавшего, что не существовало и не существует ни одного дериватива, который застрахует вас от системного риска), Гринспен, Роберт Рубин и нью-йоркские банки продолжали полагаться на свои модели рисков, как будто ничего не произошло. Российский государственный дефолт был ими забыт как «одиночное событие раз в столетие».

Банкиры Уолл-Стрит устремились к созданию пузыря «доткомов» и далее к величайшему финансовому пузырю в истории человечества — пузырю секьюритизации активов в 2002-2007 годах. Стратегия Уолл-Стрит состояла в том, чтобы вывести риски за пределы балансов банков через деривативы и прочие инструменты, такие как секьюритизация. В продаже этих новых ценных бумаг всему миру они видели явный способ построить свою денежную власть над всей планетой почти без ограничений. Банки Уолл-Стрит буквально были опьянены своим собственным обманом и своими собственными ущербными моделями

Банкиры Уолл-Стрит устремились к созданию пузыря «доткомов» и далее к величайшему финансовому пузырю в истории человечества — пузырю секьюритизации активов в 2002-2007 годах. Стратегия Уолл-Стрит состояла в том, чтобы вывести риски за пределы балансов банков через деривативы и прочие инструменты, такие как секьюритизация. В продаже этих новых ценных бумаг всему миру они видели явный способ построить свою денежную власть над всей планетой почти без ограничений. Банки Уолл-Стрит буквально были опьянены своим собственным обманом и своими собственными ущербными моделями

риска. Они уже видели себя настоящими Богами денег.

ЖИЗНЬ - НЕ ГАУССОВА КРИВАЯ

Риск и его оценки не уместаются в колоколообразные кривые. И финансовых рынков это касается в той же мере, что и разработки нефтяного месторождения. В 1900 году безвестный французский математик и финансовый спекулянт Луи Башелье утверждал, что колебания цен на облигации или акции следуют колоколообразным кривым, которые немецкий математик Карл Фридрих Гаусс разработал в качестве идеальной рабочей модели, чтобы описывать статистические вероятности для различных событий. Кривые нормального распределения принимали «умеренную» форму хаотичности в колебаниях цен так же, как стандартный тест на коэффициент умственных способностей определяет 100, как «среднее число», центр колоколообразной кривой. Это была в своем роде полезная алхимия, но все же алхимия.

Допущение, что финансовые колебания цен ведут себя принципиально, как гауссиана, позволило «суперспециалистам» Уолл-Стрит наладить бесконечный поток новых финансовых продуктов, каждый следующий — еще более загадочный и изощренный, чем предыдущий. Теории были модифицированы. «Суперспециалистами» на Уолл-Стрит называли математиков-вундеркиндов и физиков, которых нанимали, чтобы выяснить сложные новые финансовые «углы», под которыми собирать очередной пакет финансо-

вых деривативов. На фоне долгого и масштабного угасания промышленной базы Америки талантливейшие научные умы нации тянулись на Уолл-Стрит.

К коктейлю моделей рисков был добавлен так называемый закон больших чисел, призванный доказать, что в долгосрочной перспективе стоимость стремится к стабильной величине, когда число событий становится достаточно большим (подобно подбрасыванию монетки или игральных костей). Закон больших чисел, который на самом деле не имеет отношения к науке, позволил банкам, подобным CitiGroup или Chayse, выпустить сотни миллионов карт Visa безо всякой проверки кредитоспособности, базируясь только на данных, показывающих, что в «нормальные» периоды дефолты по кредитным картам настолько редки, что не заслуживают рассмотрения⁴.

Проблемы с моделями, основанными на гауссовой кривой распределения или на законе больших чисел, возникают тогда, когда времена перестают быть обычными, например при резком экономическом спаде, подобном тому, в который вошла экономика США после 2007 года, и сопоставимом, возможно, только с тем, что произошел в 1931-1939 годах. Хуже того, именно эти модели рисков и привели к созданию пузыря на фондовом рынке, который с треском лопнул в августе 2007 года. Замечательный факт заключается в том, что американские экономисты-академики и банкиры-инвесторы с Уолл-Стрит, управляющие ФРС, министры финансов, жюри шведского Нобелевского комитета по экономике, ми-

нистры финансов Англии, ее деловые круги и банкиры, правление Банка Англии (и это только ведущие фигуры) — все они были готовы закрыть глаза на тот факт, что ни экономические теории, ни теории поведения рынка, ни теории риска цен на производные финансовые инструменты не были способны предсказывать события, не говоря уже о предотвращении нелинейных сюрпризов⁵.

Эти теории, на которых в конечном итоге покоились триллионы долларов международных кредитных обязательств, были неспособны спрогнозировать окончательное схлопывание спекулятивных пузырей ни в октябре 1987 года, ни в феврале 1994 года, ни в марте 2002 года, ни, разумеется, начавшийся в июне 2007 года процесс.

Это не случилось в первую очередь потому, что сама используемая модель создавала условия, которые вели к еще более крупным и разрушительным пузырям. Финансовая экономика была не чем иным, как другим термином для неограниченно спекулятивной неводержанности — процесса, который неизбежно будет создавать пузыри с последующим их схлопыванием.

Теория, неспособная объяснить такие основные определяющие «нелинейные» внезапные события, несмотря на все Нобелевские премии, не стоит даже бумаги, на которой она написана. Тем не менее управляющие Федеральной резервной системой США от Алана Гринспена до Бена Бернанке и министры финансов США Роберт Рубин, Лоуренс Саммерс, Генри Полсон и Тим Гайтнер тщательно следили за тем,

чтобы Конгресс так и не наложил законодательные и нормативные ограничения на экзотические финансовые инструменты, которые были созданы на основе теории, не имеющей никакого отношения к реальности.

29 сентября 1998 года агентство «Рейтер» сообщило: «Ни одна попытка регулировать производные, даже после краха (и спасения) фонда «Долгосрочное управление капиталом», не увенчалась успехом. Распоряжением, утвержденным вечером в понедельник представителями Конгресса и Сената, Комиссии по срочной биржевой торговле* было запрещено расширять свое регулирование производных. Ранее в этом месяце председатель Комитета по сельскому хозяйству Конгресса и Сената, республиканец, запросил ограничить регулирующие функции Комиссии по срочной биржевой торговле в области внебиржевой торговли деривативами, отражая опасения отрасли».

Слово «отрасль», конечно же, означало крупные банки. Далее «Рейтер» пишет: «Как только первоначальный предмет регулирования стал предметом обсуждения со стороны Комиссии по срочной биржевой торговле, председатель Федеральной резервной системы Алан Гринспен и министр финансов Рубин грудью встали на защиту отрасли, утверждая, что она не нуждается в регулировании и что это поможет в бизнесе за рубежом»⁶.

Неустанные отказы допустить регулятивный надзор за взрывным распространением новых финансовых инструментов от кредитных дефолтных свопов до ипотечных ценных бумаг и мириада им подобных

экзотических «распределяющих риски» финансовых инноваций, которые начались после окончательной отмены в 1999 году Закона Гласса — Стигала, строго разграничивающего коммерческие банки, страхующие ценные бумаги, и кредитные банки, расчистили путь к тому, что июнь 2007 года менее чем через столетие дал старт второй Великой депрессии. Началось то, что в будущем, без сомнений, историки будут описывать как окончательный закат Соединенных Штатов в качестве доминирующей глобальной финансовой власти.

МОШЕННИЧЕСТВО НА ВЫБОР

Уроки системного кризиса 1998 года уже через несколько недель были забыты крупными игроками нью-йоркского финансового истеблишмента. Они, очевидно, сочли, что правительство, а точнее, налогоплательщики спасут их, когда разразится следующий кризис. Зачем тогда что-то менять?

Когда ограничения Гласса — Стигала были окончательно сняты в конце 1990-х годов, у банков оказались развязаны руки для захвата конкурентов по всему спектру: от страховых компаний до учреждений потребительского кредитования или ипотечных банков. Пейзаж американской банковской системы претерпел радикальные изменения. Революция секьюритизации активов была на старте.

После отмены ограничений Гласса — Стигала только банковские холдинги и второстепенные чисто кредитные банки остались под непосредственным

контролем Федеральной резервной системы. Если CitiGroup решала закрыть свое регулируемое правительством отделение в неблагополучном районе и вместо него открыть новую частную нерегулируемую «дочку», подобную CitiFinancial, которая специализируется на кредитовании субстандартной ипотеки, то последняя сможет работать при совершенно другом, либеральном регулировании.

Затем CitiFinancial получит возможность выпускать закладные отдельно от CitBank. Что и произошло. Потребительские группы обвиняли CitiFinancial в специализации на «грабительских кредитах», при которых недобросовестные ипотечные брокеры или продавцы всучивали кредиты семьям или отдельным людям, не заботясь об их понимании риска такого приобретения и их способности справляться с этими рисками, не говоря уже о платежах. И «CitiGroup» был типичным среди большинства крупных банков США и ипотечных кредиторов.

8 января 2008 года CitiGroup с большой помпой анонсировал свой консолидированный «бизнес жилищной ипотеки в США», включая инициирование ипотечного кредита, обслуживание и страхование. Любопытно, что в этом политическом заявлении опущено упоминание о CitiFinancial, той самой «дочке», на балансе которой находилось большинство рисков⁷.

КРЕДИТЫ ЛЖЕЦОВ, НИНА И ОРГИЯ БАНКОВСКОГО МОШЕННИЧЕСТВА

В скором времени кредитные банки США осознали, что сидят на золотой жиле, причем куда более богатой, чем в дни калифорнийской золотой лихорадки. Банки поняли, что они могут делать деньги просто на объемах выданных займов и последующей перепродаже их оптом секьюритизаторам, не заботясь о том, способен ли заемщик под заклад, скажем, дома обслуживать долг в течение следующих десятилетий.

Вскоре для банков стало обычным отдавать свое ипотечное кредитование на аутсорсинг внештатным брокерам. Вместо того, чтобы проводить свои собственные проверки кредитоспособности, они стали полагаться (зачастую исключительно) на различные кредитные опросники в сети Интернет, как в случае кредитных карт Visa, когда никаких дополнительных проверок не проводится. Для ипотечных кредиторов стало распространенной практикой предоставлять брокерам стимулирующие бонусы за привлечение большего объема подписанных ипотечных кредитов, а это еще одна возможность для массового мошенничества. Мир традиционного банковского обслуживания переворачивался с ног на голову.

Поскольку у банка уже не было стимула убеждаться в надежности заемщика на основе минимальных взносов наличными и исчерпывающих проверок кредитной истории, многие банки США просто для того, чтобы побыстрее набрать объемы займов и повысить возвраты, выдавали то, что они цинично

называли «кредиты лжецам». Они знали, что этот человек лжет о своих доходах и расходах, лишь бы обрести дом своей мечты. Их это просто не волновало. Они продавали этот риск еще до того, как высыхали чернила на закладной.

После 2002 года для таких кредитов появилась и новая терминология, например закладные НИНА* — «нет доходов, нет активов».

«Нет проблем, мистер Джонс. Вот 400 тысяч долларов для вашего нового дома, наслаждайтесь».

Поскольку Закон Гласса — Стигала больше не стоял на пути, банки смогли создавать полностью им принадлежащие, но отдельные предприятия, чтобы продолжать бум ипотечного бизнеса. Гигантом в этой игре является CitiGroup, крупнейшая банковская группа США, которая после отмены ограничений стала левиафаном с более чем 2,4 триллиона долларов основных активов — суммой, превышающей годовой ВВП всего мира за исключением шести стран.

CitiGroup включала в себя Travelers Insurance — регулируемого государством страховщика. Она включала в себя старый CityBank — огромный банк для кредитования физических лиц. Она включала в себя инвестиционный банк Smith B. И она же включала в себя агрессивного кредитора субстандартной ипотеки «CitiFinancial» (по сообщениям многочисленных потребителей, одного из самых агрессивных и хищных кредиторов, всучивавшего субстандартные займы неграмотным или неплатежеспособным заемщикам, часто в бедных черных или испаноязычных

районах). CityGroup включала «Universal Financial Corp.», одного из крупнейших национальных эмитентов кредитных карт, который использовал так называемый закон больших чисел, чтобы наращивать свою клиентскую базу среди все более и более щекотливых кредитных рисков.

CityGroup также включала в себя второй по величине банк в Мексике «Banatex» и крупнейший банк в Сальвадоре «Banco Cuscatlan». «Banatex» был одним из главных обвиняемых в связи с отмыванием денег в Мексике. Ничто не было чуждо CitiGroup. В 1999 году Конгресс США и Главное бюджетно-контрольное управление провели расследование в CitiGroup по поводу незаконного отмывания 100 миллионов долларов наркоденок для Рауля Салинаса, брата тогдашнего президента Мексики. Следствие также обнаружило, что банк отмывал деньги для разнообразных коррумпированных чиновников от Пакистана до Габона и Нигерии.

 The logo for CitiBank, featuring the word "citibank" in a lowercase, bold, sans-serif font. The letter "i" has a distinctive dot above it that forms a partial circle.

Финансовый левиафан CitiGroup был всего лишь типичным примером того, что происходило в американской банковской системе после 1999 года. Это был совершенно другой мир, абсолютно отличающийся от всего, что было прежде, возможно, за исключением эксцессов в «ревущих» 1920-х годах. Размах кредитного мошенничества и злоупотреблений, которые расцвели в новую эру секьюритизации активов, находился за пределами всякого воображения.

ХИЩНИКИ ПУСТИЛИСЬ ВО ВСЕ ТЯЖКИЕ

Одна из потребительских организаций США, в рамках противодействия грабительскому кредитованию, задокументировала некоторые самые распространенные хищные практики кредитования бума недвижимости: «В США в первое десятилетие XXI века существует множество заведений, предлагающих такие займы. Некоторые старые («Household Finance» и его сестра «Beneficial», например), другие новомодные («CitiFinancial»). Любое из них предлагает кредит по ставкам более 30 процентов. Бизнес бурно развивается: по словам Уолл-Стрит, он растет слишком хорошо, чтобы его упустить. «Citibank» платит пять процентов по вкладам, которые собирает. Его аффилированные кредитные акулы требуют в четыре раза больше, даже если кредит обеспечен собственным домом заемщика.

Это глобальный бизнес: Гонконгская и Шанхайская банковская корпорация, теперь «HSBC», хочет экспортировать его в 80 с лишним стран, в которых она имеет сеть своих представительств... «City Financial» и «Household Finance» оба уверены, что потребителям страхование необходимо. Оно имеет ряд разновидностей (страхование жизни, недееспособности, безработицы и имущества) и почти во всех случаях включено в сумму займа, проценты начисляются еще и на это...

На полпути вы получите заманчивое предложение: если вы объявите свой дом в качестве залога, ваша ставка может быть снижена и срок может быть продлен... Ставка будет высокой, а правила не объ-

явлены. Например, если вы вернете кредит слишком быстро, с вас будет взиматься штрафная пеня за это. Или вы будете платить медленно, а вас затем попросят заплатить больше в рамках, как они называют, последней выплаты по займу...

В прошлых веках это называлось долговой кабалой. Сегодня это судьба так называемого субстандартного холопа. Целых 20 процентов американских семей описываются как субстандартные заемщики. Но лишь половина людей, которые получают субстандартные кредиты, способны заплатить обычные ставки в соответствии с распоряжениями «Fannie Mae» и «Beltway». Тут действует закон джунглей: единственное правило — покупатель, остерегайся»⁹.

В 1980-х годах автор этих строк брал интервью у одного видного банкира с Уолл-Стрит в то время, когда тот восстанавливался после перенапряжения на работе. Я расспрашивал о его банковском бизнесе в Кали, Колумбия, во времена расцвета там кокаинового картеля. Не под запись он вспоминал: «Я бывал в Кали раньше. Люди в темных очках буквально заходили в банк с чемоданами, набитыми стодолларовыми купюрами. Им не задавали ни одного вопроса. Банки в буквальном смысле пойдут на убийство, чтобы заполучить часть этого бизнеса, настолько он прибыльный».

Те же самые банки перешли к субстандартному кредитованию с аналогичными мыслями в голове, и прибыли, согласно правительственным инсайдерам, здесь столь же огромны, как и при отмывании барышей наркобизнеса.

И снова именно Алан Гринспен и ФРС открыто поддерживали расширение банковского кредитования на беднейших жителей гетто, бесстыдно претендуя на то, что это была некоторая форма «справедливого распределения благ». Эдвард М. Грамлич, управляющий ФРС (он умер в сентябре 2007 года), в 2001 году, когда бум в недвижимости был еще на ранней стадии, предупреждал: стремительно растет новое поколение кредиторов, заманивающих многих людей в рискованные ипотеки, которые те не могут себе позволить.

Когда Грамлич в частном порядке призвал проверяющих ФРС расследовать деятельность ипотечных кредиторов, связанных с национальными банками, он получил отпор от Алана Гринспена. По словам инсайдеров, Гринспен управлял ФРС почти как абсолютный монарх¹⁰.

Джеральд Форд и Алан Гринспен

Выявляя то, что с большой степенью определенности является лишь верхушкой очень обширного айсберга мошенничества, ФБР в январе 2008 года объявило о расследовании в четырнадцати компаниях случаев возможного мошенничества, инсайдерской торговли или других нарушений, связанных с ипотечным кредитованием, предоставленным рискованным заемщикам. ФБР объявило: расследованию подвергаются компании по всей индустрии финансовых услуг,

от ипотечных кредиторов до инвестиционных банков, что пакуют ипотечные кредиты в ценные бумаги, продаваемые инвесторам. Мало кто услышал об этом.

В то же время власти в Нью-Йорке и Коннектикуте вели расследование, скрывали ли банки Уолл-Стрит важную информацию о наиболее высокорискованных займах, сгруппированных в ценные бумаги, продаваемые инвесторам. Генеральный прокурор Коннектикута Ричард Блументал сказал, что он и генеральный прокурор Нью-Йорка Эндрю Куомо изучали, раскрывали ли надлежащим образом банки высокий риск дефолта по так называемым исключительным займам (которые считаются даже более рискованными, чем субстандартные займы) при продаже этих ценных бумаг инвесторам.

В ноябре 2007 года Куомо прислал судебные повестки финансируемым правительством ипотечным компаниям «Fannie Mae» и «Freddie Mae», чтобы расследовать, как он утверждал, конфликт интересов в области ипотечного кредитования. Он сказал, что хотел бы узнать о заложных на миллиарды долларов, которые они купили у банков, в том числе у крупнейшего ссудосберегательного банка США «Washington Mutual, inc...», и каким образом они оценивались.

ФБР говорит, что изучает практику субстандартных кредиторов, а также возможное мошенничество в учетных книгах, совершаемых финансовыми компаниями, которые проводят эти займы по своим балансам или секьюритизируют их и продают другим инвесторам. «Morgan Stanley», «Goldman Sachs Group.» и «Bear Stearns Co.» — все они признали в

регулятивных учетных документах, что откликались на запросы из различных, точно не установленных регулирующих и правительственных учреждений о предоставлении информации¹¹.

Один бывший ипотечный брокер с северо-западной части Тихоокеанского побережья, который вышел из бизнеса из-за неприятия давления и агрессивных методов вовлечения в ипотеку неквалифицированных заемщиков, описал автору этих строк некоторые из наиболее типичных практик хищных брокеров на своей памяти в записке, посвященной ипотеке с плавающей процентной ставкой: «Текущее субстандартное фиаско — сущий кошмар, но и качественные обеспеченные закладными активы содержат потенциал для ошеломляющей катастрофы. Первый «звоночек» прозвучал в июле-августе 2007 года — это было субстандартное фиаско, но в ноябре 2007 года раздался следующий. В ноябре 2007 года плавающие процентные ставки по качественным закладным были скорректированы в сторону повышения. Это означает, что в «юбилей предоставления кредита» плавающая процентная ставка будет отрегулирована в сторону повышения. Это происходит потому, что обеспеченная закладными ценная бумага была куплена при ставке-приманке, как правило, в один или полтора процента. Выплаты, производимые по такой ставке, хотя и очень привлекательны, не приводят к снижению основного долга и даже порождают некоторые невыплаченные проценты, которые плюсятся к самой ссуде. Заемщикам позволено платить проценты по ставке-приманке весь первый год, даже несмотря на то, что ставка оправдывает только первый месяц.

Обеспокоенность в связи с этой «отрицательной амортизацией», при которой задолженность по кредиту становится больше, чем рыночная стоимость имущества, снимается ссылкой на рост стоимости недвижимости в связи с созданным банками пузырем, о котором говорится, что он является нормальным явлением и можно исходить из того, что он продолжится в будущем. Все это продвигалось со стороны кредиторов, которые направляли армии рекламщиков, то есть продавцов, к ипотечным брокерам, чтобы разъяснить, как это работает.

Плавающие процентные ставки по кредитам с залогом дома были суммой банковской прибыли — маржи — и некоторых объективных показателей стоимости заемных средств в банке, известных как индекс. Использовались индексы, сгенерированные различными видами экономической деятельности: те, которые банки по всей стране платят за 90-дневные депозитные сертификаты, или те, которые банки на Лондонской межбанковской бирже (ЛИБОР) платят за доллары. Добавление маржи к индексу производит истинную процентную ставку по кредиту — ставку, по которой после 30 лет платежей кредит будет полностью выплачен («амортизирован»). Это называется «полностью индексированная ставка». Я выберу произвольно шесть процентов в качестве реальной процентной ставки (три процента маржи + три процента индекса). Для кредита на сумму 250 тысяч долларов США ежемесячные выплаты в размере одного процента составят 804,10 доллара, что является платежом ставки-приманки, исключая налоги и страховку. Она должна корректироваться с учетом

изменений в индексе, но маржа остается постоянной на весь срок займа.

Этот заем построен таким образом, что платежные корректировки случаются только один раз в год и сохраняются на уровне 7,5 процента от платежа в предыдущем году. Это может продолжаться по нарастающей в течение пяти лет (или десяти лет в случае одного кредитора) независимо от того, что происходит в реальном мире. Затем, в конце этого пятилетнего периода, фиксированная максимальная ставка отменяется и весь процесс настраивается на выплаты в соответствии с «полностью индексированной ставкой».

Если все это время заемщик вносит только минимально необходимые платежи, это может привести к платежному шоку в тысячи. Если стоимость дома упала на 25 процентов, заемщику, на этот раз это кое-кто со «звездным» кредитом, рекомендуется вернуть его обратно банку, который обесценит его по крайней мере еще на 25 процентов, и это распространяется на всю собственность в округе»¹².

По словам чикагского банковского инсайдера, в течение первой недели февраля 2008 американские банкиры были поставлены в известность о следующем: «Chayse Manhattan Bank» разослал неограниченное количество объявлений для своих клиентов о кредитных линиях. Условия этих кредитных линий, которые были популярны в прошлом, сейчас подвергаются манипуляциям, и стоимость обеспечивающей их собственности в одностороннем порядке корректируется в сторону уменьшения, иногда до 50 про-

центов. Это означает, что, чтобы выкупить залог, домовладельцы вынуждены делать такие платежи по кредиту, которые, видимо, стоят половину основной суммы кредита, и еще выплачивать проценты сверху. Единственно разумная вещь, которую можно сделать в подобных случаях, — податься в бега, что приводит к крупным потерям капитала, снижению стоимости всей окружающей собственности и добавке еще одного кома в лавину лишений права выкупа.

Это особенно усугубляется в случаях «креативного финансирования» кредитных линий — тех, которые были сделаны на равных между 90 и 100 процентами от стоимости имущества до взрыва пузыря...

«Chase Manhattan Bank» автоматически закрыл кредитные линии, в которых был «открытый» кредит (это означает, что заемщик оставляет некоторые

1961 - Chase Manhattan Bank

деньги на кредитной линии на будущее) на сумму кредита свыше 80 процентов от стоимости собственности. Это было сделано в массовом порядке без каких-либо уведомлений «собственников»¹³.

Ограничения на отношение основной суммы кредита к оценочной означает, что сумма денег, которую кредитор готов ссудить, не может превышать установленных процентов от стоимости имущества. В общей практике надо нанимать оценщика для определения стоимости имуще-

ства. Оценка формируется с помощью сопоставимых продаж другой собственности в этом районе, которая за редким исключением должна находиться не более чем в одной миле от предмета собственности.

Эти практики были лишь верхушкой золотой лихорадки ипотечного мошенничества, которая предшествовала нынешнему цунами.

ЦУНАМИ ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ

Цены на жилье после того, как в 2007 году лопнул пузырь, все падали и падали, резче росли процентные ставки по ипотеке, безработица все шире охватывала штаты по всей Америке от Огайо, Мичигана и Калифорнии до Пенсильвании, Колорадо и Флориды. Поскольку все больше и больше рабочих теряли работу или переходили на неполную занятость, происходило неизбежное: резкий рост дефолтов по автокредитованию и кредитным платежным картам.

Этот процесс вошел в порочную самораскручивающуюся спираль дефляции активов цен по всей Америке и во многих частях мира. В первые недели 2008 года процесс только начинал становиться скверным.

Субстандартный сектор был лишь первым проявлением того, что надлежало распутать. Процесс будет продолжаться годы, прежде чем сойдет на нет. Токсичные продукты, обеспеченных активами ценных бумаг, использовались, в свою очередь, в качестве залога по последующим банковским ссудам, для спекулятивной скупки с левериджем* частными фирмами, корпорациями и даже муниципалитета-

ми. Огромная долговая пирамида, построенная на секьюритизированных активах, стала переходить в обратный левверидж, когда на глобальных рынках выяснилось, что никто не имел понятия о стоимости тех секьюритизированных бумаг, которые они держат.

Без тени смущения скрывая свою преступную халатность и принижая ее трагические последствия для миллионов американцев и граждан других стран по всему миру, второе по величине рейтинговое агентство в мире «Standard & Poor's» в октябре 2007 года заявило о том, что оно «недоценило масштабы мошенничества в ипотечной индустрии США».

Алан Гринспен слабо попытался оправдаться, утверждая, что кредитование неплатежеспособных заемщиков не было неправильным, а лишь последующая секьюритизация кредитов вызвала проблемы. Сама система, над созданием которой работали банкиры на протяжении многих лет, основана на мошенничестве и непрозрачности. Они отнюдь не были наивными в этом вопросе.

По мере того, как сотни тысяч американцев в грядущие месяцы обнаружат, что их ежемесячные платежи по ипотеке резко возрастут согласно условию о плавающем проценте, сотни миллиардов долларов ипотечных долгов останутся невыплаченными. Это в свою очередь приведет к лавинообразному эффекту в области потери рабочих мест, дефолтов по кредитным картам и еще одной волне секьюритизационного кризиса на обширном рынке секьюритизированных задолженностей по кредитным картам.

Вся американская финансовая система оказалась втянута в колоссальный ипотечный пузырь, и связанную с ним катастрофу ипотечной секьюритизации.

В конце февраля 2008 года лондонская «Файнэншл Таймс» заметила, что банки США «тихо» заняли 50 миллиардов долларов из специальной новой структуры кредитования ФРС, чтобы облегчить свой кризис с наличностью. Потери всех крупных банков от CitiGroup до «JPMorgan Chase» и большинства других крупных банковских групп США продолжали расти, тогда как экономика погружалась в пучину рецессии, которая, очевидно, в ближайшие месяцы перерастет в подлинную депрессию.

В течение президентской кампании 2008 года ни один кандидат не решился дать ни одного серьезного обещания по поводу того, что делать с формирующимся крупнейшим финансово-экономическим крахом в американской истории.

СТРАННАЯ КАТАСТРОФА «LEHMAN BROTHERS»

В начале 2008 года стало ясно, что финансовая секьюритизация станет «последним танго» для Соединенных Штатов как мировой финансовой державы.

Предпринимались неотложные меры, чтобы сохранить могущество Уолл-Стрит, если его еще можно было спасти.

В сентябре 2008 года среди нарастающей паники в Белом доме Буша и прежде всего в Министерстве финансов Генри Полсона администрация приняла

несколько решений о том, какие финансовые институты получают помощь и, что более судьбоносно, какие подлежат банкротству.

Финансовый кризис 2008

Одновременно правительство, по сути, национализировало две огромные национальные частные ипотечные страховые компании «Fannie Mae» и «Freddie Mac»¹⁴. Глава ФРС Бен Бернанке встретился за закрытыми дверями с президентом Федерального резервного банка Нью-Йорка Тимоти Гайтнером (впоследствии ставшим министром финансов Барака Обамы) и бывшим исполнительным директором «Goldman Sachs» Генри Полсоном. Они приняли роковое решение позволить четвертому по величине инвестиционному банку Уолл-Стрит «Lehman Brothers», учреждению с 153-летней историей, обанкротиться.

Финансовые рынки от Токио до Лондона и Франкфурта запаниковали, так как внезапно осознали, что теперь стала сомнительной основная линия, указывающая, какие из финансовых институтов США являются «слишком большими, чтобы упасть». Отныне ни один банк в мире не мог быть уверен, что его партнер в Нью-Йорке устоит, а если устоит, то полу-

Крупная страховая компания «AIG», чей основатель Хэнк Гринберг несколькими годами ранее был обвинен в грубых подтасовках в финансовых книгах компании, получил чрезвычайный правительственный кредит в десять миллиардов долларов. Одно-

чит поддержку правительства США. Гораздо меньший инвестиционный банк «Bear Stearns» был спасен деньгами ФРС всего несколькими месяцами ранее. Логика была не очевидна. Еще бы, именно в этом и состояла подоплека решений Полсона.

Как только просочилась новость о решении по поводу «Lehman Brothers», в течение нескольких часов рынки рухнули по всему миру. То, что до этого момента было в основном кризисом в меньшем сегменте американской субстандартной ипотечной секьюритизации стоимостью примерно 800 миллиардов долларов, внезапно превратилось в глобальный системный кризис, в течение которого банки внимательно изучали каждый актив, который они собирались принять от других банков. Глобальный кризис доверия разразился по той простой причине, что в самом разгаре крупного кризиса правительство США и частная ФРС решили позволить крупному банку упасть. Очевидно, они это сделали, полностью осознавая последствия.

В течение нескольких секунд после объявления, что «Lehman Brothers» не получит спасительной поддержки (как это было сделано в случае с «Bear Stearns»), стало ясно, что внезапно финансовая политика США, доктрина «слишком большой, чтобы упасть», политика страхования, на которую опирались банки во всем мире

Крах Lehman Brothers, кризис 2008 г.

начиная с кризиса 1980-х годов, отныне не являются основой для расчета рисков в сделках с другими банками и особенно с банками США.

Если бы министр финансов Генри Полсон, Гайтнер и Бернанке из ФРС приняли решение спасти «Lehman Brothers» вместо «Bear Stearns», возможно, воздействие было бы значительно меньше. По крайней мере банкиры во всем мире были бы уверены, что у правительства США существует последовательная политика чрезвычайного спасения — какие банки «слишком большие, чтобы упасть».

Даже бывший председатель «Goldman Sachs» губернатор Нью-Джерси Джон Корзин выступил с нападками на своего бывшего партнера по «Goldman Sachs» Полсона за его «непоследовательность» и содействие панике на рынках созданием неопределенности¹⁵.

Единственное правдоподобное объяснение шоковому банкротству «Lehman Brothers» состояло в том, что Уолл-Стрит и Министерство финансов США отчаянно нуждались в событии, которое напугает Конгресс, и последний выдаст Полсону карт-бланш на чрезвычайное спасение его дружков с Уолл-Стрит. В сентябре оставалось всего два месяца до президентских выборов, и Конгресс был не склонен утверждать политически взрывоопасный план спасения крупных банков за счет налогоплательщиков, большинство из которых считали, что именно эти банки являются причиной кризиса. Банкротство «Lehman Brothers» привело финансовый мир на грань глобальной катастрофы. А также привлекло внимание Конгресса.

23 сентября Полсон объявил о создании чрезвычайного фонда для спасения банков с симпатичным названием ТАРП, или Программа освобождения от проблемных активов*. Как потом убедилась общественность, кто и сколько получил по этой программе, оставалось тайной и при Полсоне, и при его преемнике от демократов Гайтнере.

Представляя в Конгрессе запрос на чрезвычайные меры спасения, Полсон и Бернанке сообщили только о том, что ТАРП будет стоить 700 миллиардов долларов. Они произвели наспех состряпанный двухстраничный проект закона, в котором ни слова не говорилось о каких-либо ограничениях на использование этих денег или подотчетности надзорному органу. В этот момент всему миру стало ясно, что американские власти потеряли контроль. В такой атмосфере ни один банк больше не осмеливался доверять какому-либо другому международному банку¹⁶.

В 1999 году глава «Ситигруп» Санди Вейл (в центре) при поддержке министра финансов администрации Клинтона Роберта Рубина (справа) добился отмены Закона Гласса-Стигала 1933 года

После чего безумие стало развиваться по нарастающей. ТАРП предполагала, что проблема состоит в нехватке ликвидности, и передала сотни миллиардов долларов налогоплательщиков в руки CitiGroup, «JPMorgan Chase»

и «Goldman Sachs», глубоко замешанным в создании гигантской мошеннической пирамиды секьюритизации.

После сентября 2008 года проблема, как заметил бывший заместитель министра финансов Джон Тейлор, была не в межбанковской ликвидности. Она состояла в отсутствии уверенности у всех крупных банков, что их банковский контрагент не исчезнет. Никто не знал, как выразился Тейлор, «у кого на руках пиковая дама»¹⁷. Накачивание избранных банков сотнями миллиардов долларов налогоплательщиков было неправильным лекарством для лечения неверно диагностированной болезни. Но не для Богов денег.

ПАРАДИГМА CITIGROUP

Банки — получатели помощи, например CitiGroup, были довольны программой ТАРП. Налогоплательщики вынуждены были оплатить расходы банков, связанные с их безудержной азартной игрой в финансовом казино. Викрам Пандит, исполнительный директор CitiGroup, заявил: «Мы ежедневно остаемся полностью занятыми делами компании. Мы собираемся вести дела Citi для акционеров».

Цена акций CitiGroup на тот момент не превышала одного доллара.

Фактически Пандит сказал, что правительственное вливание не изменит ни стратегию, ни операции, ни управление CitiGroup: «Обычный бизнес, ребята». Однако благоразумнее было бы постараться привести банк в состояние, в котором тот смог бы работать без

В октябре 2008 года правительство США приступило к спасению CitiGroup, крупнейшего в мире банка, наиболее агрессивного кредитора субстандарной ипотеки.

Капиталистической системе. Уолл-Стрит предпочла то, что некоторые назвали «социализмом банкиров»: социализация потерь для налогоплательщиков и приватизация прибылей для банкиров.

Банкротство «Lehman Brothers» вызвало распространение паники во всем мире. Внезапно замерло рутинное торговое финансирование. В Китае, основном мировом экспортере, компании перестали получать обычное торговое финансирование, и по всей стране начали закрываться заводы. В странах Европейского союза Европейский центральный банк включил кран ликвидности в отчаянной попытке предотвратить массовое банкротство банков.

В Великобритании банковская паника стартовала в начале 2008 года, когда пал один из крупнейших ипотечных банков страны «Nothern Rock». Это было совместное с «Lehman Brothers» предприятие по продаже субстандартных обеспеченных залогом ценных бумаг в Великобритании. Банк должен был

правительственной поддержки, и реорганизовать бизнес так, чтобы подобная катастрофа никогда не повторилась.

Интересы акционеров должны были стоять на последнем месте. Это было строгой логикой риска в реальной ка-

быть национализирован к унижению лейбористского правительства Гордона Брауна.

Именно Браун ранее постарался обеспечить дружественное банкам законодательство, которое освободило от регулирования такие банки, как «Northern Rock», и открыло широкую дорогу азартным играм в банковской деятельности в американском стиле.

То, что произошло после того, как новый президент США, единственным предвыборным лозунгом которого была фраза «Перемен!», скоро станет очевидно всему миру. Ничего обнадеживающего для тех, кто ожидал реальных перемен.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 UNCTAD Secretariat. Recent developments on global financial markets: Note by the UNCTAD secretariat. TD/B/54/CRP.2, Geneva, 28 September 2007.

2 Подробнее малоизвестные детали политической обстановки в период кризиса «Кредитанштальт» в 1931 году, который привёл к цепной реакции крахов немецких банков, смотри Энгдаль, Ф. У. Столетие войны: англо-американская нефтяная политика и Новый мировой порядок. СПб, 2008. Глава 6.

3 Schroy J. O. Fallacies of the Nobel Gods: Essay on Financial Economics and Nobel Laureates // www.capital-flow-analysis.com/investment-essays/nobel_gods.html.

4 Для знакомства с захватывающим исследованием фундаментальных недостатков теоретических моделей экономического и финансового рынка, используемых сегодня, и того, что автор называет высокими разногласиями катастрофических изменений цен, я рекомендую книгу Бенуа Мандельброта, йельского математика и изобретателя рекурсивной геометрии: Mandelbrot B. and Hudson R. L. The (mis) Behavior of Markets: A Fractal View of Risk, Ruin and Reward. Profile Books Ltd, London, 2004.

5 MacKenzie D. An Engine, Not a Camera: How Financial Models Shape Markets. The MIT Press, Cambridge, MA, 2008. Маккензи документирует процесс, как в начале 1970-х годов учредитель Чикагской торговой биржи нанял экономиста Чикагского университета Мильтона Фридмана, чтобы составить аргументы в пользу разрешения торговли фьючерсами и опционами на иностранную валюту, и как через некоторое время развитие теории оценки опционов Блэка и Шоулза дало исполнительным директорам Уолл-Стрит уверенность в том, что их торговля деривативами основывается на «реальной науке». Что, конечно, было не так, как подтвердил крах мира секьюритизации в 2007 году.

6 Reuters, September 29, 1998.

7, The Citigroup Watch // Inner City Press, January 28, 2008 // www.innercitypress.org.citi.html.

8 Citigroup Becomes Mexico's Largest Bank after Banamex Merger // Rainforest Action Network, August 10, 2001 // forests.org/archive/samerica/cibemexi.htm.

9 Lee M. Predatory Lending: Toxic Credit // The Inner City, 2003 // www.innercitypress.org.

10 Andrews E. L. Fed Shrugged as Sub-prime Crisis Spread // The New York Times, December 18, 2007.

11 Zibel A. FBI Probes 14 Companies Over Home Loans // AP, January 29, 2008.

12 Частные сообщения автору от бывшего ипотечного брокера, работавшего с крупным американским ипотечным кредитором.

13 Частная электронная переписка автора.

14 Методичное описание предполагаемых обсуждений в американском правительстве по решению о спасении «АИР» и роли в этом процессе бывшего тогда президентом Нью-йоркского Федерального резервного банка Тима Гейтнера, позже ставшего министром финансов Обамы, смотри Sorkin A. R. Too Big To Fail. Allen Lane, London, 2009. P. 234-237.

15 Sorkin A. R. Op. cit. P. 470.

16 Ibid. P. 487-489.

17 Taylor J. B. The Financial Crisis and the Policy Responses: An Empirical Analysis of What Went Wrong. November, 2008 // www.Stanford.

edu/~johntayl / FCPR. pdf _____

* Англ. Asset Backed Commercial Paper, или АБСР.

* Англ. Collateralized Debt Obligations (CDOs).

* Правительственное учреждение, номинально надзирающее над торговлей производными.

* Англ. NINA — No Income, No Assets.

* Англ, leveraged buyout — выкуп с привлечением заемных средств.

* Англ. Troubled Asset Relief Program (TARP).

Глава 9

ОБВОРОВЫВАНИЕ НАЦИИ

«Деньги - источник зла, деньги - источник зла, деньги - источник
зла, избавься от них, избавься от них, избавься от них...»

песня сестер Эндрюс, хит-парад 1945 года¹

ПРЕЗИДЕНТ «ПЕРЕМЕН»

Уже в первый год президентства Барака Обамы стало понятно, что именно кандидат подразумевал своим единственным предвыборным слоганом «Перемены!». Эти перемены не касались ни экономической, ни финансовой, ни военной, ни внешней политики США в целом.

Внимательное изучение подбора Обамой консультантов и кандидатур в члены правительства ясно давало понять, что услышанная многими мантра о переменах отнюдь не относилась к тем вещам, на которые наивно надеялось большинство его сторонников. Скорее, это были перемены в интенсивности.

Члены Кабинета Б. Обамы, 2009 г.

Выбирая членов своего кабинета, президент Обама сделал этот факт очевидным. Его команда советников по национальной безопасности стала первым предупреждением. Роберт Гейтс, человек, который был близким соратником семьи Буш с момента своего назначения в ЦРУ в 1966 году, по просьбе вновь избранного президента Обамы остался на посту министра обороны. По словам инсайдеров, в 1991 году президент Джордж Буш — старший назначил Гейтса директором ЦРУ, чтобы помочь скрыть свое участие в незаконной торговле оружием и наркотиками, так называемый скандал «Иран-контрас». Гейтс стал министром обороны Джорджа Буша — младшего в 2006 году, когда Дон Рамсфелд

со скандалом ушел в отставку. Было ясно, что в политике Пентагона президент Обама твердо намерен проводить курс Буша-младшего.

Советник по вопросам национальной безопасности Обамы генерал Джеймс Джонс был командующим НАТО в Европе при Буше, во время расширения альянса к границам России. Президентский директор Национальной разведки адмирал Деннис К. Блэр, профессиональный флотский офицер, командовал американскими вооруженными силами в Тихом океане при Буше. Эта команда национальной безопасности вряд ли выглядела способной изменить направление политики США в качестве единственной супердержавы или сосредоточенность на вооруженных силах даже при том, что никакая мыслимая держава-конкурент не угрожала безопасности Америки. Менее чем через год после своего избрания президент Обама предпринял шаги, чтобы увеличить численность войск в Афганистане на 30 тысяч — как раз в тот момент, когда он принимал Нобелевскую премию мира.

ВЕЛИЧАЙШЕЕ ОГРАБЛЕНИЕ РУКАМИ БАНКОВ УОЛЛ-СТРИТ

Отсутствие реальных перемен при Обаме стало еще очевиднее в выборе глав его финансовой и экономической команды. Сюда он назначил тех же самых лис, которые в свое время открыли банкам Уолл-Стрит широкую дорогу в финансовые курятники.

Через несколько дней после приведения к при-

суге в качестве президента Барак Обама сделал драматический разворот на 180 градусов от своих экономических предвыборных обещаний и приступил к назначению на каждый ключевой финансовый и экономический пост либо личных протеже, либо протеже вице-председателя «CitiGroup» Роберта Рубина, либо протеже «Goldman Saches», чтобы проводить свою экономическую политику. Несмотря на явную победу с мандатом на проведение радикального реформирования обанкротившегося дерегулированного финансового здания, Обама начал с самого вызывающего в американской истории чрезвычайного спасения Уолл-Стрит.

Избранный президент 5 ноября 2008 года назвал своего близкого друга и сокурсника по юридическому факультету Гарвардского университета Майкла Фромана, на тот момент высокопоставленного топ-менеджера «CitiGroup», в качестве главы переходной экономической группы, которая будет выбирать кандидатуры на все ключевые посты кабинета, имеющие отношение к банковскому делу и экономике.

Фроман познакомил кандидата Обаму с заместителем председателя «CitiGroup» Рубином, в свое время бывшим министром финансов в администрации Клинтона и возглавлявшим «Goldman Saches». Рубин же выступал наставником Фромана каждый раз, когда тот делал ключевой выбор для администрации Обамы². Назначение Тима Гайтнера в качестве министра финансов и Ларри Саммерса в качестве директора Национального экономического совета Белого дома, своего рода экономического «царя», говорило о том,

под чью дудку будет плясать президент Обама, и кто будет заказывать музыку. Уолл-Стрит уверенно вошла в президентскую команду, как это было на протяжении прошлого века, да и в позапрошлом тоже.

В 1999 и 2000 годах Саммерс, который сменил своего бывшего босса Роберта Рубина на посту министра финансов президента Клинтона, и Тим Гайтнер как его заместитель подготовили и протолкнули через Конгресс два роковых законопроекта, которые развязали спекулятивную лихорадку финансовых титанов с Уолл-Стрит. Это были отмена Закона Гласса — Стигала от 1933 года и Закон о модернизации товарных фьючерсов 2000 года, что позволило абсолютно без надзора правительственных регуляторов торговать финансовыми производными, такими как кредитные дефолтные свопы, в частном порядке, или, как это обозначали, на внебиржевом рынке ценных бумаг.

Гайтнер перешел в Белый дом, оставив свой пост президента могущественного Федерального резервного банка Нью-Йорка, пребывая на котором он, в компании с Бернанке и министром финансов Генри Полсоном, сыграл решающую роль в чрезвычайном спасении «AIG» и банкротстве «Lehman Brothers». Гайтнер был человеком Уолл-Стрит с головы до ног.

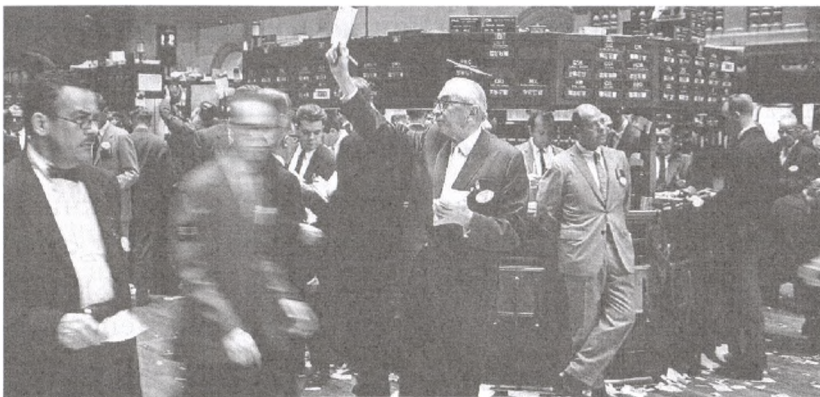
Как в общих чертах обрисовано в этой книге, причины американской финансовой катастрофы, которая началась летом 2007 года, имели много очень глубоко встроенных компонентов. Непосредственный толчок был дан смертельной комбинацией дерегулированных финансовых структур, сговором

основных агентств кредитных рейтингов по поводу использования некорректных моделей риска и слабого надзора над банками, кредитовавшими ипотеку.

Присматривали за этой политикой последовательно четыре американских президента: Рональд Рейган, Джордж Буш старший, Билл Клинтон и Джордж Буш младший.

Все они намеренно позволяли разгул спекулятивного разрушения американской экономики, поощряя отмену финансового регулирования. Результатом стало резкое перераспределение благосостояния и власти в США, усугубленное выборочным снижением налогов для самых богатых и ростом налогов (и прямых, и косвенных) для безнадежно погрязшего в долгах американского потребителя, что фактически только глубже топило американское население.

Инвестиционные банки Уолл-Стрит, такие как Morgan Stanley, Goldman Sachs, Merrill Lynch и «Lehman Brothers», вводили секьюритизацию, процесс, поддерживаемый той, кто должна была его

В офисе Merrill Lynch, конец 90-х

ограничивать, — Федеральной резервной системой. Этот процесс привел к созданию новых инструментов для мошенничества и обмана — ценных бумаг, обеспеченных активами. Банки выдавали «кредиты лжеца» и другие легкие кредиты своим клиентам, часто вводя их в заблуждение относительно окончательного риска. Банки вели себя, словно были убеждены, что существует новая система, которая больше не считает исключительно важным консервативный контроль за рисками.

После Азиатского кризиса 1997-1998 годов (который и тайно, и открыто разжигался теми же самыми банками Уолл-Стрит, чтобы привлечь азиатские капиталы в Соединенные Штаты), поток денег из Азии и, прежде всего, из Китая в американские полугосударственные гиганты недвижимости «Fannie Mae» и «Freddie Mae», придал секьюритизации реактивное ускорение. Секьюритизация обычной и даже высокорискованной американской ипотеки в новые ценные бумаги или обеспеченные недвижимостью ценные бумаги, которым тогда главные рейтинговые агентства обманчиво присваивали рейтинги высшего качества AAA, настолько соблазнила инвесторов из Европы и Азии, что они ринулись в новые американские ценные бумаги без какой-либо перепроверки реальности этого кредитного рейтинга.

Структура секьюритизации была создана и разработана, чтобы сделать только то, что она и сделала, с азиатской ликвидностью или без нее. Она разрабатывалась, чтобы мошеннически обогатить те финансовые учреждения, которые стояли в основе американского колосса: Уолл-Стрит и ее ближайших союзников.

Начиная с первого «спасения» финансовых рынков еще Аланом Гринспеном в октябре 1987 года основные участники рынка были уверены, что, какой бы кризис ни разразился в результате их рискованного кредитования или финансовых деловых отношений, власти в тот же день придут им на помощь. Эта идея нашла свое выражение в доктрине «Слишком большой, чтобы упасть».

СЛИШКОМ БОЛЬШОЙ, ЧТОБЫ СПАСТИ?

Маленькая горстка очень крупных банков стала настолько огромной, что их считали «слишком большими, чтобы упасть», благодаря, главным образом, преднамеренной правительственной политике финансового дерегулирования, особенно благодаря отмене в 1999 году Закона Гласса — Стигала, спроектированной Саммерсом и Гайтнером при Клинтоне. Этот закон 1933 года, как писалось выше, ограничивал слияния среди инвестиционных фирм Уолл-Стрит (коммерческих банков, например «CitiBank» или «Bank of America») и страховых компаний. Действительно, к декабрю 2008 года, несмотря на свои потери к тому моменту в финансовом кризисе, активы четырех крупнейших американских банков превысили ВВП большинства стран в мире. Они стали столь крупными и столь могущественными, что целые правительства уступали их требованиям, склоняясь перед высшей силой Уолл-Стрит.

Bank of America, крупнейший среди них, держал в активах шокирующую сумму в 2,5 триллиона дол-

ларов. Следом шли JP Morgan Chase с 2,2 триллиона, CityGroup с 1,9 триллиона и «Wells Fargo» с 1,3 триллиона³. Эта четверка крупнейших американских банков держала активы номинальной стоимостью почти 8 триллионов долларов. Эти четыре банка и, возможно, еще три (четыре крупных инвестиционных банка Уолл-Стрит, а также, вращающая рулетку, гигантская страховая компания «AIG») стояли в безветренном центре шторма глобального финансового цунами, разразившегося в начале лета 2007 года.

Власть денег сконцентрировалась в руках очень немногих людей. И именно они были центром субстандартных и других ипотечных надувательств и мошеннических схем Понци, которые к 2009 году поставили на колени крупнейшую экономику в мире.

Ключевым фактором, позволившим этому цунами разразиться, была чрезвычайная концентрация высокого риска в маленькой горстке американских банков. С июня 2008 года четыре американских банка держали подавляющее большинство всех контрактов по сложным финансовым дериватам. Наиболее быстро растущим сегментом среди этих деривативов были кредитные дефолтные свопы, которые описывались одним банкиром, как «подобные человеку, который идет и покупает страховку на случай пожара, но не на свой дом, а на соседский»⁴. Искушение для злоупотреблений было непреодолимым.

Безусловно, крупнейшим банком, оперирующим с деривативами, был JP Morgan Chase с 91 триллионом долларов в нарицательном, или номинальном выражении рисков участия в сделках с дериватива-

ми. Следом шел Bank of America с 40 триллионами, в затылок ему дышал CitiBank с 37 триллионами, и объединенный Wells Fargo Wachovia после октября 2008 года насчитывал в общей сложности 5,5 триллиона. У остальных американских банков авуары деривативов были гораздо ниже. Рискованные деривативы, очевидно, были прерогативой крупнейших игроков и опасным образом концентрировались в менее чем полудюжине учреждений⁵. Падение любого из них развязало бы глобальный системный кризис неслыханного масштаба.

В рискованнейшем сегменте деривативов, на полностью нерегулируемом рынке дефолтных свопов, который, как уже отмечалось, был изобретен JP Morgan Chase, четыре упомянутых банка США плюс HSBC Bank USA (дочерняя компания крупнейшего британского банка) держали ошеломляющие 95 процентов. Эти пять банков позже откажутся обнародовать, сколько денег, выделенных на спасение AIG, утекло в их карманы, чтобы укрепить эти контракты. Лондонский офис AIG обслуживал практически нерегулируемые страховые фирмы, позволявшие банковским гигантам делать свои огромные ставки. Когда все это здание после августа 2007 года начало разрушаться, мошенническим схемам AIG тоже пришел конец⁶.

Еще более тревожно, что концентрация рисков в этих пяти огромных банках была выстроена таким образом, что по мере того, как США и мировая экономика будут глубже впадать в рецессию или даже в депрессию, как произошло в случае Соединенных Штатов, грядущие банковские потери в производных будут расти в геометрической прогрессии. По состо-

янию на 1 января 2009 года эти пять американских банков сообщили, что оценивают возможные потери (в «худшем случае») еще на 587 миллиардов долларов из-за своих рисков участия в деривативных сделках. Их оценки потерь выросли на тревожные 49 процентов с момента сентябрьского решения правительства обанкротить Lehman Brothers⁷. Один осведомленный аналитик банковских рисков назвал эту ситуацию, которая запрограммирована становиться еще хуже по мере углубления кризиса в экономике США, бомбой замедленного действия⁸.

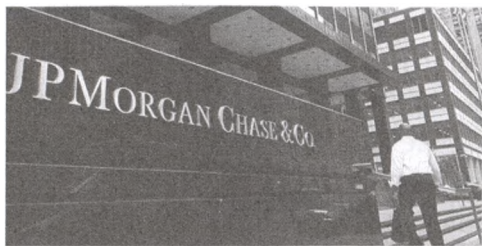
Это и есть тот самый гадкий секрет, который никто не пожелал обнародовать. Банковские гиганты Уолл-Стрит, новая версия Денежного треста XXI века, базирующаяся на новых экзотических производных инструментах, готовы на все, чтобы скрыть истинную причину финансовых потерь системы (собственные мошеннические схемы банкиров) и навести ужас на американских налогоплательщиков, чтобы те безропотно покрывали убытки банков. И этим гигантским банкам на каждом шагу содействовали и оказывали поддержку их дружки в Федеральной резервной системе, в Министерстве финансов США и в Белом доме.

Эти потери были полностью предсказуемы. Они — результат дерегулирования банковской и финансовой системы, которое тщательно и сознательно, шаг за шагом, проводилось собственниками банков. Это была система политики невмешательства в финансы, создаваемая на протяжении многих лет путем интенсивного лоббирования со стороны банков Денежного треста. Банки Уолл-Стрит, и окружающие их институты в финансовом секторе США с 1998 по

2008 год, вложили впечатляющую сумму не менее пяти миллиардов долларов, по существу, в скупку голосов Конгресса США через взносы на предвыборные кампании и лоббирование.

Бывший американский банковский регулятор во времена кризиса ссудосберегательной системы в 1980-х годах Уильям Блэк описывал трансформацию США в течение десятилетий в фактическую финансовую олигархию, где права все в большей степени отождествлялись с богатством человека: «40 лет назад наша реальная экономика росла лучше, когда финансовый сектор получал в 20 раз меньший процент от общей прибыли (два процента), чем текущий финансовый сектор (40 процентов). Минимальная оценка того урона, который раздутый, переплачиваемый финансовый сектор наносит реальной экономике, состоит в этом значительном увеличении его доли в общем объеме национального дохода, которая тратится впустую в результате паразитирования финансового сектора.

Во-вторых, этот финансовый сектор хуже, чем паразит... Функции финансового сектора — острые клыки, которые использует государство-хищник, чтобы разорвать нацию. В дополнение к выкачи-

JPMorgan Chase - один из старейших и самых влиятельных финансовых конгломератов на планете.

ванию капитала в свою пользу финансовый сектор не по назначению использует остальные капиталы таким образом, что наносит урон реальной эко-

номике, с тем, чтобы в выигрыше была уже богатая финансовая элита во вред нации... В этом десятилетии выкуп облигаций и подарки акций чиновникам превысили новый капитал, привлеченный рынками США. Это означает, что рынки осушают капитал реального сектора экономики. Слишком часто они делают это в целях обогащения коррумпированных корпоративных инсайдеров путем мошенничества с бухгалтерским учетом или проведенных задним числом фондовых опционов... Реальная экономика США страдает от острой нехватки сотрудников с сильной математической, инженерной и научной подготовкой. Выпускники в этих трех областях слишком часто выбирают карьеру в финансовой области, а не реальную экономику, поскольку финансовый сектор обеспечивает гораздо большее вознаграждение для руководящего звена... Фиксация финансового сектора на бухгалтерском доходе принуждает его оказывать давление на американское производство и обслуживающие фирмы, чтобы экспортировать рабочие места за границу, не допускать капитал к фирмам, рабочие которых объединены в профсоюзы, и поощрять фирмы использовать иностранные налоговые убежища, чтобы уклоняться от уплаты американских налогов».

Блэк завершает исследование воздействия концентрации могущества в руках финансистов замечанием, что эта система по своей природе должна всякий раз создавать все более новые и крупные финансовые пузыри, которые неизбежно будут лопаться: «Вместо того, чтобы течь к местам, где это будет самым полезным для реальной экономики, капитал

стремится к инвестициям, которые создают наибольшую мошенническую бухгалтерскую прибыль. Финансовый сектор особенно склонен к обеспечению исключительного количества фондов, к тому, что я называю бухгалтерским контролируемым мошенничеством. Контролируемое мошенничество выглядит законным юридически и используется управляющими им людьми как орудие жульничества... Бухгалтерская отчетность контролируемого мошенничества столь привлекательна для кредиторов и инвесторов, поскольку она производит записи, гарантирующие краткосрочную бухгалтерскую прибыль. Они проводят оптимизацию с помощью быстрорастущих схем в стиле Понци, давая ссуды заемщикам, которые вряд ли будут в состоянии их возместить (как только пузырь лопнет), и участвуя в чрезвычайных левериджах. Если нет эффективного регулирования и судебного преследования, это нерациональное использование ресурсов создает эпидемию бухгалтерского контролируемого мошенничества, которое стремительно раздувает огромные финансовые пузыри»⁹.

Диагноз, поставленный Блэком этой разрушительной и самоподпитывающейся концентрации могущества в финансовой сфере и на Уолл-Стрит (в первую очередь с момента отказа от золотого стандарта для доллара в августе 1971 года), трагически слишком точен.

ШАМΠΑНСКОЕ ДЛЯ БАНКИРОВ, ТОКСИЧНЫЕ ОТХОДЫ ДЛЯ ВСЕХ ОСТАЛЬНЫХ

Пока банкиры Уолл-Стрит от «Goldman Saches» до «CitiBank» кутили на деньги из правительственной программы чрезвычайного спасения, продолжая свой обычный бизнес и уплачивая щедрые бонусы персоналу, остальные, включая почти весь средний класс, столкнулись с суровой реальностью надвигающейся экономической депрессии, хотя «предполагалось, что такого никогда больше не произойдет». Но произошло.

Последующую экономическую депрессию в США нетрудно понять. Американские семьи были обманом вовлечены своими банкирами в десятилетнее строительство, невиданной ранее долговой пирамиды.

Многим казалось, что у банков так много денег, что они фактически их раздавали. Десятки миллионов американцев были соблазнены покупкой одного или даже нескольких домов, поскольку пузырь, раздутый после 2002 года, убедил их, что цены будут расти всегда. ФРС их поощряла, и даже Конгресс США принимал закон за законом, чтобы подпитывать золотую лихорадку этих спекуляций.

Как только лопнул пузырь в момент кризиса в небольшом немецком банке «IKB» в августе 2007 года, конструкция из костяшек домино в спекулятивной и долговой сфере начала цепное падение. Цены на внутреннем рынке, вместо того, чтобы расти, как это было в течение нескольких лет, в конце 2007 года внезапно сделали полный разворот. Процентные

ставки, так называемые низкие ставки, в первый год погашения, которые несколькими годами ранее соблазняли покупателей недвижимости обманчиво низкими начальными значениями, в конце 2007 года начали «переустанавливаться» к рыночным курсам для самой рискованной ипотеки — так называемой субстандартной. Поскольку цены на внутреннем рынке уменьшились, заемщики, оформившие ипотеку с плавающей процентной ставкой, не могли провести рефинансирование, чтобы избежать более высоких платежей, связанных с возрастающими процентными ставками. Они перестали выполнять свои обязательства.

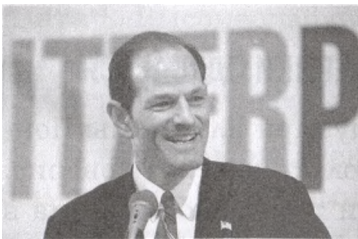

Финансовый кризис, сентябрь 2008

В течение 2007 года кредиторы начали слушания дел о лишении права выкупа почти 1,3 миллиона единиц собственности, что составило увеличение на 79 процентов по сравнению с 2006 годом. Это число увеличилось до 2,3 миллиона в 2008-м, составив 81-процентное увеличение по сравнению с 2007 годом. К августу 2008 года 9,2 процента всех просроченных закладных США были либо с нарушением закона (уклонение от выплат), либо с лишением права выкупа. К сентябрю 2009 года это число повысилось до 14,4 процента — уровня, невиданного с 1972 года, когда такие данные стали фиксироваться¹⁰. Домовладельцы, сталки-

ваясь с огромным ростом ежемесячных ипотечных платежей, начали задерживать выплаты или вообще прекратили их. Банки изымали в свою пользу дома в процессе, который был облегчен действиями администрации Буша, направленными на защиту банков, а не пострадавших домовладельцев.

Избранный нью-йоркский губернатор Элиот Спитцер, честолюбивый политический деятель, который сделал карьеру в Демократической партии, как горячий противник Уолл-Стрит и в особенности «AIG» Хэнка Гринберга, поднял тревогу. Когда Спитцер заговорил об окольных шагах Белого дома Буша в поддержку ипотечного мошенничества и лишения штатов механизмов, созданных во времена Великой депрессии для защиты домовладельцев от лишения права собственности банками, он стал жертвой операции с внедрением агентов ФБР, которая вынудила его уйти в отставку.

Элиот Спитцер, бывший губернатор Нью-Йорка

Спитцер свидетельствовал перед американской подкомиссией по финансовым услугам Палаты представителей США по поводу проблем, в находящихся в Нью-Йорке специализированных страховых компаниях — монолайнерах. В своем заявлении Конгрессу он возложил вину за финансовый кризис непосредственно на действия администрации Буша-младшего. Несколько дней спустя «Нью-Йорк Таймс», по слухам, действовавшая по конфиденциальному совету Министерства юстиции, предала огласке свидание

губернатора Спитцера с дорогой проституткой в вашингтонском отеле.

В тот же самый день в интервью Национальному телевидению Спитцер указывал, что несколькими годами ранее американское Управление контролера денежного обращения через суд заблокировало усилия штата Нью-Йорк по расследованию ипотечной активности национальных банков. Спитцер утверждал, что Управление не пресекало сомнительные маркетинговые практики выдачи ссуд и не поддерживало более высокие гарантийные стандарты. Спитцер в интервью сказал: «Этого можно было бы избежать, если бы Управление делало свою работу. Управление не делало ничего. Администрация Буша позволяла пузырю на рынке недвижимости раздуваться, и теперь, когда он сдувается, мы имеем дело с последствиями»¹¹.

РЕАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА АМЕРИКИ СДУВАЕТСЯ

Как и все спекулятивные пузыри или схемы Понци, этот пузырь лопнул, как только исчезло доверие. Поскольку американцы начали терять новые дома в серьезных количествах, бум жилищного строительства также сошел на нет. После краха пузыря информационных технологий в начале десятилетия сектор недвижимости стал основным работодателем.

Миллионы высокооплачиваемых рабочих мест в строительстве и позиций белых воротничков, связанных с недвижимостью, мгновенно исчезли. Это привело ко второй волне банкротств предприятий ма-

лого бизнеса и, как следствие, к уровню безработицы, согласно надежным частным и неофициальным оценкам, свыше 22 процентов от трудоспособного населения — уровню, напоминающему о глубинах Великой депрессии¹².

Официально, с помощью традиционно более жестких статистических пересмотров и манипуляции данными, Белый дом Обамы попытался уменьшить реальные цифры, заявляя уровень безработицы в 10 процентов к октябрю 2009 года — тоже достаточно тревожный уровень, но больше чем в половину расходящийся с реальным. Почасовые работники, которые были достаточно удачливы, чтобы все еще держаться на своих рабочих местах, обнаружили, что их часы работы резко сократились. Средняя рабочая неделя уменьшилась до 33 часов, самого низкого уровня с того момента, когда правительство начало собирать эти данные в 1964 году, а также упала и почасовая плата¹³. Высокооплачиваемые служащие обнаружили, что их рабочая нагрузка удвоилась, поскольку их коллеги были уволены.

Пузырь американских потребительских расходов был основан на пирамиде долга. Как только эта пирамида дрогнула и долги перестали выплачиваться, вся кредитная система начала обваливаться. Банки отказывались кредитовать даже другие банки, боясь неизвестности. Американская экономика попала в свою собственную версию долговой ловушки третьего мира.

Каждое средство, использование ли долларов налогоплательщиков для чрезвычайного спасения крупнейших банков Уолл-Стрит, вкачивание ли миллиар-

дов долларов налогоплательщиков в попытку спасти детройтскую автомобильную промышленность, лишь еще больше ухудшает ситуацию в целом. Поскольку индивидуальные потребители решительно сокращают покупки в долг (ипотека, автокредиты и кредитные карты), американское правительство стремительно погружается в долговую тряси́ну, наращивая государственный долг.

Брукингский институт сообщил в июне 2009 года, что потребление в США составляет удивительную цифру: одна треть от роста всего мирового потребления в период между 2000 и 2007 годом. Это потребление в США все больше финансируется в долг: «Экономика США в течение многих лет тратила слишком много и слишком много заимствовала, а остальной мир зависит от американского потребителя в качестве источника глобального спроса».

Поскольку в конце 2008 года экономика США вошла в свободное падение, остальной мир ощутил этот сейсмический толчок. Годовой ВВП снизился на двойные цифры по всему миру, от Мексики до Германии, Латвии, Великобритании, Японии и так далее¹⁴.

К марту 2009 года в связи с кризисом и сокращением экономического роста арабский мир потерял примерно три триллиона долларов; безработица в арабском мире была охарактеризована, как бомба замедленного действия, когда в конце 2008 года упали рекордно высокие цены на нефть. Страны (от России до Китая) пережили резкий экономический спад после сентября 2008 года и краха «Lehman Brothers»¹⁵.

Тем не менее по всем параметрам центр финансового шторма находился в экономике Соединенных Штатов и в их банковской системы. Единственная сверхдержава мира погружалась в трясину долгов и неплатежей, государственной и частной коррупции, безработицы и экономического спада, невиданных даже в 1930 году.

В ноябре 2009 года руководитель Административно-бюджетного управления при президенте Питер Орзаг объявил мрачные цифры.

Поскольку правительство США закончило финансовый год с ошеломляющим дефицитом в 1,4 триллиона долларов, Орзаг предсказал, что в течение следующего десятилетия дефицит, вероятно, вырастет еще на 9 триллионов, до 12 триллионов долларов. Он назвал эту перспективу «серьезной и чрезвычайно неприемлемой»¹⁶. Орзаг сильно занижал статистику, сообщая приукрашенные цифры. Реальность была значительно хуже.

Один из критиков официальных правительственных экономических данных Джон Уильямс, глава Теневого управления государственной статистики, отметил в январе 2009 года, что, если учесть годовое изменение в чистой стоимости задолженности находящегося вне фондов социального обеспечения и медицинской помощи для пенсионеров (например, корпоративные обязательства перед своими пенсионерами), «дефицит в 2008 году составил бы 5,1 триллиона по сравнению с 1,2 триллиона в 2007 году».

Уильямс продолжает, ссылаясь на эти же критерии: «Всего обязательства правительства США

(валовая федеральная задолженность плюс чистая приведенная стоимость внефондовых обязательств) на сумму около 66 триллионов примерно в 4,6 раза превышали уровень объявленного ВВП США и превышали общую оценку мирового ВВП. Эти цифры неприемлемы... и становятся серьезно хуже в 2009 финансовом году»¹⁷.

Стремительно разрастающееся бремя государственного долга, в свою очередь, начинает угрожать международной уверенности в стоимости доллара США и во всей долларовой системе, которую с таким трудом построили после Бреттон-Вудских переговоров в 1944 году. Теперь Китай, ближневосточные производители нефти, ряд латиноамериканских государств и Россия начали серьезно рассматривать альтернативы американскому доллару.

АМЕРИКАНСКИЙ РИМ

Поучителен беглый взгляд на экономические причины падения Римской империи около шестнадцати веков назад. Корни упадка и окончательного распада Римской империи, в свое время также единственной мировой сверхдержавы, заключаются в принятии политических решений правящей аристократией (точнее, олигархией богатства) расширять границы империи путем завоевательных войн и грабежа чужих земель. Это делалось не на благо государства, а с целью наращивать частные состояния и личную власть. Экономическая модель Римской империи была основана на разграблении завоеванных территорий. По

мере расширения империи устанавливались удаленные военные гарнизоны для поддержания контроля, а власти все в большей степени полагались на иностранных наемников, их населявших.

В процессе военной экспансии крестьянство, ядро империи, становилось беднее. Люди были вынуждены покинуть свои фермы на долгие годы, чтобы воевать в далеких захватнических походах. В результате юг Италии был опустошен. Те, у кого были деньги, смогли купить землю в качестве единственной устойчивой инвестиции, становясь крупными латифундистами и помещиками¹⁸.

Это привело к концентрации земли в немногих руках, а сама земля, в свою очередь, обрабатывалась рабами, плененными в захватнических войнах. Мелкие фермеры обанкротились и были вынуждены бежать в Рим, пытаясь выживать как пролетарии и наемные работники. Они не имели ни права голоса, ни других гражданских прав. В глазах богатых они были просто «толпой», которую можно купить, которой можно манипулировать и которую можно направлять на врагов, они были «демосом», массаами, населением. Римская «демократия» являлась манипуляцией массаами на службе империи.

Правительство Римской империи не имело надлежащей бюджетной системы и растрачивало средства, поддерживая империю, которая сама мало что производила. Когда перестало хватать трофеев с завоеванных территорий, чтобы покрывать расходы, правительство обратилось к более высоким налогам и возложило бремя огромной военной структуры

на своих граждан. Более высокие налоги заставили многих мелких фермеров оставлять свои земли незасеянными. Чтобы отвлечь граждан от ухудшения условий жизни, римские правящие олигархи бесплатно раздавали бедным пшеницу и развлекали их цирком, гонками колесниц, растерзанием христиан львами и другими развлечениями, используя пресловутую стратегию «хлеба и зрелищ» для предотвращения народных волнений.

Политические должности все чаще продавались богатым. Массы, в свою очередь, продавали свои голоса различным политикам за покровительство. Такие вот шарады демократии...

Следующий фундаментальный сдвиг, который существенно подкосил Римскую империю, — переход от призывной армии из солдат-фермеров к армии из оплачиваемых профессиональных кадровых военнослужащих по мере того, как все более удаленные войны становились все более непопулярными. Это ничем не отличается от того, что произошло в Америке после войны во Вьетнаме, когда народный протест стал угрозой для военного будущего. Тогда президент Никсон отменил призыв в пользу «полностью добровольной» армии.

Поскольку условия для римских солдат в удаленных войнах стали более обременительными, понадобились соответствующие стимулы для легионов. Ограничение, по которому на военную службу могли призываться только граждане, было отменено, и с этого момента в обмен на военную службу можно было получить римское гражданство. И это ничем не отличается от того,

что происходит сейчас, ведь подросткам-иммигрантам обещают американское гражданство, если они рискуют своей жизнью в войнах Америки в Афганистане, Ираке или в других местах. К определенному моменту римские солдаты были вынуждены приносить присягу своему командиру, а не государству.

Небольшие фермы постепенно заменялись огромными латифундиями, скупленными на награбленное, и разрыв между богатыми и бедными римлянами увеличивался.

Когда во II веке нашей эры братья Гракхи попытались сгладить растущий разрыв между богатыми и остальными с помощью проведения реформ в сельском хозяйстве, которые ограничивали бы полномочия богатых сенаторов, их просто убили.

Римская олигархия вырождалась все больше. К концу правления римских императоров чревоугодие стало настолько распространенным явлением среди богатых, что они строили свои комнаты так, что гости, которые съели и выпили слишком много, могли избавиться от съеденного с помощью рвоты, практически не отходя от стола.

Однажды император Нерон заявил: «Платите налоги, больше налогов. Давайте проследим, чтобы никому ничего не принадлежало!» Покупка экзотических специй, шелка и других предметов роскоши с Востока «выпила» все римское золото, которое так и не вернулось назад. Вскоре Риму перестало хватать золота для производства монет. И в его монетах становилось все меньше и меньше золота, пока оно совсем не исчезло. Другой император для того, чтобы

сократить объемы производства и поднять цены на вино, приказал уничтожить половину виноградников в провинциях Рима.

С течением времени расходы на содержание этой огромной глобальной военной структуры стали неподъемными. К III веку люди пытались любым способом избежать обременительных налогов, введенных для поддержания армии. Сама армия к правлению Диоклетиана выросла в два раза со времен Августа. Инфляционная спираль раскручивалась, инфляция приводила к систематическому снижению доли золота и серебра в монетах Римской империи. Кроме того, безудержно росли расходы на государственное управление. Ко времени Диоклетиана был уже не один император, а четыре, что означало финансирование четырех имперских судов, четырех преторианских гвардий, четырех дворцов, четырех штабов. Стоимость поддержания порядка в римском государстве также становилась огромной¹⁹. Стоимость государственной бюрократии росла как на дрожжах, так же, как размер и стоимость исполнительной ветви федеральной бюрократии США после 1971 года.

В конечном счете, по мере того, как территориальная экспансия Рима заходила в тупик и начинала сокращаться, все меньше и меньше оставалось возможностей для грабежа, чтобы поддерживать глобальные амбиции империи, а также ее внутреннюю экономику. Наем военных кадров на стороне привел к летаргии, самодовольству и упадку.

Римская империя постепенно теряла могущество. Варвары с севера часто проводили рейды вглубь рас-

падающей империи. Империя погружалась в долги по мере того, как императоры отчаянно пытались купить себе лояльность армии, а моральный дух их подданных продолжал падать по нисходящей спирали.

Рим постепенно потерял контроль над своими границами, дороги и мосты не поддерживались в порядке, что привело к сбоям в области торговли и связи. В самом Риме стали обычным явлением бунты и восстания. Поскольку правительство все глубже влезало в долги, оно поднимало налоги. Армии под командованием своих генералов отбирали необходимые им фураж и провиант у местных жителей.

Продовольствие стало ценным товаром, большое число людей голодало. Дальнейшие захватнические войны погрузили империю во внутренний хаос. Римские войны распространились на Азию и Африку, и резко возросла коррупция среди политического правящего класса. Деньги властвовали безраздельно. Рим стал плутократией, олигархией, где власть была синонимом богатства.

КОНЕЦ РЕСПУБЛИКИ?

К 2009 году правительство Соединенных Штатов с санкции Конгресса США выложило более одного триллиона долларов за две войны, ведущиеся так далеко от американских берегов, что большинство граждан не в состоянии понять их необходимость. Ирак и Афганистан обнажили острые грани того, что британцы называли «имперским перенапряжением». Несмотря на самые передовые военные технологии,

в том числе беспилотные бомбардировщики, пилотируемые из специальных центров, находящихся так же далеко от афганской цели, как и Лас-Вегас, военная машина США скорее проигрывает, чем побеждает. Подобно Древнему Риму Америка фактически превратилась в военное государство, бастион национальной безопасности. К 2009 году правительство официально тратило в общей сложности более триллиона долларов в год на свою военную технику — больше следующих по списку 45 стран, вместе взятых²⁰.

Римской империи потребовались почти два столетия упадка, чтобы развалиться. К первым месяцам 2009 года похоже, что американской империи, самопровозглашенному Американскому веку, понадобилось чуть больше 60 лет, чтобы завершить свое саморазрушение. В обоих случаях в основе краха лежала коррупция олигархии, плутократии, в которой власть равнялась богатству.

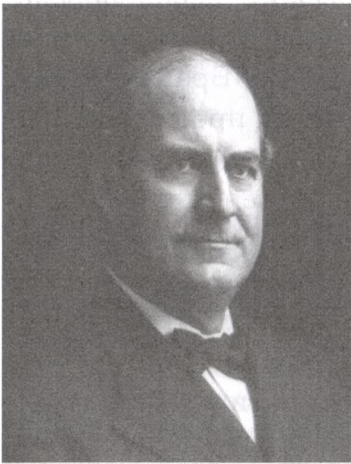
В марте 2008 года главный финансовый инспектор (генеральный контролер) США и руководитель Главного бюджетно-контрольного управления Дэвид М. Уокер подал в отставку за пять лет до окончания пятнадцатилетнего срока своих полномочий.

Причиной отставки с поста, которую он публично озвучивал в выступлениях по всей стране, стало то, что в качестве контролера он был ограничен в своих действиях, и что Соединенные Штаты стоят перед угрозой разрушения точно таким же образом, как Римская империя. Проводя параллели с падением Римской империи, Уокер предупреждал, что есть «поразительное сходство» между текущей ситуацией в Америке и фак-

торами, которые привели к падению Рима²¹.

Американский век, который в 1941 году был провозглашен главой «Тайм» Генри Льюсом, братьями Рокфеллерами, Харриманом и другими состоятельными группировками истеблишмента, как и Римская империя, основывался на системе захвата и грабежа чужих земель.

Со временем он принял другую форму с использованием наднациональных технократов МВФ, чтобы грабить страны Латинской Америки и богатые природными ресурсами государства Африки. Он использовал после 1971 года уникальные финансовые преимущества мировой резервной валюты и одновременно свое беспорное военное преимущество, чтобы расширить власть и влияние далеко за рамки, которые его внутренняя экономика могла бы выдержать без потерь. Как римские императоры снижали содержание золота и серебра в монетах, чтобы продолжить существование неустойчивой системы, Боги денег на Уолл-Стрит использовали свободно плавающий доллар и виртуальные деньги в виде производных финансовых инструментов для поддержания фасада платежеспособности. Этот фасад дал трещину в августе 2007 года, когда

Уильям Дженнингс Брайан,
Государственный Секретарь США при
В. Вильсоне

обрушился немецкий банк «КВ». Остается открытым вопрос о том, желает ли остальной мир или даже будущие поколения американцев выучить уроки Рима, не говоря уже об уроках Американского века.

Уильям Дженнингс Брайан предостерегал от распятия народа «на золотом кресте» перед Национальным съездом Демократической партии в 1896 году, когда был выдвинут кандидатом в президенты от партии. До самой смерти остававшийся противником Денежного треста и олигархического вероисповедания «социального дарвинизма», будучи государственным секретарем при Вудро Вильсоне, Брайан ушел в 1915 году в отставку в знак протеста против манипуляций Вильсона обстоятельствами гибели «Лузитании» в целях создания повода для включения в европейскую войну. Брайан в своей речи в 1906 году, за век до краха американской экономики и ее финансовой системы, пророчески отметил: «Плутократия претит республике, она деспотичнее монархии, бессердечнее аристократии, эгоистичнее бюрократии. Она питается государством в мирное время и вступает в сговор против него в годину бедствий... Настало время избавиться от этой гигантской несправедливости»²².

ПРИМЕЧАНИЯ

1 The Andrews Sisters “Money is the Root of All Evil”. The Golden Age Of The Andrews Sisters CD 2/4, first recorded in 1945, CD remastered from original, 2002, Jasmine Music. 2 Taibbi M. Obama’s Big Sellout // Rolling Stone, December, 2009 // www.rollingstone.com/politics/story/31234647/obamas_big_sellout/2.

3 The Numbers, March 23, 2009. P. 16.

4 Olsen K. A. Инвестиционный банкир из Люксембурга в частных беседах с автором в феврале 2009 года.

5 George Washington Blog Data of Top 25 Investment Banks with Largest Derivatives Exposures //

www.scribd.com/doc/6486125/Data-of-Top-25-Investment-Banks-with-Largest-Derivatives-Exposures-from-GeorgeWashingtonBlog.

6 Gordon G. and Hall K. G. Regulatory reports show 5 big banks face huge loss risk // McClatchy Newspapers, March 9, 2009 // www.mcclatchydc.com/227/story/63606.html. 7 Ibid.

8 Ibid.

9 Black W. K. How the Servant Became a Predator: Finance’s Five Fatal Flaws// www.huffingtonpost.com/william-k-black/how-the-servant-became-a_b_318010.html.

10 Mortgage Bankers’ Association: Delinquencies Continue to Climb in Latest MBA National Delinquency Survey // Press Release, November 19, 2009 // www.mbaa.org/NewsandMedia/PressCenter/71112.htm.

II Campos P. Was Spitzer targeted? // Rocky Mountain News, March 12, 2008 // www.rockymountainnews.com/news/2008/mar/12/campos-was-spitzer-targeted/. См. также статью автора Engdahl F. W. Why Bush Watergated Eliot Spitzer. 17 March 2008 // www.engdahl.oilgeopolitics.net.

12 Williams J. Shadow Government Statistics // www.shadowsstats.com.

13 Herbst M. Even the Employed Lose with Hour and Wage Cuts // Business Week, July 10, 2009.

14 Baily M. N. and Elliott D. J. The U.S. Financial and Economic Crisis: Where Does It Stand and Where Do We Go From Here? // The Brookings Institution, Washington D. C., June 15, 2009.

15 Peskin D. Following crisis: Arab world loses \$3 trillion// IPR, March 31, 2009 // infoprod.co.il/main/siteNew/index.php?langId=l&mod=article&action=article&Admin=qwas&stld=247.

16 Alarkon W. OMB director warns growing deficit a threat to American economy // The Hill,

November 3, 2009 //

thehill.com/homenews/administration/66085-omb-director-warns-

growing-deficit-a-threat-to-u s-economy.

17 Williams J. Op. cit. // www.shadowstats.com/article/gaap-based-federal-deficit. 18 Romanowski M. Ancient Rome: Downfall of the Empire // www.ancient-rome.biz.

19 Peden J. Inflation and the Fall of the Roman Empire// Mises Institute, October 27, 1984 // www.marketoracle.co.uk/Article12831.html.

20 General Accountability Office, Report 2008. P. 35.

21 Wisniowski Ch. Interview with Comptroller general of the United States David M. Walker

// Mortgage Banking, June 1 2007.

22 Speeches of William Jennings Bryan. Funk & Wagnalls, New York, 1909. P. 90

СОДЕРЖАНИЕ

Рождение Федеральной резервной системы в результате банковского переворота.....	7
ФРС Моргана финансирует европейскую войну.....	51
Новый курс, Великая депрессия: на сцену выходят Рокфеллеры.....	93
Создание Бреттон-Вудской долларовой системы.....	125
Рождение государства национальной безопасности.....	149
Долларовый стандарт завоевывает мир.....	183
Рейгановская революция для «денежных мешков».....	215
Конец долларовой системы?.....	259
Обворовывание нации.....	299

Заходите на наш сайт www.celado.ru

Здесь Вы найдёте эксклюзивные актуальные материалы по экономике, геополитике и энергетике. Мы ежемесячно публикуем десятки переводов статей мировых экспертов, а также аналитические статьи российских специалистов. Основными принципами при выборе материалов для публикации являются объективность и достоверность информации, высокий профессиональный уровень автора, доступная для широкой аудитории подача информации.

Также присоединяйтесь к нашим группам в социальных сетях, где Вы сможете обсудить с другими читателями книги и публикации. Кроме того здесь у Вас есть возможность задать вопрос авторам.

Facebook: <https://www.facebook.com/izdat.celado/>

LiveJournal: <http://celado.livejournal.com/>

Vkontakte: <https://vk.com/celado>

Twitter: https://twitter.com/Celado_Moscow

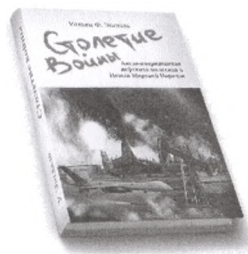
Читайте также другие книги Уильяма Ф. Эндгеля

Целью книги «Священные войны Западного мира» является раскрытие широкой аудитории истинной природы современных исламских джихадистов. Чтобы понять безумный фанатизм наёмников ИГИЛ и других террористических группировок, необходимо обратиться к их историческим корням. Они ведут к временам Первой мировой войны, Египту 1920-х годов и основанию там секты «Братья-мусульмане». Они ведут к союзам «Братьев-мусульман» с различными секретными службами немусульманских государств — от британской МИ-6 до Генриха Гимлера, нацистской СС и, наконец, ЦРУ в 1950-х.

«Семена разрушения» Уильяма Эндгала - это не очередная книга об опасностях ГМО. Это тщательное, профессионально проведенное исследование, демонстрирующее, как небольшая социально-политическая группа американской элиты ищет способы установить контроль над основой человеческой жизни - над рынком питания. Тема ГМО сложна и многослойна. Эта книга - одна из первых попыток ее систематизации: от воздействия ГМО на пищевую цепь каждого конкретного человека до глобальной угрозы целым регионам планеты.

Книга «Столетие войны: Англо-американская нефтяная политика и Новый Мировой Порядок» призвана помочь российским читателям обрести более четкое понимание того, что скрывается за зачастую запутанной военной и дипломатической политикой Вашингтона. Анализу текущей ситуации в мире предшествует оценка геополитического и исторического контекста этих событий. Автор тщательно прослеживает роль нефти как столпа англо-американской власти в прошлом столетии.

Заказать эти и другие книги можно на официальном сайте издательства www.celado.ru

НЕВИДИМАЯ РУКА ...БАНКОВ

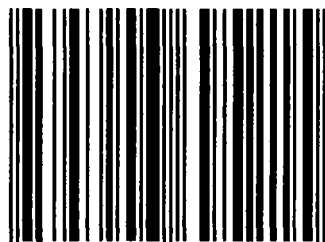
Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,00.

Подписано в печать 6 декабря 2017
Тираж 700 экз. Заказ 8846

Издательство «Селадо»
www.celado.ru

СЕЛАДО
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ISBN 978-5-906695-21-5

9 785906 695215

The New York Times
GERMAN ARMY ATTACK
GIVES BOMBER PLANE
MAKING IT ACCEPTED

The New York Times
BOMBERS TRADES DISTRICT
FELLAS CONGRESS BY 6-1
MEXICAN PLAZAING SILVER

Вторая мировая

**BRETTON WOODS
MONETARY CONFERENCE**
This site in the town of Bretton, named "Bretton Woods" to recall the original land grant of 1776, was chosen in July 1944 as the location of one of the most important meetings of the 20th century. Convened by the allied nations before the end of WWII and attended by representatives of 44 countries, the Bretton Woods Conference established regulations for the international monetary system following the war. The national monetary system following the war. The conference created the International Monetary Fund and the future World Bank, and linked the exchange rate of world currencies to the value of gold.

Брет. Вудс.
система

The New York Times
VIETNAM ACCORD IS REACHED;
CEASE-FIRE BEGINS SATURDAY;
P.O.W.'S TO BE FREE IN 60 DAYS

The New York Times
MINH SURRENDERS, VIETCON IN SAIGON;
1,000 AMERICANS AND 5,500 VIETNAMESE
EVACUATED BY COPTER TO U.S. CARRIERS

The New York Times
JOHNSON SAYS HE WON'T RUN;
HALTS NORTH VIETNAM RAIDS;
BIDS HANOI JOIN PEACE MOVES

Вьетнам

ORTEL
PRICE—THREE CENTS
**BANKS OF ENTIRE
NATION ARE CLOSED
FOR BRIEF HOLIDAY**
Federal Government To Provide
Temporary Medium of Exchange

Золотой стандарт

THE WALL STREET JOURNAL
MAGAZINE SEPTEMBER 21, 2008
All Street as Lehman Totters,
Buyer, AIG Hunts for Cash
Develop a Momentum Market for American Finance, Under Siege for a Chaotic Monday
Obama's
Obama's
Obama's

Economic crisis
DE ON

2008

**THE COMMITTEE TO
SAVE**
The inside story of how the
three Marketers
have prevented a
global economic
collapse—so far

отмена Г.Лас.Стиг.